

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А.М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С.А. Марзан

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмох (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:
Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Т.І. Якавук
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

**ФІЛАСОФІЯ
ПАЛІТАЛОГІЯ
САЦЫЯЛОГІЯ**

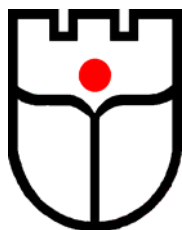
НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С.Пушкіна»

№ 2 / 2014

У адпаведнасці з Загадам Старшыні Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь № 94 ад 01.04.2014 г. часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навук

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:

A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief:

S.A. Marzan

International Board:

M.M. Gromov (Russia)

A.N. Kryglashov (Ukraine)

Edvard Yarmokch (Poland)

Editorial Board:

G.I. Zaimist

(managing editor)

P.A. Vadapyanav

V.M. Vatyl

A.N. Grigorovich

C.S. Kirvel

P.P. Krus

B.M. Lyapeshka

S.V. Reshetnikov

D.G. Rotman

E.Y. Skakun

V.A. Stepanovich

T.I. Yakavuk

Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:

224665, Brest,

Boulevard Cosmonauts, 21

tel.: 23-34-29

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 2 / 2014

According to the order of Chairman of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus № 94 from April 01, 2014, the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in philosophical political and social sciences

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Лепешко Б.М. Філасофія і эпоха: в поісках саміх себця	5
Евароўскі В.Б. Метатэорыя нацыянальнай філасофіі Беларусі.....	11
Міхайлова Н.В. Філасофскі аналіз ідэі когнітыўнага рэлятывізма в абоснованні матэматыкі	18

ПАЛІТАЛОГІЯ

Бондарь Ю.П. Постсоветская модернизация в контексте мировой политики: проблемное поле исследований.....	25
Петрушак В.Л. Формирование новой геоструктуры многополярного мира как феномен глобализации ..	30
Дашкевич В.О. Белорусская модель развития: национально-особенное и общеисторическое	36
Решетникова Н.С. Материя политического мышления в политической науке	40
Махнач Е.М. Международное сотрудничество Республики Беларусь в области преодоления последствий аварии на Чернобыльской АЭС.....	49
Вакула М.Н. Генезис лидерских качеств личности в политических теориях лидерства.....	63
Коктыш М.Г. Глава государства – гарант процессов формирования идеологии белорусского государства.....	69
Северин Э.Н. Свобода совести как политико-правовой феномен.....	76

САЦЫЯЛОГІЯ

Титаренко Л.Г. Экологическое поведение в обществе риска: эмпирические типы (на примере города Минска)	85
Смирнова Р.А. Малый город как организационно-управленческий и социокультурный центр развития сельских регионов	92
Бубнов Е.М. Социальные образы мужчины и женщины	101
Яковук Т.И. Отдых и туризм как наиболее привлекательные формы организации свободного времени... 114	114
Лысюк А.И., Соколовская М.Г. Общественные советы как инструмент содействия региональному и местному развитию.....	118
Широканова А.А. Динамика горизонтального и вертикального доверия в Беларуси (по материалам WVS).....	127
Кавецкий С.Т. Свободное время в белорусском обществе на рубеже XX и XXI вв.	134
Кузьменко Т.В. Территориальная идентичность как основа формирования местных сообществ малых городов и сел.....	140
Кузьмин А.Д. Социальный состав и образовательный уровень чиновников белорусских губерний в 1864–1914 гг.	147
Звесткі аб аўтарах	153

CONTENTS

PHILOSOPHY

Lepeshko B.M. Philosophy and Epoch: in the Seeking of Themselves	5
Yevarouski V.B. Metatheory National Philosophy of Belarus	11
Michailova N.V. Philosophical Analysis of Cognitive Relativism in Substantiation of Mathematics.....	18

POLITOLOGY

Bondar Y.P. Post Soviet Modernization in the Context of World Politics: Problem Area of Research	25
Petrushak V.L. New Geostructures of Multipolar World as a Phenomenon of Globalization.....	30
Dashkevich V.O. Belarusian Development Model: Nationally Specific and Universal Historical.....	36
Reshetnikova N.S. The Substance of Political Thinking in Political Science	40
Makhnach E.M. International Cooperation of the Republic of Belarus in Overcoming the Consequences of the Chernobyl Accident	49
Vakula M.N. Genesis Leadership Qualities Personalities in the Political Theory of Leadership	63
Koktysh M.G. President – Guarantee Process of Formation of the Belarusian State Ideology	69
Severin E.N. Freedom of Conscience as the Political and Legal Phenomenon.....	76

SOCIOLOGY

Titarenko L.G. Ecological Behavior in a Risk Society: Empirical Types (Case Study of Minsk).....	85
Smirnova R.A. Small Town as the Organizational, Administrative, and Socio-cultural center of the Development for Rural Regions	92
Bubnov Yu.M. Social Images of Men and Women	101
Yakavuk T.I. Recreation and Tourism as the Most Attractive Forms of Leisure Organization	114
Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Civic Councils as an Instrument of Helping Regional and Local Development.....	118
Shirokanova A.A. Dynamics of Horizontal and Vertical Trust in Belarus (WVS Materials)	127
Kavetski S.T. Free Time in the Belarusian Society at a turn of XX and XXI centuries	134
Kuzmenko T.V. Territorial Identity as the Basis for the Formation of Local Communities of Small Towns and Villages	140
Kuzmin A.D. Social Composition and Educational Level of Belarusian Provincial Officials in the 1864–1914 years	147
Information about the authors	153

ФІЛАСОФІЯ

УДК 101.2/3

Б.М. Лепешко

ФИЛОСОФИЯ И ЭПОХА: В ПОИСКАХ САМИХ СЕБЯ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с пониманием сущности и характера современной эпохи и роли философии в осмыслении её проблем. Обоснован тезис, согласно которому имеет место недооценка философского знания, приведены соответствующие объективные и субъективные аргументы. Теоретические проблемы рассмотрены на примере развития национального государства, характера развития национальной философской мысли.

Достаточно безуспешные попытки последних десятилетий осмыслить происходящее в форме либо национальной идеи, либо иного теоретического системного продукта в своей основе имеют слабость национального философского знания, недостаточную развитость национальной философской традиции. Можно сколько угодно утверждать собственное философское величие, говорить об огромных достижениях национальной философской школы, но достаточно сформулировать несколько простых вопросов для того, чтобы стало понятно: здесь предстоит ещё большой путь и большие теоретические, интеллектуальные усилия. Скажем, попросите любого успешного студента назвать именно национальных философов, любых, пусть масштаба Конфуция и Платона, пусть уровня не столь высокого. В лучшем случае и достаточно ожидаемо вам назовут имена крупных белорусских писателей конца XIX – начала XX вв. В худшем – ответа вообще не последует. Или ещё: перелистайте учебники, специальные словари хотя бы стран-соседей в поисках крупнейших имён национальных философов – разочарование будет полным. Дело мало спасают попытки известных белорусских специалистов решить эту проблему путём написания многочисленных книг про «выходцев» из страны, добившихся замечательных результатов за рубежом. Кстати, это касается не только философов. Много пишут о художниках, уехавших, например, в Париж и сделавших там себе имя. Снимают об этом фильмы, но вот никто не заинтересовался проблемой «входцев», то есть лиц, приехавших к нам и здесь осуществивших некие эпохальные достижения. В этом нет ничего случайного, поскольку таких людей просто не было. Или почти не было (имею в виду советскую эпоху и миграцию кадров из России, Украины, других республик).

Когда сегодня говорят о трудностях формулирования той же национальной идеи, неудовлетворительных теоретических результатах этого процесса, то здесь помимо не только факторы объективного порядка (скажем, идея «не вызрела»); речь и о том, что мы просто не готовы ещё к решению задач такого масштаба и такого уровня. Но странное дело: вместо того, чтобы признать этот факт и направить усилия для системного решения проблемы, в частности, в общественности, мы пытаемся убедить себя, что дело не в том, что национальная философская школа нуждается в развитии и формировании соответствующей традиции, а в том, что мы её просто не знаем. То есть крупные философы, соответствующая традиция на самом деле есть, но нам всё это неизвестно в силу недостатков образовательного процесса или личной ангажированности (знать таких не хотим). Всё сказанное вовсе не означает, что сегодня философский цех страны ограниченно дееспособен. Сильная философская школа есть в Гродно, ряд известных специалистов успешно работают в Минске. В последние десятилетия вышли заметные энциклопедические издания, учебные пособия, монографии, соответствующая библиография хорошо известна, и в рамках данной публикации её приведение не-

целесообразно. Но отдельные (пусть заметные) успехи не решают проблемы в целом: говорить о том, что философы вышли за пределы локальных достижений и заявили о себе в обществе как серьёзный интеллектуальный компонент национального развития, всё же сложно. В этой связи остановимся на некоторых существенных моментах, задачах, профессиональный консенсус в отношении которых может позволить продвигаться вперёд.

Вначале – о масштабе тех проблем, которые ставятся. Великие философские системы – Маркса, Гегеля, Канта – создавались на основе новой интерпретации достаточно известных понятий, в результате чего формировался новый взгляд на мир. Понятно, что это результат титанических усилий, но нет ли впечатления, что такого рода задачи сегодня вообще не ставятся, планка требований (личных, со стороны редакторов, научных руководителей) существенно снижена и большинство работ формулируются по известному стандарту. Скажем, откройте сборники научных статей и заметите, что большинство материалов – локальные по характеру и духу, они локальны даже не по формулируемым проблемам, а по сознательному сужению поля, предмета исследований. Скажут: а что в этом плохого, в этом как раз и заключается цель написания статьи. Это бесспорно, но если абсолютное большинство материалов тех же научных конференций сугубо локальны, то какова сверхзадача проведения этих и иных научных форумов? А если «сложить» локальные достижения, мы автоматически получим некую «целостность»? Если бы так. Вот не кажется ли, что в том случае, когда возникла необходимость решения сложной системной проблемы (формулирование стратегии национального развития, национальной идеи, например), то воспитанные именно на локальных задачах и локальных проблемах кадры впали в теоретический ступор. То есть вывод здесь очевиден: для решения системных задач обобщающего порядка нужна постановка проблем не просто высокого теоретического уровня, а масштабных проблем. Здесь, конечно, имеет смысл вспомнить наследие советского теоретического прошлого. Кадры той поры были приучены к тому, что все стратегические задачи, все масштабные проекты, все системные вопросы решены раз и навсегда: читайте диалектический материализм и вникайте в материалистическое понимание истории. Всё, что остаётся, – это развивать марксизм-ленинизм в новых исторических условиях и совершенствовать его. Реликты подобного мышления наблюдаются и сегодня.

Возьмите требования, которые ВАК Республики Беларусь формулирует к нынешним аспирантам, диссертантам: научная новизна, самостоятельность, но на одном из первых мест всё же практическая значимость. Но вот ведь вопрос: практическая значимость часто рассматривается исключительно в рамках денежного эквивалента, то есть что и как можно иметь (соискателю, обществу, государству) в результате применения наработанных диссертантом результатов. Как представляется, в обществоведении акцент всё же должен быть несколько иным: что дала диссертация в плане реальных, системных мировоззренческих, идеологических результатов, путь даже альтернативных господствующим. Пусть даже перед этими текстами не стоит предикат «научный». И никого не должна пугать «оторванность от жизни» тех или иных материалов. Почитайте труды Нобелевского лауреата Альбера Камю: там ведь не только «жизнь», «практика», но и понимание абсурдности жизни. Найдите «Мифу о Сизифе» денежный эквивалент. Перелистайте работу Николая Фёдорова «Философия общего дела»; общее дело – это ведь воскрешение (реальное) всех ушедших ранее поколений людей. Вот такая практика, такой «выход к жизни». От философии не надо ждать рекомендаций сугубо прагматического характера; более того: нет единой философии, никогда её не было и никогда не будет. То есть результаты философских исследований могут быть и должны быть разными, даже диаметрально противоположными. От философии не надо ждать «объективной истины» в марксистском понимании: относительно истины есть и будут вечные

споры. Но вот чего можно ждать от философии в практическом аспекте – это попытки интерпретации (переинтерпретации) известных понятий, явлений, теоретического знания и формулировки нового взгляда на мир.

Мы вот сегодня достаточно часто утверждаем необходимость осмысления новой исторической реальности, в которой оказалась Беларусь в условиях независимого развития. Задача философов здесь заключается вовсе не в том, чтобы приложить какую-либо известную методологическую (парадигмальную) кальку к конкретно-историческому ходу развития и возвестить истину. Речь о другом: важности изучения, анализа и формулировки характера и качества этого национального развития, фокусировке внимания на её сущностных чертах, выборе существенного и дисквалификации вторичного и на этой основе обоснования смысла происходящего. Может оказаться, что этих «слов» окажется несколько? Очевидно, да. Но ведь вопрос не в том, кто прав, а кто нет, где «правда», а где «неправда». Вопрос в том, что наличие альтернатив отражает сам ход противоречивого общественного развития и даёт основание для выбора национальной стратегии. Много ли сегодня мы можем назвать таких интеллектуальных стратегий? Ответ очевиден.

В этом процессе нам не обойтись без персонификации интеллектуального процесса. И это вовсе не констатация особой жажды признания со стороны философов. Во все не стремление воплотить в жизнь известный завет Платона, согласно которому философы должны править миром. Дело в объективных основаниях процесса мышления в этой сфере, где личность и её идеи не могут быть отторгнуты друг от друга. Можно одновременно прийти к научному результату в сфере естествознания: открыть радио, расщепить атом и т.д. Но нельзя одновременно сформулировать социологическую теорию в том виде и форме, как это сделал, например, Питирим Сорокин. Нельзя сесть и написать работу уровня труда Павла Флоренского «Столп и утверждение истины». Нельзя сформулировать идею теократии так и в такой форме, как это осуществил, например, Владимир Соловьёв. Нельзя второй раз написать «Уединённое» или коробки «Опавших листьев», как это получилось у Василия Розанова. Философия действительно близка искусству, и всё то, что пишет философ, – это его личное творение, которое повторить практически невозможно. Но тогда – субъективизм? Да, субъективизм и не надо бояться этого пресловутого субъективизма в обществознании.

Мы с советских времён воспитаны так, что нам подавай истину, желательно проверенную экспериментально, доказанную, неоднократно верифицируемую. Позитивистские подходы живучи главным образом вследствие желания найти именно то основание, на базе которого высказанные мысли будут иметь характер, близкий естественнонаучным результатам. Это старая и большая проблема обществознания, не будем углубляться в неё, сформулируем главную мысль: в философии мысль носит личный характер, и «объективировать» её можно лишь с очень большими теоретическими натяжками, создавая всё новые и новые предметные поля для дискуссии. Мы говорим о силе земного притяжения, не говоря, не вспоминая того, кто впервые сформулировал и обосновал эту идею. Но нам сложно говорить о теории общественно-экономических формаций, не вспоминая Маркса. Хотя, надо признать, именно Маркс, сделал столь много для того, чтобы превратить обществознание в науку, в частности, историю; отсюда известное материалистическое понимание истории. Пиетет перед позитивизмом понятен и обоснован: именно таким образом специалисты пытаются «онаучить», в частности, философию, историю, придать ей привычный для естествоиспытателей экспериментальный, верификационный вид. Но столь же очевидно и иное: теоретический протест против позитивизма носит не только исторический характер, он коренится в самой сути философского знания.

Могут сказать: таким образом, поставленный вопрос и его решение может привести к появлению множества взаимоисключающих концепций, где каждый волен говорить, что желает. Но, во-первых, не надо пугаться «множества концепций»: практика показывает, что их не может быть много, во всяком случае, вся предшествующая история развития знания свидетельствует именно об этом. «Бросить» мысль можно, и это в силах сделать очень многие. Но развить эту мысль, представить её в виде системы, обосновать выбор теоретических приоритетов и выйти за пределы интеллектуальной местечковости – это всё же штучное производство и результат деятельности лишь определённой категории людей. Во-вторых, альтернативность теоретических результатов, в том числе и философских, не просто «нормальная» практика научной деятельности. Это единственный путь развития теоретического знания, отражающий всю противоречивость социума и невнятность в понимании перспектив развития. Можно в этой связи обосновать тезис о том, что у нас в республике превалирует стремление выйти на некую одну «правильную» мысль, единственно верную идею, которая позволит осмыслить происходящее и ближайшее будущее в максимально ясных и понятных большинству категориях. Но это вряд ли осуществимо. Философы Серебряного века в Российской империи были признаны истинными творцами вовсе не потому, что они наконец-то пришли к консенсусу относительно «правды» и «истины». И то, и другое у Н. Бердяева, Д. Мережковского, Н. Лосского, К. Леонтьева, С. Булгакова и многих иных было столь разноплановым, что скорее можно было говорить об интеллектуальном диссонансе, нежели о гармонии. Но в общем, совокупными усилиями была создана та среда, которая вошла в историю как время расцвета национальной философской мысли. Эта аналогия вполне применима к анализу коллизий сегодняшнего дня. То есть реальное продвижение вперёд возможно лишь тогда, когда будут восприняты и отработаны различные методологические установки: марксизм и постмодернизм, аксиология и этический компонент, религиозная эсхатология и позитивизм. Когда можно будет вести речь о появлении серьёзных и глубоких трудов, написанных с точки зрения прагматистского подхода, аналитической философии, экзистенциальных установок. Когда появятся труды, на первый взгляд, имеющие мало общего с философией, но философские по сути, по формулировке новых смыслов, по новой интерпретации имеющегося знания. Вспомним в качестве примера того же Василия Розанова: в его трудах не найти ни классической онтологии, ни постановки и решения гносеологических проблем. Но сколь же глубок он в понимании человека, в понимании общества, насколько велик его вклад в анализ «сиюминутного», «интимного», всего того, что ранее, до него, находилось на периферии внимания представителей философского цеха. Точно так же с системами знания. Принято утверждать, что в нашей (в широком значении этого слова) философской традиции истинным систематиком, в гегелевском духе, был вообще лишь один Владимир Соловьёв. Пожалуй, мыслителя уровня Владимира Соловьёва славянам ждать ещё долго. Но стремиться к системности изложения необходимо не потому, что «надо». Дело в том, что фактически каждая известная философская система отражает характер и сущность того времени, в рамках которой она создаётся. Любой подлинный философ живёт в рамках конкретного социума, и даже если он говорит о вещах «вечных» и предельно абстрактных, он говорит о себе и об окружающих его людях. Философ плоть от плоти эпохи, хотя это вовсе не означает, что его мысли, идеи существуют лишь в рамках данного социума. Философы по-разному могут осмысливать одну и эту же эпоху, но это как раз естественно и продуктивно. А вот попытки привести наше понимание к некоему общему знаменателю может принести вред.

Обратимся к нашей эпохе, если под ней понимать (узко) период становления реальной белорусской государственности или (в более широком плане) современную форму глобализационного мироустройства. Очевидно, что первое, о чём надо говорить, –

это характер и сущность самой эпохи. Она оптимистична или её перспективы тревожны и эсхатологичны? Её динамика свидетельствует о позитивных тенденциях или всё же мы можем зафиксировать стагнационные моменты? А может, вообще, имеет смысл вести разговор о «повторении пройденного», о том, что «нет ничего нового под солнцем»? Самый яркий пример – события в Украине, жестокая война. Ведь вовсе не случайно реанимируются старые (со времён последней войны) понятия «агрессия», «фашизм», «ненависть», «национализм»; пожилые люди легко находят аналогию между тем, что было, что пережито, и тем, что есть. Но если мы всё это переведём на философский язык, то можем констатировать, что социум движется по некоему кругу, причём этот круг явно порочный. Теория исторического круговорота достаточно популярна, её активно разрабатывают теоретики с незапамятных времён, и поэтому кто-то и сегодня может утверждать: вот новое доказательство этой старой истины, и всё, что нам остаётся, – это ждать, когда общество двинется дальше, для того чтобы вернуться всё к той же точке. То есть взаимной ненависти, убийствам ни в чём не повинных людей, новому переделу мира. Эти несколько слов об одной из альтернативных точек зрения на понимание эпохи и предпосылок её развития имеет смысл вспомнить не потому, что они отражают единственно верную точку зрения. Конечно, речь может идти и об иных основаниях в трактовке сути переживаемой нами эпохи. Мы можем, например, утверждать, что национальные приоритеты здесь связаны с созданием (впервые) реальной белорусской государственности, и в этом контексте сложно говорить о каких бы то ни было «круговоротах» или традициях. Какие могут быть традиции – если «впервые». Какое может быть «повторение пройденного», если фактически заново строится всё: и элиты, и политическая структура, и экономический фундамент.

Может быть, и иное понимание эпохи, связанное с появлением конкретной личности, которая не просто поставила некую высокую цель перед обществом, но и инициировала соответствующие процессы, осуществила жёсткие прагматические и не всегда популярные для всего общества действия в рамках достижения поставленной цели. В конечном счёте, всё зависит от угла зрения, подхода, понимания методологических приоритетов. Другими словами, было бы замечательно, если бы национальная философская мысль рассмотрела характер эпохи во взаимоисключающих парадигмах знания на основе различных методологических подходов. От классических, рациональных, до неклассических, постмодернистских, с привлечением арсенала таких наук, как семиотика, феноменология, герменевтика и т.д. Наверняка возникла бы потребность и в «новой интеграции» знания, теоретическом совмещении всех достижений гуманитарной мысли и появлении новых методологических концептов на основе уже «новой рациональности». Как это происходит, например, сегодня в праве, где группа Санкт-Петербургских учёных разрабатывает новую интеграционную концепцию права на основе идеи коммуникации. Понимание характера современной эпохи в контексте национального развития, её перспектив, конечно же, дело не одного ума, пусть универсального. Нужны усилия многих представителей национальной школы, нужны усилия национального Института философии. Нужна соответствующая программа и соответствующий коллектив авторов, который рассмотрит данную тему. Неизбежны ли в этом случае разночтения и столкновения позиций? Очевидно, да. Надо ли этого бояться? На наш взгляд, нет.

Здесь важен не только сугубо «эпохальный» момент, достаточно абстрактный. Любой разговор об эпохе, любые попытки осмысления характера этой эпохи, её сути и перспектив имеют прямое отношение к каждому человеку, каждому гражданину. Вспомним старые лозунги советских времён от «Наши дети будут жить при коммунизме» до «Я такой другой страны не знаю, где так вольно дышит человек». В данном случае не будем полемизировать, где здесь, правда, а где, скажем мягко, искажение истины. Отметим иное: таким образом заданное понимание общества, его перспектив фор-

мирует (и успешно формировало!) соответствующий психологический настрой, понимание не только общегосударственных, но и личных перспектив. Ведь когда ехали поднимать целину, строить БАМ, то делали ведь это искренне, с верой в справедливость и правильность как тех целей и задач, которые ставились перед людьми, так и собственного выбора. Верили – и побеждали. И вера эта не разрушала, а помогала жить и строить. Здесь вообще-то достаточно сложная диалектика между должным и сущим. Чтобы быть более понятным, вспомню статью одного московского литератора, которая называлась «Обмани меня». Автор, дитя эпохи, циник и прагматик, призывал работников сферы обслуживания (прежде всего) к обману. То есть на Западе работники улыбаются посетителям не искренне, а по принуждению, хотят заработать денег, «вежливая услуга» входит в перечень услуг, они, по сути, обманывают. А вот наши работники честны: вообще-то не любят посетителей, кто-то их даже ненавидит, и эту нелюбовь они и демонстрируют. Автор статьи предпочитает, чтобы его обманывали, как на Западе, и не были честны, как у нас. Он и призывает обманывать: покажите, что вы меня любите, что я вам нужен. Даже если вы сделаете это неискренне, я буду вам благодарен. Нечто похожее можно утверждать и по поводу идей, лозунгов, призывов. Ведь никто не может сказать с полной уверенностью и на основе «железобетонных» аргументов что тот или иной лозунг, та или иная цель правдива, истинна и непоколебима. Нет ни таких людей, ни такого характера целеполагания. Следовательно, на первый план выдвигаются иные критерии, связанные, прежде всего, с пониманием характера национальных приоритетов, общей гуманистической ориентированностью стратегии, сложившимися традициями и т.д.

Обратим внимание, что сегодня никто фактически не заявляет, что «перед философами стоят задачи стратегического характера, высокой общественной значимости». Перед кем такие задачи только не стоят: перед работниками деревообработки и кожевенного цеха, машиностроителями и учителями, медиками и работниками социального обеспечения. А вот перед философами не стоят. Может, это потому, что как раз философы и должны ставить такие вопросы? Но, очевидно, недооценка философии, соответствующего сегмента знания – это дань и господствующему ныне в обществе настроению, основанному на прагматизме и креативности. Опасная тенденция, поскольку в основе любого философского тезиса слово «думать». А ведь если не думать, то жить-то как?

Lepeshko B.M. Philosophy and Epoch: in the Seeking of Themselves

The article deals with the problems related to the understanding of the nature and character of modern period and the role of philosophy in understanding its problems. The thesis is substantiated that there exists the underestimation of philosophical knowledge; the relevant objective and subjective arguments are given. Theoretical issues are considered on the examples of national state development, the character of the development of national theoretical (philosophical) thought.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.09.2014

УДК 1 (091)

В.Б. Евароўскі**МЕТАТЭОРЫЯ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ФІЛАСОФІІ БЕЛАРУСІ***

У артыкуле абагульняюцца вынікі даследаванняў па стварэнні агульнай тэорыі (метатэорыі) нацыянальнай філасофіі Беларусі. У сучасных умовах гэтая галіна гуманітарнай навукі ўяўляе сабою дысцыплінарна аформлены феномен, які мае грамадскае прызнанне, традыцыі даследавання, сваё ўласнае прадметнае поле – «Гісторыя філасофіі Беларусі», метадалогію і практыкі даследавання. Такім чынам, на позову дня ўстае пытанне канцэптуальнага апісання той формы прырашчэння ведаў, якое прапануе гэтая дысцыпліна. Мяркуюцца, што вызначэнне сутнасці, разуменне структуры дысцыпліны, абагульненне практык атрымання ведаў і будучы найважнейшымі элементамі гэтай метатэорыі. Таму «нацыянальная філасофія Беларусі» – гэта суб’ект-аб’ектная канструкцыя, дзе суднесенасць гістарычнага наратыву з актуальным досведам успрымання мінулага азначае дасягненне гістарычнай праўды. У якасці базавай тэарэтычнай схемы прапануецца метафізічна-дынамічная мадэль. Гэтыя высновы зноў вяртаюць нас да Суб’екта, які зараз набывае статус абавязковага элемента самой мадэлі гісторыка-філасофскага апісання.

Уводзіны

Нацыянальная філасофія Беларусі сёння з’яўляецца адным з найважнейшых элементаў айчыннай духоўнай культуры. У сучасных умовах яна ўяўляе сабою дысцыплінарна аформлены феномен, які абапіраецца на вызначаныя традыцыі даследавання, мае грамадскае прызнанне і сваё ўласнае прадметнае поле – гісторыя філасофіі Беларусі, метадалогія і практыка даследавання. У гэтай галіне ведаў напісаны дзясяткі манаграфій і, напэўна, сотні артыкулаў, абараняюцца кандыдацкія і доктарскія дысертацыі, праводзяцца канферэнцыі і іншыя навуковыя форумы. І тут, акрамя традыцыйнай цікавасці з боку розных пластоў насельніцтва да мінулага ўступаюць у гульні больш істотныя фактары. Ва ўмовах станаўлення беларускай дзяржаўнасці развіццё нацыянальнай філасофіі цесна ўвязана з шырэйшым праектам сцвярджэння адпаведнай нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці, якая на розных этапах свайго развіцця патрабуе гістарычнага пацверджання і філасофскага абгрунтавання.

Гэта кароткае апісанне актуальнасці адначасова можа лічыцца і вызначэннем нацыянальнай філасофіі, якое, праўда, даецца ў максімальным абстрактным дэскрыптыўным парадку. Сапраўды, любы феномен можа быць апісаны праз характар яго функцыянавання ў той ці іншай сацыяльнай сістэме ці праз значныя індикатары, якія робяць яго вядомым у тым ці іншым асяроддзі.

Тым часам пры досыць высокім узроўні развіцця той ці іншай навукі ўзнікае спакуса даць адказ на пытанне ўжо сутнаскага характару, якое ў нашым выпадку будзе гучаць так: «Што ёсць нацыянальная філасофія?», – а гэта патрабуе канцэптуальнага апісання той формы прырашчэння ведаў, якую прапануе гэтая дысцыпліна. У максімальна шырокім абагульненні падобны падыход можна назваць тэорыяй дысцыпліны. Калі прыняць да ўвагі апрыёрную тэарэтычнасць самой філасофіі пры практычна поўнай адсутнасці ў яе структуры эмпірычных і эксперыментальных ведаў тэорыю гісторыі філасофіі карэктней будзе зваць метатэорыяй ці тэорыяй тэорыі. Па сутнасці, пабудова такой метатэорыі будзе пачынацца з кароткачасовага выйсця за дысцыплінарныя рамкі гісторыі як філасофіі Беларусі, так і філасофіі ўвогуле для максімальна дакладнага схоплівання сутнасці нацыянальнага філасофскага працэсу. Гэта значыць, прапану-

*Артыкул падрыхтаваны пры падтрымцы Беларускага рэспубліканскага фонда фундаментальных даследаванняў (праект Г14-099 «Когнітыўное прастранства Восточной Европы: историческая динамика центров инкультурации и трансграничного взаимодействия»).

ючы тэзіс, што «гісторыя філасофіі Беларусі» сапраўды ёсць філасофія, мы павінны не толькі знайсці для яе месца ў агульным кампендыуме філасофскіх ведаў, але і тэрэтычна ўпісаць айчынны філасофскі працэс ва ўніверсальную сістэму філасофіі.

«La généalogie est grise; elle est méticuleuse et patiemment documentaire. Elle travaille sur des parchemins embrouillés, grattés, plusieurs fois récrits» (Генеалогія падобная да шэрай штрыхоўкі, нанесенай на паперу. Ёй уласцівыя скрупулёзнасць і цярплівая дакументальнасць, работа на пергаменце, што заблытвае думку сваёй скрэсленасцю і шматразовым перапісваннем) [1, с. 145]. Сапраўды, сталая філасофская традыцыя нечым падобная да таго сярэднявечнага пергаменту або старажытнага абраза, калі на нейкую матэрыяльную аснову паслядоўна слой за слоём наносыцца ўсё новыя выявы, раздзеленыя больш або менш працяглымі прамежкамі, прычым кожны новы слой прэтэндуе не на негачыю, а на паляпшэнне папярэдняга. Маючы перад сабою такую традыцыйна-образ, можна абраць некалькі стратэгіяў для работы з ёй. Першае і, мабыць, самае простае – зрабіць нейкую копію, перанёшы ўбачанае на новы ліст. Падчас «знаходжання» ў традыцыі звычайна ўзнікае спакуса падмаляваць у агульным ансамблі дэталі, якіх нібы не хапае, або адрэтушаваць уяўныя або яўныя пацёртасці. У тым сэнсе, што ўкладае ў сваю метафару Фуко: праца гісторыка філасофіі можа быць у нечым падобная да працы рэстаўратара, які слоём за слоём знімае наноснае з абраза, спрабуючы такім чынам «дакапацца» да самай старажытнай выявы, якая апырыоры лічыцца найбольш каштоўнай. Відаць, на гэтым і заканчваецца падабенства паміж місіяй мастака-рэстаўратара і гісторыка філасофіі, паколькі ў нас, вядома, няма ўпэўненасці, які слой больш важны і каштоўны. Па сутнасці, рэканструкцыя агульнай карціны гісторыі філасофскай думкі Беларусі – гэта паказ яе ў выглядзе пэўнай галерэі, палотнаў, якія з большай або меншай ступенню ўмоўнасці могуць быць аб'яднаныя агульнай тэмай, але выкананыя зыходзячы з розных традыцый, стыляў, задач і інтэнцый. Больш таго, падобная агульная карціна, якую максімальна абагульнена можна назваць гісторыка-філасофскім працэсам, у Беларусі ўсё ж мае кумулятыўны характар, калі элементы папярэдніх дасягненняў, праінтэрпрэтаваныя ўжо з пазіцыяй новай генеалогіі, становяцца цаглінкай чарговай карціны, якая ўваходзіць у галерэю, што называецца гісторыяй беларускай філасофіі.

І толькі пасля правядзення гэтай працы мы, як бы вяртаючыся назад, можам прыступіць ўжо да разумення ўнутранай структуры нацыянальнай філасофіі, абагульнення існуючых ўнутры яе практык працы з мінулым, а таксама эксплікацыі канцэптuala і тэрэтычна ўсяго працэсу разгортвання духу філасофіі на нашых землях. Схопліванне сутнасці, разуменне структуры, абагульненне практык і канцэптualaнае апісанне працэсу разгортвання нацыянальнага духу і будучы найважнейшымі кампанентамі метатэорыі нацыянальнага гісторыка-філасофскага працэсу.

Наша даследванне робіць спробу пазіцыянаваць сябе менавіта як філасофскую работу і зыходзіць з таго, што гэты філасофскі аналіз павінен быць накіраваны не на загалова няпоўную аб'ектывацыю мінулага, але на актуалізацыю нашага канкрэтна-гістарычнага досведу таго, што сышло, але засталася дарагім. З такога пункту гледжання наша бачанне «гісторыі філасофіі і Беларусі» – гэта двухсастаўная суб'ект-аб'ектная канструкцыя, дзе суаднесенасць гістарычнага наратыву з актуальным для чытача «досведам зносін» ці ўспрыманнем мінулага азначае дасягненне гістарычнай праўды. Менавіта фарміраванне вакол генеалогіі традыцыі філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі стварае адпаведнае навуковае поле, якое з'яўляецца сімбіёзам адміністрацыйнай, інтэлектуальнай і культурнай улады. Гэтае ж поле закладвае базавыя падставы легітымацыі саміх атрыманых ведаў праз варыянты разумення гістарычнага досведу для інтэлектуальнай дынамікі культуры Беларусі.

Менавіта ў гэтых межах мы і канцэнтруемся на нейкай першаснай перадумоўленасці гісторыка-філасофскага працэсу ў Беларусі, якая можа быць эксплікавана праз

магчымую лагічную і ў некаторай ступені метафарычную структуру. У гэтым, метада-лагічным, дачыненні наш падыход да тэорыі гісторыка-філасофскага працэсу антрапа-цэнтрычны, пры якім увага засяроджваецца не на пошуку нейкіх знешніх схем ужо нібы закладзеных унутры схопліваемага феномена або даследуемага падтыпу філасофіі, але на эксплікацыі як рэалізаваных, так і патэнцыйна магчымых праграм канцэптуалізацыі гістарычнага матэрыялу ўнутры пэўнай навуковай праграмы, у тым ліку і як спосаб выяўлення суб'ектам значэння аб'екта для свайго суб'ектнага быцця [2, с. 53]. Таму ў зададзенай схеме пэўнай сінергіі суб'екта і аб'екта дынамічнасць надаецца двум кампанентам гэтай канструкцыі. А гэта азначае, што не толькі тое, што схопліваецца, мае сваю гісторыю, але і сам суб'ект гістарычны і таму дынамічны.

Развіццё гісторыка-філасофскай сістэмы, як правіла, праходзіць чатыры асноўныя стадыі, якія выдатна ілюструюцца, напрыклад, пры аналізе станаўлення антычнай гісторыі філасофіі. Першую стадыю можна з пэўнай доляй умоўнасці суаднесці з працай «Пра жыццё, вучэнні і выказванні знакамітых філосафаў» Дыягена Лаэртскага (якая ўяўляе сабой збор біяграфіяў выдатных грэчаскіх філосафаў) [3], другую – з даксаграфіяў Дыльса [4; 5], якая (магчыма, на шкоду храналагічнай справядлівасці) здольна рэалізавацца ў нейкія тэарэтыка-рацыяналістычныя канструкцыі, падобныя да гісторыі філасофіі Гегеля. Пасля першага падвядзення вынікаў пачынаецца працэс, які можна назваць чацвёртым, або крытычным, перыядам у развіцці гісторыі філасофіі, калі існуючы ўзор падпадае пад пераасэнсаванне, рэканструкцыю і нават адмаўленне. Прымяняючы гэту схему пры аналізе станаўлення айчычнай гісторыі філасофіі, мы можам убачыць падобенства. Першыя этапы станаўлення беларускай нацыянальнай самасвядомасці зафіксавалі шэраг больш або менш легендарных упамінанняў пра тых ці іншых дзеячаў культуры, якія зрабілі свой унёсак у беларускую духоўную гісторыю (першая згадка Максіма Багдановіча пра беларускае Адраджэнне [6]). Пасля мы можам назіраць этап назірання аўтэнтчных фрагментаў [7] і, нарэшце, з'яўленне абагульняючых работ, якія прэтэндуюць на комплекснае тэарэтычнае асэнсаванне айчычнага гісторыка-філасофскага працэсу.

Якім чынам можа быць апісана мінулае думкі? Відавочна, што ў адрозненне ад гісторыі матэрыяльнай, калі перад тварам даследчыка ляжыць нейкі аскепак мінулага часу, думка не можа існаваць без свайго носьбіта. Прычым (як гэта бывае ў гісторыі) сапраўдны носьбіт думкі часта з натуральных прычын недаступны для рэпрэзентацыі. У большасці выпадкаў аб'ектам вывучэння выступае тэкст. Ён у максімальна шырокім значэнні можа быць разгледжаны ў трох плоскасцях. Па-першае, мы можам казаць пра аўтара тэксту, па-другое – пра чытача, слухача або пра інтэрпрэтатара [8, с. 110–119]. Па-трэцяе, нельга не браць пад увагу і сам тэкст, які нават без уліку спецыяльна закладзенага ў яго сэнсу, мае шматслойныя канатацыі [9]. Аўтар, якому праз дзесяцігоддзі, а часта і праз стагоддзі будзе наканавана стаць прадстаўніком беларускай філасофіі, тварыў у свой час і на сваёй мове. Прычым паняцце мовы тут відавочна не можа быць абмежавана яе традыцыйным школьным разуменнем як нейкай граматычнай і сінтаксічнай канвенцыі. Мова ў больш шырокім разуменні разам з граматычнай структурай уключае ў сябе пэўны сэнсавы рад, гэта значыць набор нейкіх умоўнасцей і недагаворанасцей, зразумелых і прынятых у адну эпоху, але і недаступных для эпохі іншай [10]. Пераклад гэтага сэнсу на сучасную мову (на двух узроўнях яе разумення: мова, на якой мы гаворым, і як сучасная метамова) і складае аснову інтэрпрэтацыйнай работы. Мы ўжо казалі, з аднаго боку, пра ўзроўні інтэрпрэтацыі [8, с. 119–130]. Асобны тэкст, творчая эвалюцыя філосафа, сацыякультурная карціна той або іншай эпохі, а таксама духоўная дынаміка нацыянальнай або цывілізацыйнай фармацыі ў цэлым уяўляюць сабой складанае перапляценне шматстайных разнавіднасцей інтэрпрэтацый, аб'яднаных вакол рашэння вузкага кола пытанняў, якія адносяцца да асноў светабудовы.

Для традыцыі любая гісторыка-філасофская тэма з'яўляецца правамернай і заканамернай. Ва ўсіх выпадках падобная і структура навуковага пошуку. Прафесійна гісторык філасофіі разглядае розныя віды спекулятыўных канструкцый ад самых простых (філасофскі тэкст) да найбольш складаных (духоўная гісторыя чалавечай цывілізацыі). Даследуюцца перадумовы ўзнікнення таго або іншага філасофскага феномена, навацыі, прынесеныя падчас яго стварэння, значэнне зробленага для будучыні. Вялікае месца ў працы гісторыка філасофіі займае таксама вытлумачэнне або нават перавытлумачэнне тэксту, створанага яго папярэднікамі для таго, каб гэты тэкст быў зразумелы сучаснікам.

Перш за ўсё трэба вылучыць так званы мікраўзровень, калі аб'ект зацікаўлення бярэцца максімальна канкрэтна. Але навука па сутнасці немагчыма без абагульненняў або без наяўнасці тэарэтычнага ўзроўню. І нарэшце, для выкладання пэўных ведаў неабходна сістэматычнасць. Што тычыцца сістэматычнасці, то на гэтым жа высокім узроўні прадугледжваюцца як прыватныя звязкі, так і нейкая глабальная характарыстыка, якая працягваецца праз увесь мегааб'ект даследавання. Прычым у гэтым працэсе сам характар гэтай лагічнай звязкі не абавязкова цесна кагерыруе з сутнасцю навуковага прадмета, у рамках якога тлумачыцца той або іншы аб'ект. Часта яго дэтэрмінуюць тая сучаснасць, у якой стварае філосаф, яго перакананні, перажыванні і не ў апошнюю чаргу знешняе атачэнне – ментальнае і нават фізічнае. «Іншымі словамі, у “аб'ектыўнай” гісторыі “рэальнасць” заўсёды ўяўляе сабой толькі нефармулюемае азначаемае, якое хаваецца за ўяўнай усемагутнасцю рэфэрэнта» [11, с. 439]. (Для параўнання – [12]).

Акрамя гэтага, гістарычны аповед, зроблены на мегаўзроўні навукі, прадугледжвае перыядызацыю. Па-першае, падзеі павінны ісці ў строгай або не строгай лагічнай падпарадкаванасці. Па-другое, маюцца на ўвазе пошукі нейкіх каўзальных сувязей паміж феноменамі, а па-трэцяе (і гэтага перш за ўсё патрабуецца тэкст, а не сам прадмет), неабходны падзел матэрыялу на пэўныя ўнутрана закончаныя нарратывы высокага ўзроўню. Калі ў навукавай працы гэта будуць главы, раздзелы, параграфы, то апісанне гістарычнага аб'екта мае патрэбу ў перыядах, эпохах, а часам – у цывілізацыях.

Даўно ўжо абмяркоўваецца пытанне аб заганнасці любой перыядызацыі. Вучоны пры ажыццяўленні такой работы міжволі бярэ на сябе функцыі Бога. Бог стварыў час, мы бярем на сябе смеласць дзяліць яго, ствараць эпохі і іншыя больш або менш значныя прамежкі часу. Адпраўнік дыскурсу выключае з яго сваю эмацыйную асобу, затое замяняе яе іншай, «аб'ектыўнай» асобай; суб'ект цалкам захоўваецца, але як аб'ектыўны суб'ект [11, с. 431]. Для таго, каб штосьці вылучыць з нейкага шэрагу неўпарадкаванага, а часта і несвядомага, спачатку трэба знайсці агульнае, што гэты шэраг аб'ядноўвае. Калі разглядаць класічны катэгарыяльны шэраг, то эпохі ў гісторыі аб'ядноўвае тое, што называецца сутнасцю, а раз'ядноўвае нешта прыватнае, што мае якасці, уласцівыя з'явам. У прынцыпе ужо на гэтым пачатковым узроўні відавочна, што, як любая класіфікацыя, перыядызацыя – вынік чалавечага розуму, а не твор рэчаіснасці [13].

Вядомае філасофскае пытанне «што ёсць чалавек?» немінуча выклікае і наступнае: што галоўнае ў чалавеку – матэрыяльнае або духоўнае, пачуццёвае або рацыянальнае, сацыяльнае або інтымна-асабістае? Чарговае пытанне «ў чым сэнс зямнога існавання чалавека?» таксама накладвае свой адбітак на даследуемую намі праблему перыядызацыі. Таму што адказы сабе самому на кардынальныя пытанні, якія папярэднічаюць канкрэтнай рабоце любога гісторыка філасофіі, дазваляюць яму, у канчатковым выніку, вылучаць галоўнае і негалоўнае ў чалавечай гісторыі, а гэта значыць, ствараць саму гісторыю – эканамічную, палітычную, духоўную.

Гісторыя філасофіі ў гэтых адносінах хутчэй не выключэнне, а правіла. Прыярытэт рацыянальнага, непрытоены піетэт перад спекулятыўнымі формамі засваення рэальнасці настройвае спецыфіку гісторыі з філасофскага пункту гледжання. З гэтай па-

зіцці можа быць часткова вытлумачаны і той феномен, што паралельна з развянчаннем розуму як Спадара Універсума, увядзеннем у якасці новых дэтэрмінантаў асабістага і грамадскага жыцця ірацыянальнага і несвядомага, філосафы загаварылі пра канец гісторыі, прыярытэт паўсядзённасці, бессэнсоўнасці чалавечага існавання. Атрымліваецца, што несвядомае адмяняе перыядызацыю або падае варыянт нулявой перыядызацыі.

Любы апавядальнік (або проста глядач гісторыка-філасофскага спектакля) існуе звычайна ў межах дваістай сітуацыі. З аднаго боку, над намі непазбежна пануе іманентнае і індывідуальнае адчуванне мінулага; з іншага боку, мы знаходзімся ў нейкіх знешніх рамках міфа, а ў выпадку пабудовы даследавання – і ў абдымках навуковага поля, у якім адбываецца тое ці іншае ўзаемадзеянне з традыцыяй. Што да той рэальнасці, пра якую мы пішам, то яна знаходзіцца перад намі ўжо ў траістым стане. Па-першае, гэта менавіта канкрэтнае мінулае, што цікавіць нас; па-другое, яно недаступнае для поўнага спасціжэння; па-трэцяе, яно ніколі цалкам не верыфікуемае.

Чыстая эпістэмалагічная сітуацыя – гэта, калі перада мною Я як суб'ект, што спазнае, і мінулае як аб'ект пазнання. І пра першае, і пра другое можна распавесці якую-небудзь гісторыю. Прычым, кажучы словамі Гусерля, амаль заўсёды абсалютна цёмную [14, с. 19]. З пункту гледжання гістарычнай сацыялогіі гэта таксама з'яўляецца праявай таго, што Фрэдэрык Джеймісан называе «палітычным несвядомым» [15]. Па не да канца эксплікуемых сцяжынках з мінулага (Pfadabhängigkeit [16], path dependence [17; 18]) гістарычны досвед [19] пранікае на ўзровень ідэалагем і такім чынам уплывае на ўсю палітычную сацыяльную і духоўную дзейнасць.

У кантэксте нашых спроб спасціжэння сутнасці філасофскага працэсу ў Беларусі заслугоўвае ўвагі мадэль, што актыўна выкарыстоўваецца ў амерыканскай філасофіі і прадугледжвае нейкі сінтэз метафізікі і дынамікі. Гэта значыць, мы можам казаць пра своеасаблівы статычны вобраз рэчаіснасці, дзе аб'екты замяняюцца ізаляванымі адзін ад аднаго працэсамі [20; 21]. Такая дыялектыка статычнасці і дынамічнасці найперш з'яўляецца апраўданай рэакцыяй на складанасць таго свету, што паўстае перад вачыма сучаснага даследчыка. Сапраўды, як наш Універсум (макракосм), так і мікракосм у вобразах чалавека заведама татальны і глабальны. Гэтыя высновы зноў вяртаюць нас да Суб'екта, які цяпер аказваецца абавязковым элементам самой мадэлі гісторыка-філасофскага апісання.

І зноў жа гэтая абавязковасць абумоўлена не нейкімі, магчыма, нават тагасветнымі сіламі, а менавіта гістарычным развіццём усіх філасофскіх ведаў наогул і той парадыгмы, што выступае ў якасці своеасаблівага міфа, які нібы ахінаюць нашай пазнавальнай дзейнасцю. Сапраўдны навуковы пошук – гэта адначасова і неардынарна моцны эмацыйны парыў, выкліканы ў тым ліку і апрыёрным адчуваннем няўтульнасці перад тварам кагнітыўнай сферы, што раптоўна раскрылася. Супакаенне праз задаволенасць вынікамі работы азначае, што мы ў чарговы раз (магчыма, ужо на якасна іншым узроўні) дасягнулі кагерэнтнасці са сваім унутраным міфам.

Вяртаючыся да вышэйадзначанай прадуктыўнасці метафізічна-дынамічнай мадэлі [20; 21], варта падкрэсліць, што гэты бясспрэчна рэдукцыянісцкі падыход, прынамсі, пры аналізе сацыяльнай рэальнасці напрамую карэлюецца з самой прыродай чалавека (а ў больш вузкім значэнні – філосафа або вучонага). Рэальная канечная сутнасць асобы і абмежаваныя ў часе любыя пазнаваўчыя намаганні, відаць, і з'яўляюцца рэальнай мяжой экспансіі дынамічнай мадэлі менавіта не як абстрактнай філасофскай тэорыі, а рэальнага метадалагічнага інструмента. Аднак у гэтым кантэксте неабходна ўлічваць і іншы важны напрамак дынамічнага «расхістання» метафізікі сацыяльнага свету. Мы ўжо адзначалі, што ў філасофіі мысліцель з'яўляецца не староннім назіральнікам, але актыўным дзеячам па канструяванні як самой сваёй сутнасці (у нашым выпадку – вучонага-даследчыка), так і ўсяго свайго дыскурсу ўжо не над знешнім, а над ней-

кім прамежжавым (інтэрсуб'ектыўным?) аб'ектам. Больш таго, Яго ці Яе Вялікасць Аўтар сам займае ў тэксце хаця і не заўсёды выразна акрэсленае, але сваё ганаровае месца.

Заклучэнне

Прымаючы вышэйназваныя палажэнні пры напісанні (а гэта значыць адначасова і пабудова, і канструяванне) цэласнай карціны гісторыі філасофіі, мы найперш павінны паклапаціцца пра самую цэласнасць, якая разумеецца ўжо не ў звычайнай канатацыі яе як нейкага поўнага і ўсеахопнага тэксту, але менавіта максімальна магчымай канцэптually аформленай канструкцыі. Так метатэорыя ператвараецца ў метадалагічную праграму, якая, з аднаго боку, здольная вытлумачыць усе нашы далейшыя дзеянні, а з іншага – стаць тым канцэптually субстратам, з якога ўсе далейшыя выкладкі маглі б вынікаць. І калі атрыманыя вынікі «аказуцца неадэкватнымі, яны павінны, прынамсі, мець пазнавальны ападыктычны змест, быццёны змест, які ў выніку гэтай ападыктычнасці гарантаваны раз і назаўсёды, гэта значыць з абсалютнай надзейнасцю» [14, с. 14].

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Foucault, M. Nietzsche, la genealogie, l'histoire / M. Foucault // Hommage a Jean Hyppolite. – Paris, 1971. – P. 145–173.
2. Каган, М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб. : Петрополис, 1997. – 205 с.
3. Diogenes, Laertius. Lives of eminent philosophers : in 2 vol. / Diogenes Laertius. – London, New York : W. Heinemann; G.P. Putnam's sons, 1925. – Vol. 1–2.
4. Diels, H. Die Fragmente der Vorsokratiker: griechisch und deutsch / H. Diels. – Berlin : Weidmann, 1903. – 601 s.
5. Diels, H. Doxographi graeci / H. Diels. – Berolini : de Gruyter, 1958. – 854 s.
6. Багдановіч, М. Беларускае адраджэнне / М. Багдановіч. – Мінск : Універсітэцкае, 1994. – 31 с.
7. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии : избр. произведения XVI – начала XIX вв. / ред. В.А. Сербента. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1962. – 524 с.
8. Евароўскі, В.Б. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. / В.Б. Евароўскі [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – Т. 1. – 540 с.
9. Barthes, R. Le bruissement de la langue / R. Barthes. – Paris : Seuil, 1984. – 412 p.
10. White, H.V. The content of the form : narrative discourse and historical representation / H. White. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1990. – 244 p.
11. Барт, Р. Дискурс истории / Р. Барт ; пер. С.Н. Зенкина // Система Моды. Статьи по семиотике культуры. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – С. 427–441.
12. Bourdieu, P. Le sens pratique / P. Bourdieu. – Paris : Éditions de Minuit, 1980. – 475 p.
13. Barthes, R. Le discours de l'histoire / R. Barthes // Social Science Information Social Science Information. – 1967. – Т. 6. – № 4. – P. 63–75.
14. Husserl, E. Méditations cartésiennes, introduction à la phénoménologie, par Edmond Husserl. Traduit l'allemand par Mlle Gabrielle Peiffer et M. Emmanuel Levinas / E. Husserl. – Paris : Vrin (Mayenne, impr. de J. Floch), 1953. – 136 p.
15. Jameson, F. The political unconscious: narrative as a socially symbolic act / F. Jameson. – Ithaca, N.Y. : Cornell University Press, 1981. – 305 p.
16. Beyer, J. Pfadabhängigkeit ist nicht gleich Pfadabhängigkeit! Wider den impliziten Konservatismus eines gängigen Konzepts / J. Beyer // Zeitschrift für Soziologie. – 2005. – Т. 34. – № 1. – S. 5–21.
17. Liebowitz, S.J. Path dependence, lock-in, and history / S.J. Liebowitz, S. Margo-

lis // Journal of Law, Economics & Organization. – 1995. – P. 205–226.

18. Mahoney, J. Path dependence in historical sociology / J. Mahoney // Theory and society. – 2000. – Т. 29. – № 4. – P. 507–548.

19. Ankersmit, F.R. Sublime historical experience/ F.R. Ankersmit. – Stanford : Stanford University Press, 2005. – 481 p.

20. Seibt, J. Process theories: Cross-disciplinary studies in dynamic categories / J. Seibt. – Springer, 2003. – 336 p.

21. Dupré, J. Processes of life : essays in the philosophy of biology / J. Dupré. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2012. – 350 p.

22. Bell, D. A Total History and Microhistory / D. Bell // A Companion to Western Historical Thought. – 2002. – P. 262–276.

23. Muir, E. Microhistory and the lost peoples of Europe / E. Muir, G. Ruggiero. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1991. – 204 p.

24. Петрухин, П.В. Русский плюсквамперфект в типологической перспективе / П.В. Петрухин, Д.В. Сичинава // Вереница литер. К 60-летию В.М. Живова. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – Т. 60. – С. 193–214.

Yevarouski V.B. Metatheory National Philosophy of Belarus

The article summarizes the results of studies on the general theory creation (metatheory) of national philosophy of Belarus. Nowadays, this branch of the humanities is a discipline-designed phenomenon that has public recognition, traditions of research, its own subject area – «History of Philosophy of Belarus», methodology and practice of research. Thus, the problem of conceptual description of the form of the increment of knowledge which is offered by this discipline has become urgent. It is assumed that the definition of the essence, understanding the structure of the discipline, summarizing practices of learning will be essential elements of this metatheory. Therefore, «the national philosophy of Belarus» is a subject-object structure, where the correlation of historical narrative with the actual experience of perception of the past is the achievement of historical truth. As a basic theoretical framework metaphysical-dynamical model is proposed. These findings again bring us back to the Subject, which now acquires the status of an essential element of the model of historical and philosophical description.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.09.2014

УДК 101.1:510.2

Н.В. Михайлова

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ИДЕИ КОГНИТИВНОГО РЕЛЯТИВИЗМА В ОБОСНОВАНИИ МАТЕМАТИКИ

Статья посвящена философско-методологическому анализу современной философской идеи когнитивного релятивизма в проблеме обоснования математики. В связи с трудностями обоснования современной математики можно попытаться смягчить принцип рациональности, отождествляемый с дедуктивно-аксиоматическим доказательством, обращаясь к содержательным и неформальным методам исследования математики в духе неклассической и постнеклассической методологии. В исследовании обозначается направление системно-методологического поиска в философии математики с целью создания концептуального каркаса для дальнейшей аргументации новой концепции обоснования математики. В работе показано, что если реально взаимодействуют различные направления обоснования математики, то их синтез возможен и необходим, так как в каждой философско-математической системе есть своя истина.

Введение

Философский анализ взглядов на современные математические теории показывает наличие различных, диалектически дополняющих друг друга подходов к обоснованию математики, подтверждающих неисчерпаемость феномена математического знания, предназначенного для достижения тех или иных целей, но при этом неизменно сохраняющем дедуктивную природу математического рассуждения. Осознание незнания того, как именно мы познаем, – это процесс, приведший к формулированию неклассических принципов, среди которых необходимо выделить идею релятивизма. Использование идеи когнитивного релятивизма в проблеме обоснования математики означает независимость и принципиальную частичность отдельных направлений обоснования математических теорий. Поэтому когнитивный релятивизм и компаративистика в философии математики, которые являются методологической основой новой философской традиции XXI в., расширяют границы методологического поиска, поскольку они лежат в основе любой попытки создания концептуального каркаса для синтеза философских направлений обоснования математических теорий. Поэтому вопрос об обосновании современной математики не может не затронуть такие важные аспекты, как продуктивность, надежность и истинность математических теорий.

Согласно главному тезису этого философского исследования, новая концепция обоснования математики эксплицируется с помощью философско-методологического синтеза действующих направлений обоснования математики как дополнительных процедур обоснования. Поэтому в качестве дополнительного аргумента, поддерживающего главный тезис этой гипотезы, кроме реальной дополненности главных направлений обоснования математики – формализма и интуиционизма, можно сослаться на методологически важное заключение философа математики Л.Б. Султановой. Философская суть ее вывода состоит в том, что, «исследуя специфику математического знания и особенности его исторического развития, представляется возможным вскрыть механизм исторического изменения уровня строгости для математической теории, а также подтвердить недостижимость абсолютного обоснования математики» [1, с. 103]. В определенном смысле абсолютная точность и строгость математического доказательства лишены смысла, например, в силу релятивности приближенного решения в компьютерной математике. Доказательства не абсолютны, можно говорить об их предположительном характере и эволюции представлений о строгости. Критическое представление об абсолютном знании вынуждает признать релятивность знания в качестве неотъемлемого аспекта познавательной деятельности в обосновании математики. «Релятивизм» –

это такая философская позиция, основу которой составляет абсолютизация относительного характера действительности и ее познания. О релятивизме в проблеме обоснования можно рассуждать только тогда, когда выявлены различные точки зрения о существующих направлениях обоснования современной математики, а затем с помощью гносеологических аргументов можно будет показать, что все они в определенной степени в философско-методологическом смысле равноценны.

Вера в абсолютное знание (или в абсолютное обоснование) широко распространена, но ничем ни философски, ни методологически не оправдана. Поэтому в философии науки появилось понятие «когнитивная наука» как реакция на господство позитивистских установок, например, формалистского направления в обосновании математики. Одно из основных ее направлений можно охарактеризовать как совокупность современных знаний, направленных на поиск ответов на эпистемологические вопросы, в частности, о природе знания как истинного и обоснованного. Признание современной когнитивной наукой невозможности фундаменталистского обоснования математического знания означает, что никакая математическая теория в эпистемологическом отношении не репрезентирует реальность. Основанием для объединения определенных направлений обоснования в общую систему – когнитивную систему обоснования – является потенциальная возможность осуществления их философско-методологического синтеза. Но, говоря о когнитивной свободе, следует помнить о характерных для математики доказательствах невозможности чего-либо, ведь математика – пожалуй, единственный предмет, который полностью отдает себе отчет в своих ограничениях. Например, невозможность полной реализации Гильбертовой программы обоснования математики лишь подтверждает философский тезис о том, что нет ничего «абсолютно абсолютного». Поиск абсолютной надежности математики был основной мотивировкой для конкурирующих концепций Брауэра и Гильберта. Но можно задать и такой вопрос: нужна ли математике для своего оправдания абсолютная надежность? Чтобы выйти из тупиковой ситуации идеи абсолютного обоснования, которую представитель критического рационализма, немецкий философ Ганс Альберт называет «трилеммой Мюнхаузена», следует пересмотреть проблемную ситуацию, отказавшись от идеи, содержащейся в классической модели обоснования математики.

Поэтому поставленный вопрос можно рассматривать и в нефундаменталистском ключе, когда строгость анализа доказательства в обычном смысле состоит в том, что каждый этап доказательства абсолютно ясен каждому. Современная математика имеет очень сложное структурное строение. В математическом доказательстве принято использовать теоремы, полученные ранее, в виде готовых формулировок без соответствующих доказательств, поскольку их проверка требует чрезвычайно большого времени и терпения. Но будет ли такое рассуждение убедительным доказательством для тех, кто не знаком с доказательствами используемых теорем? Трудно дать однозначный ответ на этот вопрос, так как само слово «ранее» вносит дополнительный субъективный «релятивистский момент», поскольку хронологическая последовательность одновременно доказанных теорем может по-разному определяться разными математиками. Для дальнейшего философского анализа важно отметить, что системный подход в обосновании математики, как и любая другая развитая конкретно-научная методология, опирается на некоторую совокупность философско-методологических направлений обоснования и, кроме того, дополняется философско-методологическими идеями и средствами, что обуславливает более широкое толкование дополнительности как следствия полиморфности и гетерогенности принимаемой онтологии с атрибутивной потенциальностью. В таком философском контексте при использовании системного подхода к обоснованию современной математики должны отражаться противоположности различных направлений обоснования на пути их приближения к целостной концепции обоснования.

Однако следует подчеркнуть, что в качестве специфической черты неклассической математики релятивизм, поддерживающий свободу выбора, не может быть отождествлен с субъективизмом, поскольку он опирается на объективные критерии познавательных норм и состоятельность математического познания. Философская проблема релятивизма в обосновании научного знания сегодня по-прежнему актуальна в философии математики, поскольку конструктивистская философия естественным образом влечет за собой концепцию практически эффективной компьютерной математики, в которой, в частности, занимаются пошаговым построением математических утверждений. Общеизвестно, что требование истинности математических суждений предполагает элемент идеализации, поэтому, хотя «реальная истина» одна, мы вынуждены принять некоторые ограничения, налагаемые несовершенством отображения реального мира, а также с учетом того, что разные исследователи имеют разные представления об истинном положении дел. Согласно философскому определению американского исследователя Николаса Решера, «релятивизм есть доктрина, согласно которой люди делают выводы на основе стандартов и критериев, не имеющих внутренней обоснованности или убедительности, поскольку их ранг и статус полностью зависят от их принятия группой» [2, с. 35]. Релятивизм как современная философская концепция признает относительность норм, правил и критериев познавательной деятельности, зависящих от различных культурно-исторических, социальных и ценностных факторов, а так как мы ограничены знанием только отдельных фрагментов математики, то мы вынуждены говорить о принципиальной относительности любого описания системы обоснования математики.

Хотя релятивизм не является самостоятельной тенденцией развития современной науки, он сейчас настойчиво проявляет себя как неотъемлемое свойство математического познания. «Очевидно, – заключает философ науки Л.А. Микешина, – что релятивизм, долгие годы пребывавший на «обочине» гносеологических и методологических исследований и олицетворявший препятствие для получения истинного знания, в современной эпистемологии должен быть переоценен и переосмыслен как концептуальное выражение неотъемлемой релятивности знания, его динамизма и историчности» [3, с. 53]. В качестве примера, подтверждающего такого рода тенденции в математике, рассмотрим типичную реакцию на парадокс Сколема, проявившуюся в релятивизации концепции множества в зависимости от принятой аксиоматики. В серии работ, начатых шведским логиком Леопольдом Левенгеймом, а затем продолженных норвежским математиком Туральфом Сколемом в начале XX в., была выявлена новая проблема относительности понятия мощности множества. Суть их основного результата, получившего название теоремы Левенгейма–Сколема, сводится к тому, что любая теория, которая может быть формализована в исчислении предикатов первого порядка, имеющая несчетную модель, имеет также счетную модель. Отсюда следует поразительный вывод, называемый парадоксом Сколема, согласно которому понятие мощности множества, как и понятие бесконечного множества, не является абсолютным, а зависит от той аксиоматики, в которой рассматривается данное множество. Оригинальная и глубокая релятивистская интерпретация этой теоремы в философии математики принадлежит самому Сколему, который сделал философски и методологически нетривиальный вывод о том, что не существует «абсолютной» несчетности, а существует несчетность относительно формальной системы, когда множество, которое несчетно в формальной теории, является счетным вне этой теории или в другом метаязыке.

При анализе такого рода рассуждений выясняется, что для континуума может существовать взаимно однозначное соответствие с натуральным рядом чисел. Но это «соответствие» не находится внутри модели теории множеств, а принадлежит метатеории, что, возможно, и объясняет этот парадокс. Поэтому парадокс Сколема не следует интерпретировать как «дискредитирующий» аксиоматическое направление в математи-

ке, учитывая синтез интуиции и логики в математических построениях. Этот синтез фиксирует связь рационального и иррационального в научном исследовании. Философам математики хорошо известно, что следует быть предельно аккуратным при выведении философских следствий из математических утверждений и теорем. Это необходимо в силу того, что может произойти смешение деталей, относящихся к разным областям математического знания и имеющих отличающиеся критерии их надежности и уровня обоснованности. Такое положение дел наблюдается, например, в философско-математическом осмыслении реальности, связанном с теорией относительности. Так как самой большой возможной скоростью является скорость света, то обычное сложение для скоростей не годится. Используя теорему сложения скоростей в специальной теории относительности, украинский математик академик В.Л. Рвачев построил неклассическую модель исчисления с другим вычислительным наполнением. Он назвал ее «релятивистской», чтобы подчеркнуть происхождение операции сложения из теории релятивизма, точнее теории относительности. Заметим, что на выполнимость групповых свойств новой операции сложения впервые обратил внимание Альберт Эйнштейн.

Именно релятивизм представляет собой наибольшую трудность в обосновании математики, так как оказалось, что аксиоматическая система может быть «некатегоричной» в том смысле, что она, возможно, связана с существованием дополнительных неопределяемых понятий, содержащихся в каждой непротиворечивой системе аксиом, и поэтому может быть по-разному интерпретирована в контексте своеобразного «принципа математической относительности». Чтобы обсуждать проблему релятивизма в обосновании математики, надо уточнить терминологию, принятую в современной философии науки. Так, «эпистемологический релятивизм» – это концепция, согласно широкому толкованию которой среди множества точек зрения и теорий относительно какого-либо объекта не существует единственно верной. В современной эпистемологии осознана необходимость различать «релятивность» как свойство самого знания и «релятивизм» как тенденцию абсолютизации релятивности знания. Например, релятивность превращается в релятивизм, когда констатируют, что среди различных математических концепций генезиса числа нет преимущественной концепции. Релятивность как относительность наших знаний по отношению к определенному типу рациональности вполне адекватна реальной научной практике. Анализ математических направлений показывает, что всякое обоснование математической теории является обоснованием относительным, поэтому оно может состоять только в прояснении принципов, достаточных для системного представления математического содержания этой теории. Общий тезис об относительности знания проявляется не только в изменении областей познания и непознания, но также и в изменении характера самого познания. Философский тезис об относительности научного знания приобретает особую актуальность при сравнении методов познания в чистой и прикладной математике. Но с точки зрения философского осмысления обоснования современного периода математического знания релятивизм создает дополнительные трудности.

Они проявляются в философских спорах между релятивистами и фундаменталистами, поскольку трудно примерить две альтернативные позиции в философии математики: фундаментализм, ориентирующийся на структурные ценности математики и провозгласивший целью обоснования математики как структурной ценности установление ее непротиворечивости, и антифундаментализм, опирающийся на релятивистскую аргументацию и отстаивающий приоритетность процесса развития перед структурным обоснованием. Чтобы понять, кто в этом споре прав, философ Е.А. Мамчур выделяет три типа эпистемологического релятивизма, назвав их «персоналистский», «когнитивный» и «культурный». С точки зрения обоснования современной математики методологический интерес представляет второй тип эпистемологического релятивизма, имеющий свою предысторию. Немецкий математик, физик и философ Готфрид Лейбниц полагал,

что каждый наблюдатель рассматривает всю вселенную с точки зрения, отличной от других, что можно трактовать как одну из ранних форм «когнитивного релятивизма», хотя западная философия того времени предъявляла более жесткие нерелятивистские когнитивные претензии к познанию. «Суть когнитивного релятивизма в утверждении, что в научном познании не существует критериев адекватности научных теорий действительности, в связи с чем выбор между различными концепциями и теориями невозможен» [4, с. 76–77]. С точки зрения когнитивного релятивизма выявляется некоторая относительность противопоставления формалистского и интуиционистского направлений, так как формальная составляющая может проявляться через интуитивную и наоборот.

Следовательно, обоснование математики должно также основываться на объяснении реального успеха математических теорий, учитывающего наличие различных средств познания в современной математике. Безусловно, философские подходы к обоснованию математики не имеют полной надежности, но мы мыслим надежнее, когда есть возможность релятивистского подхода. Философский анализ направлений обоснования математики позволяет выявить релятивистский подход, состоящий в том, что нет смысла постоянно говорить о специфических особенностях реальных направлений обоснования современной математики, а следует переинтерпретировать эти направления в рамках другого методологического подхода к обоснованию. В контексте проблемы обоснования современной математики можно согласиться с мнением философа математики А.В. Родина о том, что релятивизм может быть серьезной философской позицией, «если под ним понимать тезис о необходимости развивать общезначимые понятия, такие как истина, объективность и знание, в терминах отношений между различными точками зрения, а не независимо от них» [5, с. 75]. Это вполне философски определенная релятивистская позиция, поскольку она допускает историческую эволюцию логики и существование различных подходов к обоснованию. При такой интерпретации процессуальная сторона новой концептуальной программы обоснования математики хорошо соотносится с таким аспектом научной деятельности, как синтез.

Если допустить, что логика обоснования современной математики связана с онтологией и гносеологией математики, то тогда они совместно претерпевают некоторую историческую эволюцию в процессе роста математического знания. Для дополнительной аргументации необходимости философско-методологического синтеза в обосновании математики заметим, что трудности обоснования математических теорий связаны с тем, что многообразие направлений современной математики не способствует их редукции к одной теоретической схеме. Для подтверждения этого тезиса напомним о различных редукционистских подходах в тех программах обоснования математики, которые в итоге привели к определенному скептицизму относительно решения проблемы обоснования. Программа логицизма основывалась на допущении редукции математических теорий к логике, программа интуиционизма ставила задачу редукции математики к ее исходным представлениям как необходимым интуициям сознания, а программа формализма представляла собой редукцию математической очевидности к предметно-логической очевидности. Поэтому в обосновании обнаруживается релятивизм, которого не было в классической науке, с признанием плодотворности редукционистского подхода к обоснованию на раннем этапе философии математики.

Возможно, ошибка классических программ обоснования математики была в том, что они стремились абсолютизировать какую-то одну систему достоверных положений обоснования, не учитывая их дополнительный характер взаимодействия, то есть в них не выдерживался принцип «логического консенсуса», одинаково приемлемый и для формалиста, и для интуициониста. В связи с существующими методологическими разногласиями по проблеме обоснования математики можно предположить, что существенный сдвиг в решении проблемы обоснования математики зависит сегодня не от мето-

логического анализа аксиоматических систем. Определенный прогресс в обосновании связан с углублением философии математики, которая как часть философии все же отличается своей принципиальной незавершенностью от полноценного анализа допустимых подходов к обоснованию математических теорий. «Современный релятивизм – это не завершенная концепция, имеющая убежденных и последовательных сторонников, а, скорее, соблазн, который испытывают все, в наличии которого обвиняют друг друга и альтернативы которому не видят» [6, с. 81]. Поэтому расхождения в философских взглядах, вызванные использованием понятий неограниченной общности, вообще говоря, не таят в себе серьезной угрозы для направлений обоснования и самого существования математики. Следовательно, надо сосредоточиться на том, как отступить без значительных потерь и как интерпретировать плодотворно работающие направления обоснования в целостной системе обоснования математики на современном этапе ее развития.

При этом можно даже пожертвовать некоторыми второстепенными философскими положениями с целью сохранения наиболее перспективных философско-теоретических конструкций обоснования, рассматривая их уже как «вторичную концептуализацию» исходных философских идей обоснования современной математики. Ограниченность программ обоснования формализма и интуиционизма привела к пониманию ограниченности редукционистского подхода в философии математики. С учетом реального сосуществования в современной математике таких конкурирующих исследовательских программ, как формализм и интуиционизм, не следует пытаться опровергать их. Подводя итог давнему спору между интуиционистами и формалистами как представителями наиболее значимых направлений обоснования современной математики, можно согласиться с мнением философа математики В.В. Целищева: «Сначала исследовательским программам свойственна философская заданность, а затем философский релятивизм, колеблющийся вокруг всех устраивающего концептуализма» [7, с. 75].

Противоположный ему подход, используемый в исследовании проблемы обоснования математики, получил в философии науки название системного, связанного с философско-методологическим синтезом направлений обоснования математики. В отчетливой форме он сформулирован в новой методологической установке, согласно которой целое как система не только не детерминируется совокупностью его элементов и даже не сводится к ним, а, напротив, эти элементы детерминируются целым и лишь в его рамках получают свое методологическое объяснение и философское оправдание. Системный подход в философско-математическом исследовании по проблеме обоснования современной математики выполняет ту же методологическую роль, которую в рамках классической науки выполнял в свое время редукционистский подход. Он вполне естественно подводит к необходимости философско-методологического синтеза направлений обоснования математики, хотя теория и практика синтезирующей обосновательной деятельности в области математики еще далеки от их философского завершения.

Заключение

Общеметодологическая значимость идеи когнитивного релятивизма для обоснования современной математики состоит в том, что философско-методологический синтез направлений обоснования возможен в форме дополнительности, снимающей противоречия в более высоких по уровню программах. Такой подход приобретает принципиальное значение в проблеме обоснования математики, обусловленной деятельностной ориентацией математического познания на современном этапе философского осмысления математического знания. Различия между основными программами обоснования математики (формализмом и интуиционизмом) были в определенной степени взаимодополняющими типами обоснования, соответствующими различным типам знания. Сущность современных математических категорий раскрыва-

ется в рамках и классической, и неклассической рациональности, когда сосуществуют альтернативные признаки.

Используя методологию когнитивного релятивизма, локальную непротиворечивость и концепцию истины, можно попытаться сделать доступными ценности разных методологических подходов к обоснованию математики. Релятивистский аспект проблемы обоснования математики возникает в связи со сколемским релятивизмом мощностей, согласно которому любая система аксиом, имеющая модель, не устанавливает пределов для других моделей или интерпретаций. Поэтому необходим новый подход к обоснованию современной математики, так как формально-математический анализ включает также редукцию к различным конструктивистским методам математического доказательства. Философско-методологический синтез в виде системной триады основных направлений обоснования современной математики представляет особый синтетический метод научного познания математической действительности, являющийся вместе с философско-методологическим анализом наиболее общим средством постижения математической истины.

Методологическая эффективность основных направлений обоснования математики способствует углублению понимания противоречивости обоснования математики и переосмыслению концепции обоснования современной математики на основе принципа взаимодополнительности и методологии системного мышления. Постнеклассическая рациональность в математике характеризуется неустранимостью субъекта познания, трансформируя идеал объективности математического знания, констатируя реальное состояние математики и интеграцию ее направлений в методологическом синтезе. Когнитивный релятивизм, согласно которому выбор между разными направлениями обоснования математики в качестве единственного и абсолютного невозможен, является философской позицией в обосновании математики, которая опирается на объективные критерии познавательных норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Султанова, Л.Б. Роль неявных предпосылок в историческом обосновании математического знания / Л.Б. Султанова // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 102–115.
2. Решер, Н. Границы когнитивного релятивизма / Н. Решер // Вопросы философии. – 1995. – № 4. – С. 35–54.
3. Микешина, Л.А. Релятивизм как эпистемологическая проблема / Л.А. Микешина // Эпистемология и философия науки. – 2004. – Т. I. – № 1. – С. 53–63.
4. Мамчур, Е.А. О релятивности, релятивизме и истине / Е.А. Мамчур // Эпистемология и философия науки. – 2004. – Т. I. – № 1. – С. 76–80.
5. Родин, А.В. Рациональность и релятивизм / А.В. Родин // Вопросы философии. – 2008. – № 9. – С. 55–76.
6. Левин, Г.Д. О трех видах релятивизма / Г.Д. Левин // Вопросы философии. – 2007. – № 7. – С. 70–81.
7. Целищев, В.В. Естественность и искусственность в философии математики / В.В. Целищев // Гуманитарные науки в Сибири. – 1995. – № 2. – С. 72–77.

Michailova N.V. Philosophical Analysis of Cognitive Relativism in Substantiation of Mathematics

The article is devoted to the philosophical and methodological analysis of contemporary philosophical idea of cognitive relativism in the problem of substantiation of mathematics. Because of the difficulties of substantiation of modern mathematics one can try to «soften» the rigidity of the principle of rationality which is identified with the axiomatic deductive proof referring to the substantive and non-formal methods of investigation of mathematics in the spirit of non-classical and postnonclassical methodology. To create a conceptual framework for the further argumentation of the new concept of substantiation of mathematics the direction of systemic and methodological research in the philosophy of mathematics is indicated in this study. The paper shows that if different directions of substantiation of mathematics really interact their systematic synthesis is possible and necessary because each philosophical and mathematical system has its own truth.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.10.2014

УДК [32+316]-043.86

Ю.П. Бондарь

ПОСТСОВЕТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена обновлению методологических инструментов познания постсоветской модернизации во взаимосвязи с мировыми политическими процессами. Особый интерес представляют концепты, находящиеся в фокусе научной полемики и гносеологического плюрализма: состояние международной и национальной безопасности; геополитические интересы, характер и перспективы экономической интеграции стран СНГ; воздействие наднациональных институтов на политику России и Беларуси; кризисные тенденции в западных и переходных обществах; причины региональных конфликтов, глобальных рисков и угроз.

Введение

Современная политическая наука располагает солидным банком исследований международных отношений. Однако предлагаемые модели мира и технологии его переустройства, методы объяснения и прогнозирования не вполне отвечают запросам времени. Гносеологические возможности некогда популярных геополитических концепций, претендующих на универсальность, завышены, устарели или неприменимы.

Ныне актуален вопрос об обновлении методологических инструментов познания постсоветской модернизации во взаимосвязи с мировыми политическими процессами. За два десятилетия эволюции национальной политологии ее фонд существенно пополнился диссертациями, монографиями, сборниками научных трудов, статьями и докладами государственных деятелей о влиянии на динамику постсоветской модернизации мировой политики. Они характеризуются многогранностью предмета исследований: глобализация как объективный процесс; последствия мирового кризиса, средства и методы его преодоления; формирующаяся архитектура мира после распада СССР, инструменты анализа современной геополитики; внешнеполитическая стратегия России и Беларуси; интеграционные процессы на постсоветском пространстве.

Целью исследования в данной статье является выявление новых методологических инструментов познания постсоветской модернизации во взаимосвязи с мировыми политическими процессами. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

- 1) историографический анализ постсоветской модернизации;
- 2) анализ возможных новых инструментов изучения постсоветской модернизации;
- 3) выявление места политических процессов на постсоветском пространстве.

Историография постсоветской модернизации

Среди публикаций выделяется коллективное исследование «Глобальный капитализм: три великие трансформации» [1]. Исходный тезис работы – постмодернистский мозаичный плюрализм в эпистемологии науки, ограниченность концептов либерального «конца истории», «имперского доминирования» порождают скепсис в отношении возможностей познания феномена глобализации, закономерностей мировых процессов, динамики национальной государственности. Нынешние перемены в мире характеризуются как множественность историко-культурных, экономических, политико-институциональных форм глобального развития, в контексте которого Россия и другие транзитные общества могут и должны найти свой самобытный путь.

Проблемам модернизации в контексте мировой политики посвятили монографию ученые Института социологии РАН [2]. В книге отражены результаты социологического исследования, проведенного в 2010 г. и охватившего 1 750 респондентов с целью получения ответов на главный вопрос: какова общая ситуация в стране и позволяет ли она совершить успешные преобразования? Ученые пришли к выводу о неразрывной взаимосвязи национальной модели преобразований с современными реалиями и особенностями, непреходящем значении опыта стран и регионов мира в качественном переустройстве бытия. Однако модернизация конкретной страны не может быть «догоняющей»; она адекватна национальному политическому и социально-экономическому опыту, ценностям культуры общества, государственным интересам и приоритетам.

Вызовы и угрозы глобализации, геополитическая нестабильность актуализируют необходимость их научного анализа. Факторы, противоречия и перспективы национальной и международной безопасности, тенденции мировой политики плодотворно исследуют доктора политических наук, профессора М.М. Лебедева, академик РАН А.А. Кокошин, доктор политических наук С.В. Кортунов, доктор исторических наук В.Л. Шейнис [5–8].

Качественная аналитика характерна для коллективной монографии под редакцией А.Д. Богатурова [9]. В издании скрупулезно, творчески объясняются новые явления глобализации, тенденции, проблемы, противоречия и мировоззренческие стереотипы международной жизни, неоднозначность внешней политики России.

Приоритеты, проблемы и перспективы внешней политики России исследуются в докторских диссертациях В.В. Разуваева, С.З. Павленко, В.Е. Петровского, С.А. Прокураина, С.А. Модестова, С.А. Комарова, Н.К. Арбатовой, О.М. Михайленка, С.В. Кортунова, Ю.А. Тихомирова, Д.С. Кузьмина.

Защищено значительное количество кандидатских диссертаций, опубликованы содержательные монографии, статьи и доклады по внешней политике России в условиях глобализации. Концептуальные идеи ученых подкреплены достоверной информацией, критически оценивают ситуацию в мире, содержат обоснованные предложения. Они созвучны внешнеполитическому курсу государства, выраженному в программной статье Президента Российской Федерации В.В. Путина [11].

Характерно совпадение мнений исследователей и политиков, когда оцениваются процессы дезинтеграции постсоветского пространства. Они отмечают, что крах СССР обернулся для России политическими, экономическими и военно-стратегическими потерями. Нанесен урон ее национальной безопасности. Россия сталкивается с усиливающейся конкуренцией со стороны и нередко проигрывает в противоборстве за геополитическое влияние [10; 12–16].

А.А. Казанцев и В.Н. Меркушев выявили позитивные стереотипы относительно России в сознании граждан СНГ на основе анализа экспертных отчетов по итогам опросов общественного мнения и рейтингов. Они благоприятствуют реализации принципов стратегического взаимодействия России с СНГ, взаимовыгодного сотрудничества и учета интересов каждого субъекта Содружества [17]. Методологические проблемы познания международных отношений разрабатывают ученые Беларуси: В.В. Агеев, А.А. Розанов, Ю.А. Малевич, Е.А. Достанко, В.А. Сакович. Внешняя политика республики исследуется в публикациях и кандидатской диссертации, защищенной в Москве историком К.В. Виноградовой.

К проблеме новых методологических инструментов анализа постсоветской модернизации

26 октября 2009 г. редакция «Полиса» и ИМЭМО РАН организовали обсуждение социально-политических последствий современного кризиса и проблем кризисного

регулювання [4]. Предмет дискусії – причини, проявлення, типологія кризи, динаміка мирового розвитку, моделі «альтернативного капіталізму». Полеміка виявила потребу в методологічно обґрунтованому моніторингу змін у світі. Відзначалося, що криза потребує зміни соціально-економічної парадигми: ціннісної мотивації споживання в розвинутих країнах; нарощування інноваційного потенціалу та бережливого використання ресурсів перехідних суспільств; застосування механізмів дійсного та справедливого міжнародного регулювання економіки та фінансової сфери; усунення нерівності між країнами та регіонами.

Із матеріалів дискусії витікають актуальні висновки методологічного значення. Глобальний криза – закономірне явище капіталізму, наслідок політики та ідеології домінуючих держав, наднаціональних інститутів та бізнесу. Він зробив явним нежиттєспроможність «однополярної» системи мироустрою, ізъяни та проблематичність ліберальної парадигми, яка багато десятиліть популяризувалася як універсальний зразок для наслідування. Обнажилася шкода несправедливого міжнародного порядку [4, с. 112, 113].

В обговоренні соціально-економічних та політичних наслідків кризи беруть участь політологи, економісти, психологи, історики, юристи, філософи [3; 4]. Це збагачує «палітру» оціночних суджень, методологічних ідей, аргументації в поясненні протирічливих світових процесів.

Оновлення концептів пізнання модернізації постсовєтських суспільств в контексті світової політики обумовлено взаємозалежністю держав, народів та регіонів планети, динамічністю та протирічливістю міжнародних відносин. Некогда домінуючі в науці гносеологічні ідеї та стандарти не задовольняють запитів часу. Пошук ученими більш ефективних парадигм виявлення та пояснення закономірностей мирового розвитку є відповіддю на потреби національної та міжнародної безпеки, загрози конфліктів та кризисів, тероризму та організованої злочинності, суперництва впливливих держав за властне господарство. Наука призначена задовольняти людство в якості аналітики: розробляти та пропонувати життєспроможні моделі справедливого світопорядку, конструктивні механізми розв'язання глобальних проблем, гуманні технології взаємодіючого співробітництва народів, держав та регіонів планети.

Проблема глобалізації в сучасних міжнародних відносинах в контексті постсовєтської модернізації

Сучасна політика показує, що для реалізації своїх інтересів західні країни використовують різноманітні механізми. С однієї сторони, формується система залежності постсовєтських республік від «центра» в формі кредитів Міжнародного валютного фонду, Всесвітнього банку, політичних «рекомендацій» Ради Європи, ОБСЄ, з іншої – культивується ілюзія можливості вступлення їх в клуб країн «центра» за умови покірного слідування в фарватері політики Заходу (партнерство з НАТО, прийняття в Євросоюз, ВТО) та відмови від зміцнення власної державності та інтеграції на постсовєтському просторі. Слідування такому сценарію розвитку за постсовєтське час не наблизили ні одну з країн СНГ до заветного благополуччя, оскільки шлях до «центра» в сучасних умовах лежить в протилежному напрямку: не в спробах відірватися від «периферії» за рахунок конфронтації з іншими постсовєтськими республіками (наочний приклад ситуація в Україні), а в відставанні та відстоюванні власних інтересів та духовних цінностей.

Очевидно, що на шляху захисту власних інтересів, інтеграції на постсовєтському просторі, консолідації спільних зусиль на міжнародній арені постсовєтські республіки зустрять сильне протидіяння, оскільки нові конкуренти Заходу

не нужны. Тем не менее есть ряд признаков, указывающих на то, что такой путь развития для постсоветских республик возможен.

Во-первых, это грядущая демифололизация политики глобализации. Уже сегодня видно, что «транснациональность» многих корпораций – один из современных мифов, так как все они имеют штаб-квартиры в конкретных столицах, их руководители имеют гражданство, основные налоги платят в «материнской» стране, менеджеры вполне ощущают свою национальную идентичность. В будущем национальная принадлежность ТНК станет еще более заметной, так как сильные государства в силу заинтересованности распространения своего международного влияния будут все более активно поддерживать свои ТНК. Страны с традициями сильного государства получают определенные преимущества в этом плане, так как их бизнес-элиты будут более лояльны к интересам своих стран, а правительства будут оказывать последним активную поддержку в реализации коммерческих проектов.

Соответствующая фразеология государственного прагматизма в США, России, КНР и других странах отражает зарождение новой парадигмы мирового развития, формулируемой в терминах национального интереса. Лидерство в мире в этом плане будет пониматься как способность наиболее эффективно продвигать на международный рынок собственные идеи, услуги и товары силами своих транснациональных корпораций. Для постсоветских республик подобными корпорациями являются российские естественные монополии плюс совместные финансово-промышленные группы и интеграционные программы, работающие в атомной, оборонной, машиностроительной и других отраслях промышленности. Постсоветские республики должны всемерно стимулировать научную, культурную, экономическую и политическую интеграцию, чтобы способствовать выходу наших отраслей промышленности на международный рынок.

Другим важнейшим признаком, указывающим на формирование новой парадигмы мирового развития, является преодоление в Беларуси и России «периферийного сознания» последнего времени, включающего такие элементы, как комплекс неполноценности (совковость), идеологию покаяния, ощущение пессимизма и безысходности. Выход из состояния «периферийного сознания» состоит в противодействии негативному влиянию примитивной западной массовой культуры как основного идеологического инструмента политики глобализации. Интеллектуальный и нравственный потенциал постсоветских республик следует максимально использовать, чтобы заинтересовать мир собой, иметь возможность предложить свои духовные и материальные достижения для строительства справедливого экономического и политического миропорядка, занять приоритетное место в развитии человечества.

Заключение

Сказанное подтверждает актуальность ревизии и обновления методологических подходов к познанию демократических преобразований на постсоветском пространстве в международном контексте – реального состояния, проблем и противоречий, демократизации мировой политики во благо цивилизации. Творческий поиск приемлемых для постсоветских государств внешнеполитических моделей поведения, обоснование альтернативных идей, укрепляющих их независимость, имидж, внешнеполитические возможности для устойчивого развития – веление постиндустриальной эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федотова, В.Г. Глобальный капитализм: три великие трансформации / В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова. – М. : Культурная революция, 2008.

2. Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крума, Н.Е. Тихоновой. – М. : Весь Мир, 2010.
3. Переосмысливая современность : материалы междунар. конф. // Полис. – 2003. – № 2. – С. 12–33; № 3. – С. 14–32.
4. Социально-политические последствия современного кризиса и проблемы кризисного регулирования // Полис. – 2010. – № 1. – С. 108–134.
5. Кокошин, А.А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: теоретические и прикладные аспекты / А.А. Кокошин. – М. : Красанд, 2009.
6. Кортунув, С.В. Диалектика национальной и международной безопасности: некоторые методологические проблемы / С.В. Кортунув // Полис. – 2009. – № 1. – С. 7–28.
7. Лебедева, М.М. Мировая политика: тенденции развития / М.М. Лебедева // Полис. – 2009. – № 4. – С. 72–83.
8. Шейнис, В.Л. Национальная безопасность России. Испытание на прочность / В.Л. Шейнис // Полис. – 2009. – № 5. – С. 141–148; 2010. – № 1. – С. 35–53.
9. Современная мировая политика. Прикладной анализ / под ред. А.Д. Богатурова. – М. : Аспект-пресс, 2010.
10. Криштапович, Л. Е. Геополитический выбор Беларуси / Л.Е. Криштапович // Политическое просвещение = Polit. Enlightenment. – 2009. – № 2. – С. 154–158.
11. Путин, В.В. Россия и меняющийся мир / В.В. Путин // Московские новости. – 2012. – 27 февр.
12. Бахлова, О.В. Политические механизмы и технологии российско-белорусской интеграции : автореф. дис. ... д-ра. полит. наук : 23.00.02 / О.В. Бахлова; МГУ имени М.В. Ломоносова. – М., 2007.
13. Годин, Ю. Ф. Белоруссия – это «Брестская крепость» современной России / Ю.Ф. Годин. – М. : ИТРК, 2008.
14. Тренин, Д. Россия в СНГ: поле интересов, а не сфера влияния / Д. Тренин // Pro et contra. – 2009. – Т. 13. – № 5/6. – С. 82–97.
15. Шишков, Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ / Ю.В. Шишков. – М. : III тысячелетие, 2001.
16. Шурубович, А.В. Роль экономических и политических факторов в развитии российско-белорусской интеграции / А.В. Шурубович // Постсоветское пространство: реалии и перспективы : сб. ст. – М., 2009. – С. 57–63.
17. Казанцев, А.А. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» / А.А. Казанцев, В.Н. Меркушев // Полис. – 2008. – № 2. – С. 122–135.

Bondar Y.P. Post Soviet Modernization in the Context of World Politics: Problem Area of Research

The article deals with the issues of new methodological instruments in studying the post-Soviet modernization in its relations with the global political processes. The special interest lies in the concepts which are in the focus of academic discussions and epistemological pluralism: the current state of global and national security; geopolitical interests, the character and prospects of economic integration of the participants of the CIS; supranational institutes; institutes on the politics in Russia and Belarus; crisis trends in the Western and transitional societies; the reasons of the regional conflicts, global risks and threats.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.09.2014

УДК 008:005.44

В.Л. Петрушак**ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ГЕОСТРУКТУРЫ
МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА КАК ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

В статье рассматривается формирование цивилизационных центров развития и силы как отражение новой геополитической структуры многополярного мира эпохи глобализации. Подчеркивается, что переход от однополярного миропорядка к многополярному мироустройству есть результат реализации закона единства многообразия, который составляет основу протекания процесса глобализации. Высказана гипотеза о том, что тенденции к однополярности и регионализации мира составляют основу циклов глобализации, первый из которых (1991–2027) можно считать и кризисом однополярного мира. Отмечено, что евразийская интеграция, активно проводимая Россией, и ее участие в создании Евразийского Союза, деятельности ОДКБ, БРИКС способствует обеспечению статуса России как баланса интересов между Западом и Востоком. Обращено внимание, что для обоснования этой роли России необходимо сделать евразийство государственной идеологией.

Однополярный мир, который был следствием поражения СССР в холодной войне (1946–1991 гг.), оказался недолговечным и лишь переходным этапом к будущему геополитическому устройству мира, что выражается в формировании новой геоструктуры мира как перманентного состояния определенного миропорядка в ту или иную историческую эпоху. Основой мирового политического и цивилизационного мироустройства всегда были империи как способ бытия исторических народов, связанный с освоением значимых геополитических пространств, наличием имперской идеи и универсализмом этнокультурных и межконфессиональных взаимодействий. Именно эти народы на протяжении большей части истории человечества определяли ее направление развития. В настоящее время государства, не утратившие подобных качеств и способные формировать мировую геополитику (США, Россия, Китай, Индия, Бразилия, Евросоюз, Япония), постепенно образуют цивилизационные центры развития и силы как основу будущего многополярного мироустройства.

Предыдущая стадия многополярности сложилась в конце XIX – в начале XX вв. и характеризовалась противоборством двух межимперских блоков: Антанты (Англия, Франция, Россия, а впоследствии и США) и Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия и Османская империя), – что придавало неустойчивость и самой системе. После разгрома стран Тройственного союза и развала Российской империи, а впоследствии и поражения фашистской Германии и милитаристской Японии во Второй мировой войне во взаимное противоборство вступили два мощных государства послевоенного мира – СССР и США, что означало замену многополярности на конфронтационную дуполярность. После поражения СССР в холодной войне Соединенные Штаты Америки в 1990-е гг. стали единственной имперской державой мира, стремившейся создать однополярный мир. Идеологам новой политической геоструктуры мира потребовалось дискредитировать само понятие империи для оправдания монополярного (по существу, имперского) положения США в современном глобальном мироустройстве XXI в. Известный российский философ и политолог А.С. Панарин отмечал, что «суперэтнические “империи” стали мишенью американского либерализма потому, что они способны стать на пути американской гегемонии в мире» [1, с. 7]. Вот почему США как «республиканская империя» с такой настойчивостью отстаивают принцип этнических суверенитетов и прав малых наций, что противоречит главным установкам европейского Просвещения о преимуществах единых больших пространств как ареалов экономического и культурного роста. Но такой подход вписывается в гегемонистскую стратегию однополярного мира, ибо предполагает дробление крупных государств-конкурентов по эт-

ническому, конфессиональному и цивилизационному критериям. Именно таким образом развалился не только СССР, но и Чехословакия, а затем Югославия. Эти государства выступили для американских стратегов испытательным полигоном для отработки методов, которые они намеревались использовать уже для развала в будущем России, Китая и ряда других крупных государств – потенциальных конкурентов. «Дело в том, что однополярная модель осуществима лишь в том мире, где существует одна единственная супердержава, окруженная сателлитами. Отсюда – антиимперский пафос американских стратегов. Причем под империями понимаются все те государственные образования, которые способны противостоять американской гегемонии» [1, с. 7].

Однако недолговечность однополярности, основанной на доминировании лишь одного геополитического центра вызвана была не только просчетами стратегов «нового мирового порядка», но и принципиальной неосуществимостью такого проекта, который противоречил основному закону развития открытых, в том числе и социально-политических систем – закону единства многообразия. Поэтому, учитывая противоборство тенденций к однополярности по-американски и многополярности цивилизационного бытия мира, можно предположить, что начиная с 1991 г. формируются циклы глобализации, включающие фазы однополярности и регионализации современного миропорядка. По нашему предположению, этот цикл охватит период мирового развития с 1991 г. по 2024 г. Так, восходящая фаза цикла (1991–2009 гг.), когда ход событий предполагал возможность утверждения глобализации как всеобщей вестернизации при главенстве США, завершилась мировым экономическим кризисом 2008–2009 гг., который можно рассматривать и как кризис однополярного миропорядка. Интересно отметить, что высшая точка всего цикла приходится на 2000 г., который ознаменовался таким, на первый взгляд, малопримечательным событием, как вступлением в должность второго президента Российской Федерации В.В. Путина, которого можно рассматривать как одного из первых архитекторов будущего многополярного мироустройства.

Нисходящую фазу цикла (2009–2027 гг.) можно охарактеризовать как период формирования многополярности, которая есть выражение процесса регионализации мира. Дело в том, что действие закона единства многообразия привело к тому, что в противовес США начали формироваться новые цивилизационные центры развития и силы, которые проявляют черты имперской геополитической стратегии, постепенно осознают свои интересы и выступают в качестве новых игроков мировой геополитики. Это в первую очередь страны БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай), которые, имея четкую имперскую структуру с разделением на центр и периферию и многообразный этнический состав населения, способны, за исключением Бразилии, реализовать свою внешнеполитическую стратегию как ядерных держав, и, опираясь на собственные ресурсы, реально противостоять имперским амбициям США. Так, «в Китае ожил менталитет Среднего Царства, в котором другие азиаты видятся как существа низшего порядка, а представители Запада как варвары» [2, с. 17]. Постепенно усиливается геополитическое влияние России. В потенциале подобную роль могут играть и Федеративная Республика Бразилия, которая в состоянии перехватить у США как минимум роль регионального центра силы в Южной Америке, и Индия как региональная держава Южной Азии.

Кроме того, исторически происходит смещение центров мирового геополитического влияния. Так, Д. Арриги выделил четыре взаимопересекающихся цикла смены геополитического лидерства в мировой капиталистической системе XV–XXI вв. Это «генуэзско-иберийский (с XV в. до начала XVII в.), голландский (с конца XVII в. и до конца XVIII в.), британский (с середины XVIII в. до начала XX в.) и американский (начавшийся в конце XIX в. и продолжающийся до наблюдаемой сегодня стадии финансовой экспансии)» [3, с. 8]. Причем будущий центр мирового рыночного хозяйства

может переместиться как в Азию, так и в Россию. По мнению А.В. Бобровникова и В.М. Давыдова, в предстоящие 35–40 лет по абсолютному размеру своих экономик «страны БРИК в совокупности превзойдут суммарный объем экономик нынешней “большой шестерки” (США, Япония, Англия, Германия, Франция, Италия). Если в начале столетия их доля от суммы ВВП “большой шестерки” составляла 15 процентов, то уже к 2025 г. она превысит половину. Из нынешних лидеров в составе ведущей шестерки к 2050 г. останутся только США и Япония. К началу 2040-х гг. Китай превзойдет США, Индия к началу 2030-х гг. – Японию, Россия во второй половине 2020-х гг. имеет шанс обойти Германию (а ранее – Англию, Францию и Италию), Бразилия обойдет Германию во второй половине 2030-х гг.» [4, с. 58].

Кроме БРИК, в последнее время стали говорить и о «втором эшелоне» восходящих стран-гигантов, к которым относят Мексику, Пакистан, Индонезию и ЮАР (сюда же можно отнести и Иран). Для обозначения этих стран «второго эшелона» также уже появилась своя аббревиатура – ЮПИМ. Как отмечает Ч.С. Кирвель, становясь альтернативными США центрами силы, страны БРИК и ЮПИМ преодолевают комплекс периферийности. Они «опрокидывают план глобализации как американизации, реализация которого началась с 90-х гг. прошлого столетия (после крушения СССР), превращают в безнадежное дело всякие попытки утверждения “однополярной” гегемонии, ставят ей серьезные препятствия, ограничения и пределы» [5, с. 93]. Проявлением этого процесса стали саммиты стран БРИКС, особенно последний, состоявшийся 15 июля 2014 г. в Форталезе (Бразилия), который ознаменовался созданием нового Банка развития и Пула условных валютных резервов стран БРИКС. Его объявленный капитал составит 100 млрд долл. Масштабы возможных операций в рамках Пула валютных резервов также смогут достичь 100 млрд долл. Как отмечал В.В. Путин, этот механизм создаёт предпосылки для эффективной защиты стран участниц от кризисов на финансовых рынках. «Важно, что нас объединяет стремление выступать с единых позиций по вопросам глобального развития, формирования мировой финансово-экономической архитектуры» [6], а также, очевидно, и геополитической.

Определенные шансы войти в мировые лидеры имеет и Европейский Союз при условии освобождения из-под влияния США. Однако основная направленность Евросоюза антинациональная. Главный специалист Центра изучения конфликтов при Британской военной академии Джеймс Шерр отмечал: «Европейский союз всегда был постмодернистским проектом, призванным выйти за пределы базовых элементов модернистского мира: наций и национальных государств. ...На практике Евросоюз создает мультикультурное сообщество, скрепленное общими принципами, нормами и ценностями, и в незначительной степени, несмотря на все скрупулезные старания, процедурами и институтами. ...Более того, его модель интеграции основана на стандартах, совместимых по своим фундаментальным характеристикам со стандартами своего североамериканского “соперника”, или даже частично позаимствованных у него» [7, с. 10]. Это обстоятельство способно серьезно подорвать процесс не только европейской интеграции, но и возможность осознания западноевропейской цивилизацией своих интересов в мире как самостоятельной геополитической силы вне влияния США. Реализацией этого сценария стали санкции Евросоюза против России, принятые в июле 2014 г. в поддержку позиции США по Крыму.

В целом преодоление однополярности не только приводит к формированию новой геополитической структуры мира, но и меняет ее качественный состав в направлении регионализации мира. Так, создатель концепции постиндустриального общества Д. Белл отмечает, что в противовес однополярному миру «мы наблюдаем сегодня прецеденты региональной интеграции. Европейский Союз, Североамериканская зона свободной торговли, интеграционные усилия в Юго-Восточной Азии. ...Регионы – вот

те политические, социальные и культурные единицы, из которых будет строиться мир XXI в.» [8, с. 6].

Формируемая в настоящее время полицентричность, по-видимому, не приведет человечество к гармоничному и непротиворечивому существованию. Дело в том, что «многополярность» может быть устойчивой только при равных возможностях центров сил, при их соответствии классическому типу баланса сил. Но такая идеальная ситуация в истории случается крайне редко и ненадолго, ибо она противоречит закону неравномерного экономического, политического и социокультурного развития стран и народов мира. И если даже США откажутся от имперских притязаний, то другие страны или группы стран начнут бороться за расширение своего влияния в мире, пользуясь отсутствием всемирного гегемона. Дело в том, что борьба за превосходство и доминирование, вытекающая из архетипов коллективного бессознательного бытия этносов, особенно исторических, всеобща и вечна. Поэтому если какое-то государство или группа государств вырвутся вперед, то этот новый центр силы, достигнув экономической и военной мощи, равной или превосходящей потенциал ведущих государств мира, сразу же начнет требовать для себя нового статуса, означающего на деле передел сфер мирового влияния. Причем новый миропорядок, который будет меняться в сторону от глобализации к регионализации, будет базироваться не на одной, а на «нескольких дополняющих друг друга и в чем-то соперничающих ценностных системах», а его универсальной чертой станет, скорее всего, отсутствие индивидуального лидерства [9, с. 35]. Именно поэтому мы и наблюдаем сегодня прецеденты региональной интеграции. Можно сказать, что Европейский Союз, Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), Евразийский Союз, АСЕАН, ряд других региональных объединений по существу формируются как империи нового типа, делающие ставку не на силу оружия, а на экономико-политическую и социокультурную интеграцию цивилизационных пространств и субконтинентальных регионов. В этой связи, учитывая разрушительный характер современных вооружений, такое противоборство центров силы переместится из сферы прямых вооруженных столкновений в сферу локальных конфликтов, спецопераций и т.д.

В этой связи особенно важно значение Московской Руси (1547–1721 гг.), Российской империи (1721–1917 гг.), СССР (1921–1991 гг.) и современной Российской Федерации как важнейших имперских объединений исторической Руси, сформированных в евразийском геополитическом пространстве. По своей основе Россия изначально складывалась как многонациональное государство имперского типа и, по мысли известного политолога В.Л. Цимбурского, создавалась «отношениями между ценностями локальных этнических, конфессиональных и тому подобных групп и тем единым “пространством нормы”, куда интегрируются эти группы, утрачивая свой суверенитет» [10, с. 19]. Причем, такая роль Российской Империи, СССР и нынешней Российской Федерации в прошлом и сейчас обусловлена фактором их местоположения в ареале больших евразийских пространств и суровостью климата, что, в отличие от европейской истории, делало истребление целых народов невыносимым делом. Более того, на процесс становления Российского государства значительное влияние оказало культурное наследие Византийской империи, а затем и Золотой орды, что породило стремление к централизации евразийского геополитического пространства. Как отмечал один из основателей евразийства Г.В. Вернадский, «монгольское наследство облегчило русскому народу создание плоти Евразийского государства. Византийское наследство вооружило русский народ нужным для создания мировой державы строем идей» [11, с. 20]. Причем Россия, объединяя влияния Востока и Запада, играла в мировой политике роль срединной евразийской державы, способной нормализовать как отношения Востока и Запада, так и предотвратить их перманентную войну друг с другом, формируя триединство цивилизационного бытия человечества. «Россия, – подчеркивает А.С. Панарин, – центральное

место планеты не только в геополитическом смысле, но и в историософском. Здесь находятся стяжки не только мирового западно-восточного пространства, но и формационного времени» [1, с. 41]. Поэтому как развал Российской империи в начале XX в. привел к невиданной в мире по масштабу гражданской войны 1918–1921 гг., так распад СССР обернулся геополитическим потрясением для современного мира, приведшим к поглощению западноевропейской цивилизацией восточноевропейского региона, состоявшего из государств – бывших союзников СССР, и попытками подчинения Ближнего Востока. Более того, если произойдет распад Российской Федерации, то, как отмечал И.А. Ильин, «Россия превратится в гигантские Балканы, в вечный источник войн; в великий рассадник смут. Она станет мировым бродилом, в которое будут вовлекаться социальные и моральные отбросы всех стран (“инфилтранты”, “оккупанты”, “агитаторы”, “разведчики”, “революционные спекулянты” и “миссионеры”), все уголовные, политические и конфессиональные авантюристы вселенной. Расчлененная Россия станет неизлечимой язвой мира» [12, с. 18]. Поэтому, чтобы осилить роль ведущего субъекта мировой геополитики, необходимо не только иметь крепкую экономику и значимую военную силу, но и сформировать восточнославянский центр развития и силы и завершить формирование Евразийского Союза.

В этой связи возникает вопрос о возможностях превращения Российской Федерации в имперскую страну. Ведь известно, что современная Россия была создана на обломках бывшего СССР и в структуре однополярного мира должна была играть, с одной стороны, роль ресурсного донора, а с другой – противовеса процессу превращения Китая в реального общемирового конкурента США вместо поверженного СССР. Однако Россия, занимая основную зону евразийской территории бывшего СССР и оставаясь первой в мире по территории державой, потенциально сохранила способность эволюции своей государственно-политической системы в направлении обретения имперского статуса как евразийской державы. Кроме того, политическое руководство Российской Федерации постепенно после прихода к власти Путина начало в той или иной мере укреплять не только ее военную мощь, но и возрождать основы своей евразийской политики баланса сил Запада и Востока. Этот процесс протекает под влиянием расширения НАТО на Восток и имперской политики США в Югославии, на Ближнем и Среднем Востоке, в Латинской Америке и в отношении СНГ. Этот процесс находил выражение в формировании союза России и Беларуси и попыток проведения евразийской интеграции на просторах СНГ. Более того, реальными союзниками России выступают страны ОДКБ и формируется стратегический союз России и Китая в противовес США. В реализации целей своей геостратегии и успешности проводимых преобразований России не хватает, во-первых, решительного отказа от стратегии потребительского общества и усиления роли государства в экономике, а с другой – обретения развитого идеологического обоснования государственной политики. Для этого, как представляется, необходимо отказаться от «диктатуры рынка» и взять за основу реализации геополитической стратегии России евразийство как основу ее государственной идеологии. Еще Л.Н. Гумилев отмечал, что «если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» [13, с. 30]. Кроме того, необходимо обрести, по мнению известного русского философа А. Панарина, «конкурентную мироустроительную идею, адресованную, в соответствии с духом мировых религий, не только собственной стране, но и всей ойкумене» [14, с. 139]. Такой идеей могло бы стать построение духовно-экологической цивилизации, духовный потенциал для формирования которой и могут проявить восточнославянские государства и народы.

Таким образом, формирование многополярного мироустройства предполагает выработку таких механизмов будущего мироустройства, которые позволят не только уважать подлинный суверенитет государств и народов, но интегрировать субконтинен-

тальные регионы вокруг цивилизационных центров развития и силы, что даст импульс будущему развитию мира. В то же время актуальной остается интеграция Северной Евразии в рамках Евразийского союза, что обеспечит общую стабильность цивилизационного бытия человечества, так как сильная Россия – это залог гармонизации отношений Востока и Запада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панарин, А.С. Россия в циклах мировой истории / А.С. Панарин. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 288 с.
2. Halloran, R. The Rising East / R. Halloran // Foreign Policy. – 1996. – № 102 (Spring). – P. 3–21.
3. Арриги, Д. Динамика кризиса гегемона / Д. Арриги // Свободная мысль XXI. – 2005. – № 1. – С. 3–20.
4. Боровиков, А.В. Кто будет заказывать музыку? / А.В. Боровиков, М.В. Давыдов // Свободная мысль XXI. – 2005. – № 4. – С. 51–65.
5. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / Ч.С. Кирвель [и др.] ; под ред. Ч.С. Кирвеля. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Четыре четверти, 2010. – 548 с.
6. Путин, В.В. Выступление на встрече лидеров Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР в расширенном составе / В.В. Путин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kremlin.ru/transcripts/46229.htm>. – Дата доступа : 15 августа 2014.
7. Шерр, Д. Россия и ЕС в различных координатах времени / Д. Шерр // Независимая газета. – 2002. – 11 дек. – С. 6.
8. Белл, Д. Эпоха разобщенности / Д. Белл // Свободная мысль – XXI. – 2006. – № 6. – С. 5–16.
9. Баталов, Э.Я. «Новый мировой порядок»: К методологии анализа / Э.Я. Баталов // Полис. – 2003. – № 5. – С. 25–37.
10. Цимбурский, В.Л. Выступление на семинаре «Закат империи» / В.Л. Цимбурский // Восток. – 1991. – № 5. – С. 10–24.
11. Вернадский, Г.В. Начертание русской истории / Г.В. Вернадский. – М. : Алгоритм, 2008. – 336 с.
12. Ильин, И.А. Что сулит миру расчленение России? / И.А. Ильин // Литературная Россия. – 1990. – 12 мая. – С. 18–19.
13. Гумилев, Л.Н. Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава / Л.Н. Гумилев // Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Л.Н. Гумилев. – М. : СЗКЭО, ООО «Издат. дом “Кристалл”», 2003. – С. 23–30.
14. Панарин, А.С. О державнике Отце и либеральных носителях эдипова комплекса / А.С. Панарин // Москва. – 2003. – № 3. – С. 131–146.

Petrushak V.L. New Geostructures of Multipolar World as a Phenomenon of Globalization

The article deals with the formation of civilizational development centers and power as a reflection of a new geopolitical structure of the multipolar world of the globalization era. It is noted that the transition from the unipolar world to a multipolar world order is the result of the implementation of the law of unity of the manifold, which is the basis of the process of globalization. Hypothesized that the tendency towards unilateralism and the regionalization of the world form the basis of cycles of globalization, the first of which (1991–2024) can be considered, and the crisis of a unipolar world. Noted that the Eurasian integration is actively pursued by Russia and its part in the creation of the Eurasian Union, CSTO activities, BRICS promotes Russia's status as a balance of interests between the West and the East. Attention is drawn, that the justification for this role Russia should make a Eurasian state ideology.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 11.09.2014

УДК 321.011

В.О. Дашкевич**БЕЛОРУССКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ:
НАЦИОНАЛЬНО-ОСОБЕННОЕ И ОБЩЕИСТОРИЧЕСКОЕ**

В статье рассматриваются особенности белорусской модели развития. Описываются причины (политические, экономические), обусловившие выбор особого пути развития Республики Беларусь, обосновывается историческая и геополитическая неизбежность такого выбора. Анализируются основные отличия от путей развития, выбранных другими странами. Характеризуются основные черты данной модели. Определяется роль и место интеграционных процессов в развитии белорусского государства.

Белорусская модель развития не случайно стала объектом пристального внимания отечественных и зарубежных политологов и экономистов. Ключевое ее понятие – интеграция, т.е. создание единого экономического пространства постсоветских стран и строительство Союзного государства Беларуси и России.

«План – это плохо, а рынок – хорошо», – так обычно рассуждают идеологи рыночных реформ. Дилемма вроде бы понятна: план – рынок. На самом же деле такое противостояние абсолютно не соответствует действительности. «Для успешного перехода к рынку, – утверждают эксперты Всемирного банка, – нельзя ограничиваться перестройкой экономической системы. Необходимо изменить саму институционную основу общественной жизни» [1, с. 25]. Как видим, эксперты Всемирного банка ставят задачу сознательного изменения всего жизненного уклада народов постсоветских республик. А это есть не что иное, как планирование западными финансовыми институтами всего развития постсоветского общества. В таком случае все разговоры о стихии рынка, о невмешательстве государства в экономические отношения являются обычной мистификацией рыночных идеологов, призванной прикрыть прямое вмешательство западных государств во все сферы жизни стран СНГ. Под видом разговоров о переходе от плана к рынку постсоветским республикам навязывается переход от отечественного планирования к западному плану реформирования жизни наших народов.

Нетрудно догадаться, какое планирование выгодно для Беларуси, как и для других постсоветских республик: национальное или иностранное. На бытовом уровне это понятно, как дважды два – четыре. Представьте себе ситуацию: в вашу семью вторгается чужой человек и заявляет, что только он знает, как следует устраивать семейную жизнь. Ни один уважающий себя семьянин такого не потерпит. И будет совершенно прав. Точно также обстоит дело с «рекомендациями» иностранных опекунов нашей жизнедеятельности. Наивно предполагать, что западные правительства и олигархи всерьез озабочены тем, как побыстрее превратить постсоветские республики в настоящих конкурентов западных стран. Американский миллиардер Джордж Сорос правильно заметил: «Цель конкурентов – победить, а не содействовать сохранению рыночной конкуренции» [2, с. 4]. Цель западных экономических агентов – так «реформировать» экономику постсоветских республик, чтобы они никогда не могли конкурировать с западными странами на международном рынке.

Отсюда понятно, почему западные идеологи выступают против белорусской модели развития. Не потому, что Беларусь против реформ, а потому, что наша республика стремится проводить реформы по национальному, а не по западному плану. Именно

Научный руководитель – Р.О. Есин, доктор политических наук, заместитель начальника управления – начальник отдела Содружества Независимых Государств управления Евразийской интеграции Министерства иностранных дел Республики Беларусь

это обстоятельство является решающим при анализе специфики белорусской модели, диалектики национально-особенного и общеисторического. Белорусская модель основывается не на западном плане реформирования, а на собственном государственном плане национального развития, учитывая опыт не только западных государств, но и других стран мирового сообщества.

Ключевое понятие западного планирования в отношении постсоветских республик – приватизация. Термин специфический, много объясняющий в современной политике запада на постсоветском пространстве. Под этим понятием Запад пытается скрыть свою антисоциальную установку. Но прямо об этом не говорит, поскольку сразу стала бы видна ее идеологическая подоплека, а прикрывает свои разрушительные планы «экономической» одеждой приватизации. Под приватизацией рыночные идеологи понимают разгосударствление собственности якобы в целях образования среднего класса, т.е. класса мелких частных собственников. На самом же деле приватизаторы затушевывают ту бесспорную философско-историческую истину, что существование индивидуальных товаропроизводителей ни в одном капиталистическом обществе не носит всеобщего характера, а наличие простого товарного производства не создает еще самостоятельного общественного устройства. «Рыночный капитализм» есть выдумка современных приватизаторов, не более того. Общеизвестно, что действительная культура и цивилизация создавались не мелкими частными собственниками, а крупными ассоциациями производителей. На основе приватизации крупных предприятий никакого социального и экономического возрождения не произойдет. Если что и возродится, то только спекуляция, разрушение социальной инфраструктуры и дезорганизация производства. Вот почему белорусская модель развития основывается не на антисоциальной приватизации, а на модернизации отечественных предприятий, повышении конкурентоспособности их товаров на мировых рынках. Белорусская модель в области экономики базируется не на противопоставлении частного и государственного секторов, а на их параллельном и взаимодополняющем развитии. В белорусской модели государство не отстраняется от экономической жизни, а играет активную роль в реформировании экономики с целью ее органичной интеграции в мирохозяйственную систему.

Приватизаторы так увлеклись своей борьбой с планом и государственной собственностью, что не заметили как скатились в болото антисоциальности. Антиплановая политика приватизаторов обернулась разрушением экономики, государства, общества и личности. Хотя даже с буржуазно-государственной точки зрения политика тотальной приватизации абсурдна. Буржуазное общество не было бы обществом, если бы сознательно не ограничивало свой принцип жизнедеятельности и не накладывало бы узды на антисоциальные аппетиты индивидуалистического эгоизма.

Опыт приватизации свидетельствует о том, что приватизационный план реформирования постсоветского общества, подчиняющий государственную собственность меньшинству, а не большинству, направлен против свободы и независимости личности, поскольку объективно исключает личность и сферы экономической, социальной и политической активности. Приватизация объективно направлена против демократического развития постсоветского общества. Как подчеркивают западные политологи «ключевым моментом в американском понимании конституционного порядка является защита прав меньшинства». В западных политических трактатах прямо утверждается: «Если большинство будет объединено общим интересом, права меньшинства окажутся под угрозой» [3, с. 392]. Очевидно, что такое понимание прав человека трудно назвать демократическим, поскольку интересы большинства должны законодательно подчиняться интересам меньшинства, т.е. большинство граждан должно руководствоваться не своим общим интересом, а частным интересом, интересом меньшинств. А как в таком случае быть с охраной прав большинства? По западной трактовке демократии выходит, что

большинство не нуждается в защите своих прав? Выходит, что роль государства в таком обществе – это охранять права меньшинства, а не большинства? Но ведь такое государство будет уже являться государством меньшинства, а не большинства, т.е. государством не демократическим, а олигархическим. При такой трактовке демократии повисает в воздухе сама идея правового государства, ибо такое государство не включает в свои обязанности охрану прав большинства, защищать не только частные, но и общие интересы.

В белорусской модели развития не отождествляется западная форма демократии с универсальной демократией. Кстати, это различие проводится и в докладах Программы развития ООН. «Вовсе не обязательно, чтобы избираемый ими (постсоветскими странами. – В.Д.) тип демократии строился по определенной модели, например, североамериканской или западноевропейской, модель должна определяться местными условиями и историческими факторами» [4, с. 61]. Это же касается и всей специфики белорусской модели развития, которая сводится не к абстрактной экстраполяции социально-экономических и политических преобразований и институтов других стран, а к адаптации зарубежного опыта применительно к белорусским условиям. Поэтому белорусскую модель нельзя формально отождествлять ни с западноевропейской, ни с опытом США, ни с преобразованиями в других постсоветских республиках. В каком-то смысле можно говорить о близости основных принципов реформирования в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике, которые проявляются в таких особенностях, как регулирующая роль государства, эволюционность преобразований, фактор сильной государственной власти, ориентация реформ на широкие слои населения, уважительное отношение к историческому прошлому страны. В то же время даже опыт китайской модели развития нельзя автоматически использовать в Беларуси, поскольку политически, экономически, демографически, геополитически Беларусь и КНР находятся в разных условиях и разных «весовых категориях».

Важнейшей особенностью белорусской модели развития является ориентация на интеграцию постсоветского пространства и строительство Союзного государства Беларуси и России. Это обусловлено объективными экономическими и цивилизационными обстоятельствами. На долю Российской Федерации приходится больше половины всей внешней торговли Беларуси. Союзное государство – это основа экономической и политической стабильности в Беларуси. Кроме того, решающим фактором белорусско-российской интеграции является общность цивилизационного развития и ментальное родство белорусов и русских.

Специфика белорусской модели государственности обусловлена предшествующим развитием восточнославянской цивилизации, когда суверенитет и независимость Беларуси могли реализоваться лишь в рамках Союзного государства. Союзность белорусской государственности – это ее важнейший конституционный признак. Вне рамок союзности нельзя говорить о независимости и суверенной Беларуси.

Подлинно национальная идея специфицируется в историческом развитии данного народа и закрепляется в его национальной генетической памяти. В этом смысле национальной идеей белорусского народа является идея единства с русским народом, с Россией. Именно эта идея четко прослеживается в самосознании белоруса на всем протяжении его исторической жизни, начиная с народных движений эпохи средневековья за воссоединение с русским народом и кончая народными референдумами 1995–1996 гг. Именно вокруг идеи интеграции с Россией сегодня разворачивается главное информационно-идеологическое противостояние между сторонниками подлинной независимости Беларуси и России и адептами «европейского выбора» постсоветских республик.

Одновременно принцип интеграции с Россией в белорусской модели государственности органично дополняется принципами социальной справедливости, взаимопо-

мощи, солидарности, дружбы народов. Благодаря правильно выстроенной модели Беларуси по индексу развития человеческого потенциала, как отмечается в Докладе Программы развития ООН за 2003 г., перешла в группу стран с высоким уровнем [5, с. 237].

Современный исторический процесс протекает в борьбе двух моделей развития: интеграционно-многополярной и глобализационно-однополярной. Важно понять, что глобализация является именно антиинтеграционной моделью, смысл которой, как подчеркивается в докладах Программы развития ООН, в консервации современного варианта распределения общего природного достояния человечества, когда «богатые страны потребляют четыре пятых общего природного достояния человечества бесплатно» [6, с. 21]. Идеологи глобализации, прикрываясь объективными интеграционными процессами, называя их глобальными, на самом деле противодействуют интеграционному вектору развития мировой цивилизации. Бесплатное присвоение природных, трудовых, интеллектуальных ресурсов человечества в интересах западных корпораций и потребителей – вот истинный смысл пропаганды «свободной рыночной экономики» и глобального либерализма. В этом и кроется принципиальная разница между интеграционной моделью, которой привержены Беларусь и подавляющее большинство стран мирового сообщества, направленной на создание равных и справедливых условий для всего мирового сообщества, и глобализационной моделью, преследующей своей целью увековечивание глобальной несправедливости и глобального неравенства.

Исторический смысл Договора о создании Евразийского экономического союза в том и заключается, что Беларусь, Россия и Казахстан строят свою стратегию развития на модели многополярной интеграции, справедливого международного порядка, общеевропейской и международной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. От плана к рынку. Отчет о мировом развитии. – Вашингтон, 1996.
2. Беларуская газета. – 1998, 12 янв.
3. Новак, М. Дух демократического капитализма / М. Новак. – Минск : Лучи Софии, 1997.
4. Доклад о развитии человека за 2002 г. Углубление демократии в разобращенном мире. – Нью-Йорк : Оксфорд Университи пресс, 2002.
5. Доклад о развитии человека за 2003 г. Цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия: межгосударственная договоренность об избавлении человечества от нищеты. – Минск : Юнипак, 2003.
6. Отчет по человеческому развитию 1994. – Нью-Йорк : Оксфорд Университи пресс, 1994.

Dashkevich V.O. Belarusian Development Model: Nationally Specific and Universal Historical

The article covers the specifics of Belarusian development model. The reasons (both political and economic) for choosing a special way of development of the Republic of Belarus is described. The article shows that the choice was inevitable due to historical and geo-political context. The main differences of Belarusian way of development from other countries are being analyzed. The main characteristics of this model are described. The role and place of integration processes in the development of Belarus are being defined.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.09.2014

УДК 32.01:303

Н.С. Решетникова**МАТЕРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Цель статьи – определение концептуального содержания политического мышления как направления политической науки, а также его методологического и аналитического инструментария исследования общественной политики. Методологическую основу исследования составили теория политической системы, структурно-функциональная теория, теория политического процесса, теория процесса принятия политических решений, а также интегративный подход, включающий институционализм, системный и сравнительный подходы, неоинституционализм. Полученные результаты позволяют раскрыть специфику политического мышления применительно к политической науке, разработать методологическую концепцию и технологии анализа общественной политики. Результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти и управления при формировании общественной политики, разработке критериев определения ее эффективности; аналитическими службами министерств и ведомств при составлении территориальных и отраслевых программ в области общественной политики; в преподавании вузовских курсов «Политология», «Теория процесса принятия управленческих решений», «Общественная политика и управление».

Широкая плюралистическая панорама современного политического мышления представлена в Послании Президента белорусскому народу и Национальному собранию в апреле 2014 г. В нем констатируется, что «постсоветский период закончился, начинается новая эпоха» [1, с. 2–3]. В этой связи особую актуальность приобретают теоретические исследования доминирующих тенденций политического мышления, таких как бихевиоральный подход, институциональный подход, структурный функционализм и др. Доктор политических наук А.Г. Дугин считает: «Философия политики не просто исследует структуру механизмов рациональной деятельности (чем преимущественно занята современная «философия», существенно упростившая изначальное представление о «софии», номинальном объекте своего влечения) или описывает механизмы политического функционирования и исторический контекст политических идей, режимов и систем (чем занята политология), но проникает в глубинную сторону политики, добирается до того внутреннего измерения, где скрыты бытийные корни самого этого явления, столь тесно связанного с человеком как видом» [2, с. 11]. Тем не менее наиболее популярной остаётся парадигма обыденного политического мышления.

Рассмотрим ведущие концепции политики как определённой сферы политического мышления. Одной из них является политика как управление и руководство делами общества (административно-правовая теория политики). Упомянутая здесь характеристика сферы познания материи политического мышления является наиболее распространённой. Возникла эта концепция в Древней Греции. Слово «политика» там относилось к управлению делами города (полиса), который был главным средоточием политической жизни.

Полис был совокупностью свободных граждан, подчинённых целям и интересам сообщества. Политика не охватывала те сферы общественной жизни, в которых принципы развития определяла традиция (т.е. религиозные обряды и спортивные соревнования). Касалась она, однако, тех сфер, в которых выбору одного из нескольких возможных действий предшествует публичная дискуссия. В соответствии с языковедческими исследованиями, слово «политика» происходит из греческого языка от множественного числа прилагательного «политикон», которое означало, помимо всего прочего, социаль-

Научный руководитель – Л.Е. Криштапович, доктор философских наук, профессор, заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь, профессор кафедры политологии Белорусского государственного университета

ный, публичный, государственный, гражданский, всеобщий. Греческое прилагательное «политикон» происходит от основополагающего политико-правового термина древних греков – слова «полис». Означенное понятие политики давно употребляется в русском языке. С.И. Ожегов в «Словаре русского языка» трактовал это понятие как «деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность общественных классов, партий и других классовых организаций, общественных группировок, определяемая их интересами и целями» [3, с. 449]. Эту концепцию политики можно лучше понять, если принять во внимание, что слово «государство» выступает здесь в двух значениях. В первом оно является синонимом слов «сообщество», «народ», «общество как целостность». Это и есть традиционная концепция государства. Эти сообщества в сущности представляют собой уклады межличностных и межгрупповых материальных и духовных отношений, необходимых и достаточных для развития этих личностей. Такие самодостаточные сообщества Аристотель называл государствами. В свою очередь, Адам Смит и либералы XIX в. такие сообщества называли народами. Современные социологи называют их глобальными сообществами. Обыденный язык зарезервировал это значение для слова «край», хотя данное значение ему также является близким (каждый является гражданином какого-то государства).

В другом значении термин «государство» означает суверенную власть, говоря иначе, – государственную администрацию, широко понимаемый аппарат государства, государственную власть. Политика в этой концепции политического мышления – это сфера взаимных действий между государствами (во втором значении) и организованными социальными группами (включая партии, группы, интересы и иные государства), касающиеся целей и средств деятельности государства. Государство регулирует совместную жизнь людей, принадлежащих к сообществу, устанавливая и применяя право, а также организует и направляет деятельность различных сервисных и производственных институций (почта, коммуникации, служба здоровья и т.д.); в свою очередь, организованные группы влияют на социальное содержание действий государственной власти – влияют на правительства, участвуют в осуществлении власти. При этом они пользуются либо соответствующими компетенциями (политические права), либо прибегают к различного рода противоправным действиям (например, к несанкционированным властями собраниям граждан) [4, с. 96]. Эта концепция близка к позиции обыденного политического мышления, но в то же время имеет много несоответствий (недостатков) с точки зрения научного анализа. В этой концепции размываются границы мира политики, чему способствует административно-правовое понятие государства. В этом смысле государство создаёт все административные органы, а также структуры экономической, культурной, образовательной администрации и т.п. Поэтому инструментом деятельности понимаемого таким образом государства является право. Даже границы мира политики здесь обозначаются не иначе, как через право, в этом плане термины «публичное», «государственное», «политическое» обозначает всё то, что регулирует либо организует государственный аппарат.

«Частная» сфера имеет в этом плане существенные отличия. Её создают только те области общественной жизни, которые не «организует» государственная администрация. Предпосылкой данной концепции является отождествление политических действий с административными действиями на уровне всего сообщества, действий, осуществляемых в различных сферах общественной жизни: экономике, просвещении, охране здоровья. Тогда стирается существенная теоретическая разница между действиями государственной администрации в узком смысле (т.е. основанными на эмпиризме) и актами управления, организационными причинами, администрированием. Этот второй тип составляют действия, адресованные людям, которые должны принимать во внимание

требования высших инстанций по причине договорённостей, либо иных гражданско-правовых отношений. Это стирает здесь различия между применением налогового принуждения или иных видов принуждения и, например, актами планирования, факторами управления досуговыми институтами, как почта или железные дороги. Категория, которая обусловила появление общего знаменателя этих социальных действий: властных и невластных, регулятивных и организационных; это и есть собственно административно-правовое понятие государства. Таким образом понимаемая деятельность государственного аппарата, публичной администрации была предметом исследований ряда наук, позднее названных политическими. Это явилось предпосылкой выделения однородного класса явлений, что в итоге привело к появлению политического мышления.

Еще одним важным направлением развития концепции материи политики явилось понимание политики как разрешение конфликтных ситуаций через компромисс (консенсуальная теория политики). В этом понимании получила развитие главная идея административно-правовой концепции политики. Управление делами сообщества превращается здесь в совокупность правил и процедур публичной дискуссии, в результате которой формируется общественная воля. Если дебаты являются свободными от давления, а их процедуры обеспечивают всем участникам равные шансы, то появляется новое качество, и именно такой способ организации сообщества, в котором государственная власть и социальные группы могут разрешать конфликты в плане договорённостей. Дискуссия считается свободной от принуждения, когда процессу межлической коммуникации не препятствуют классовые границы, политическая власть или идеологическое мышление [5, с. 64].

В сообществе свободного диалога государство перестаёт быть инструментом управления обществом, политика становится искусством поиска компромиссов в целях создания возможностей для групп с различными интересами достигнуть общей цели. Чтобы затем управлять политикой по разрешению конфликтов в обществе, должны быть выполнены некоторые условия. Например, допущен плюрализм взглядов и свобода их выражения в публичной жизни; установлена процедура достижения согласия; принятые решения должны быть признаны как согласие противоборствующих сторон; допускается возможность контроля принятых решений. Соглашения дают всем участникам политической жизни в данном сообществе равные шансы. Это сообщество способно разрешить т.н. глобальные проблемы на основе универсальных ценностей (глобальное сознание). Экополитика может противостоять таким угрозам, как риски ядерной войны, загрязнение окружающей среды, бедность в третьих странах мира, истощение природных ресурсов и т.д.

В связи с этими вызовами формируется аксиология универсализма, глобальная (планетарная) стратегия, а вместе с ней образ межнационального сотрудничества, опирающегося на шансы «согласованных преобразований». Проявлением этого изменения международной морали являются помимо прочего альтруистические тенденции. В числе таких примеров: гуманитарная помощь (в случае эпидемий, голода, катастроф) либо технико-финансовая помощь для третьих стран мира. В этом смысле можно легко нивелировать границы между действительностью и постулированным образом мира политического мышления. Например, можно ли утверждать, что в тоталитарном обществе, в котором аутентичный публичный диалог заменяют арбитражные решения правящих кругов, нет политики? Несомненно, однако, что эта дефиниция политики удачно схватывает многие проявления современной политики. Также она хорошо отражает суть парламентарной игры, политику договорённостей между организованными группами экономических интересов (наниматели и профсоюзы) либо, наконец, стратегию международных отношений в современную эпоху [6, с. 95].

Рассмотрим понимание политики как юридически правомочное применение средств публичного регулирования. Признание употребления средств публичной регуляции конститутивной чертой политики является распознавательным знаком большой традиции теоретического мышления о мире политики. Эта мысль о сути политики в данном значении была выражена Д. Локком: «Политическая власть – это та власть, которая может устанавливать право наказания смертью, а в последствии, и другими карами» [7, с. 164]. Подобный тезис более известен в формулировке М. Вебера: «Социологической основой (т.е. теоретической) дефиниции современного государства может быть, в конечном счёте, только специфическое средство, которое внутренне присуще государству: физический перевес» [8, с. 223]. В этой концепции политика характеризуется с помощью категории средств публичной регуляции. Иные определения этого первостепенного метода социального действия – это легальные средства физического принуждения, материальный публичный перевес, организованные негативные санкции. Под политикой как деятельностью в данном исследовании понимаются действия граждан (безотносительно их формального ранга и организационной принадлежности), которые основаны на выявлении сферы использования публичного перевеса, на управлении через применение и контроль права.

Политическими считаются не только действия по принятию политических решений, но также средства принуждения, действия людей, определяющих род и размер применяемого принуждения, при том что физическая мощь имеет публичный характер, потому как она является коллективной собственностью данного народа, имеет монопольный характер (т.е. политикой руководит и обслуживает специальная группа лиц, для которых она является средством жизни), сфера и способ употребления этого перевеса регулируются правом. В упомянутой концепции речь не идёт о «грубой силе», но о принуждении, применяемом в соответствии с правовыми нормами, поддающимися публичному контролю, основанному на рациональных ценностях. Речь идёт не только об актах непосредственного применения физической силы, но также об актах влияния на психику адресатов этих норм (создание принудительных ситуаций для адресатов норм), влияние, поддержанное апелляциями ко многим социальным ценностям. Речь также идёт о силе, применяемой по отношению не только к человеческому телу, но также к материальным благам, являющимся его собственностью. Нет, однако, в этих характеристиках ни принижения роли правопорядка, ни преуменьшения роли политической демократии. Институты, о которых здесь идёт речь, – это парламент и правительство (за исключением экономической деятельности, касающейся экономики как целостности), армия, полиция, суды, прокуратура, таможня и фискальный аппарат. Но и каждый обыватель как непосредственный объект политики представляет собой составную часть политической сферы в упомянутом смысле.

Публичные средства регуляции используются, прежде всего, для закрепления безопасности политически организованного народа, для удержания внутреннего порядка, а также для охраны институциональных рамок собственности. Категория средств публичной регуляции включена в дефиницию термина «политическая власть». Короче говоря, нельзя осуществлять публичную власть, не прибегая актуально либо потенциально к публичной силе: материальной или организованных негативных санкций в рамках, установленных правом [9, с. 127].

Политическая сфера социальной жизни «того, что политическое», выражается потенциально устойчивой наличием указанного рода конфликтных ситуаций. Их носителями являются институты чрезвычайного положения, а также возможность войны, связанная с отсутствием суверена в международных отношениях. Состояние чрезвычайного положения в законодательстве современных государств является последним рубежом обороны конституционного строя. Введение чрезвычайного положения осно-

вано исключительно на решении, вытекающем из оценки состояния угрозы правовому порядку, и даже угрозе интересам общества, которые лежат в его основании. Такое решение стоит над правом, потому что правовой порядок создала та сторона, которая вышла победителем в предшествующей пробе сил. Означенная концепция политики может пониматься широко и узко. С одной стороны, она признаёт в качестве политических экономические (эмбарго на нефтепродукты, отказ в кредитах) или идеологические средства (чёрная пропаганда). С другой стороны, она упоминает «малые войны», которые ведёт ежедневно аппарат государства с государственными преступниками: наркоторговцами, терроризмом, фальшивомонетчиками. Теория конфликта идёт далее, утверждая, что политическая власть есть наиважнейший элемент социального уклада. Возникает теория общества как целостности. Так ли это на самом деле – вопрос будущего. По нашему мнению, это не совсем так. Может показаться, что познание многих концепций политики создаёт только путаницу. Ознакомление с известными понятиями политики позволяет рассматривать их с самых разных точек зрения [10, с. 103]. Тем самым можно воспринимать иные познавательные перспективы наряду с теми, которые нам представляются наиболее убедительными и эвристическими.

Помимо различных взглядов на особые позиции, общим в понимании политики будут следующие определения:

- а) деятельность разных субъектов (правящая группа, партии, организации т.п.), которые функционируют на основе легитимной власти, т.е. средств публичной регуляции;
- б) совместная деятельность индивидов, принадлежащих к данному народу, организованному в государство;
- б) деятельность публичных институций (производственных или сырьевых);
- в) построение отношений с другими народами;
- г) формирование программы регулятивной и организационной деятельности (их социальное содержание).

Социально-субъективный регулятор политической деятельности выражается в разных формах политического сознания (общественное мнение, политическое поведение, политические и национальные идеологии и т.п.), а также в системе права, определяющей деятельность организаций осуществления власти. Социальные структуры, в которых эти действия были предприняты включают, например, властные структуры (аппарат исполнительной власти); политические отношения (между правящими и подчинёнными); уклад политических сил (внутренних и международных). Социальные структуры составляют глобальные результаты многонаправленных политических действий. При реализации национальных интересов Беларусь учитывает глобальные вызовы. Методологической основой стратегического планирования в стране является Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [11, с. 496–497].

Рассмотрим политическое мышление как структуру и динамику политического общества. Политическая реальность складывается из многих аспектов, рассмотрение которых может дать полный образ политической жизни. Это прежде всего совместная деятельность правителей и подданных. Первые составляют и контролируют право, вторые же соучаствуют либо оказывают политическое влияние. Во-вторых, речь идёт также об установлении отношений деятельности в интересах различных классов и социальных слоёв. Полная же характеристика политических действий охватывает описание прямо и опосредованно субъекта этих действий, описание их эффективности, а также социальных изменений сущности политических действий. Поэтому теория политики складывается из утверждений, отвечающих на вопрос, от чего зависит состав совокупного субъекта, руководящего государственно-правовым аппаратом, а также от чего зависит социальное содержание политических действий. Для того, чтобы узнать содержание действий субъектов политики, нужно установить, в интересах каких социальных

групп употребляются средства публичной регуляции, не исключая интересов общества в целом и интересов правящей группы.

Социальный субъект власти – это большая совокупность (классы, слои), в которую рекрутируются члены правящей группы, а также личности, имеющие влияние на принятие решений. Большая совокупность отличается опосредованным характером социальных связей, а также способностью к познанию целостности общества, правил жизни, представляющих определённый партикулярный интерес. Политическая деятельность складывается из решений и действий индивидов, а также социальных групп, функционирующих в неповторяющихся обстоятельствах. Это известные люди, руководящие государствами и политическими движениями, способные объединить людей.

Описание (выявление) событийных слоёв объединяет проблемное поле политолога и историка. Эти исследовательские компетенции не являются неизбежными и необходимыми составляющими для иных представителей социальных наук. Для описания событийного слоя используют биографии известных политиков, монографии, посвящённые судьбоносным политическим решениям. В них может отражаться богатство и сложность ежедневной политической игры и борьбы.

Рассмотрим проблему политического мышления в аспекте организационной структуры аппарата государства и политических партий: отношения между звеньями аппарата государственной власти, соединяющими центральный и локальный уровни. Его создают также правовая и нормативная политическая система, определяющие организацию государственной власти. Например, важным для функционирования парламентской системы является принцип партийной дисциплины, т.е. политическая директива. (К примеру, укажем на качественное различие в построении и функционировании феодального и современного государства). Сформулировал это различие на основе скрупулёзных исследований Макс Вебер. Длительный процесс централизации государственного аппарата привёл к возникновению его особой структуры – бюрократической администрации. Монополизация средств администрирования и управления публичными делами опирается на следующие основания:

1) устойчивая централизованно управляемая налоговая система (в отличие от меняющейся и усложнённой организации феодального налогового аппарата: налоги публичные, подворные, различные виды налогов для отдельных земель, практика поборов);

2) монополизация установлений и практикование всеобщего обязательного права; при феодализме – партикуляризм обычного права, а также отдельные отрасли права для разных земель: церковное право, местное право, а также объединение земской собственности с феодальной властью;

3) сила армии и полиции, подчинённых монолитному руководству (против принципа бенефита, а также существование наёмного войска при феодализме);

4) профессионализм управленческого аппарата, в создании которого обязателен принцип компетенции, а формой вознаграждения является постоянная высокая зарплата.

В системе рационального подхода присутствует также аспект мотивационных структур политической деятельности. Мотивационную структуру деятельности создают, во-первых, знания субъекта в ситуации деятельности, в которой он реализует свои цели (например, о возможных альтернативных действиях); во-вторых, система ценностей и норм; в-третьих, диспозиционные особенности личности и эмоции (иначе говоря, психологический фактор). В связи с этим мотивационные структуры политических действий складываются прежде всего из практических директив, а также убеждений и системы ценностей, обладающих обычно способностью политико-идеологических ориентаций. В их числе особенно можно выделить следующие: идеологии и политические программы, общественное мнение, политические позиции (установки) по отношению к политическим институтам и лидерам, сфера акцептации государственной власти, уро-

вень легитимизации, ментальные структуры (политические мифы, национальные стереотипы и т.п.).

Среди факторов, формирующих мотивационные политические действия, можно отметить национальные интересы, групповые интересы, а также факторы, связанные с групповым характером политической деятельности. В последнем случае речь идёт главным образом об интересах политических организаций, а также о личных интересах актива этих организаций. В этой связи можно выдвинуть следующий тезис. Чем большую твёрдость демонстрирует организация, тем сильнее личные интересы связывают актив организации с политикой организации; чем меньше фактическая ответственность лиц, занимающих доминирующие социальные роли в организациях, тем меньше влияние на положение дел в организациях имеют широкие массы членов сообщества, которыми эта организация руководит.

В структуре политического мышления особое место занимает социотехнический аспект: средства и методы политических действий. Этот аспект политической жизни включает следующие явления: стиль управления и политического лидерства; доминирующие средства и способы формирования и реализации политической программы. Сюда же можно отнести такие средства и способы деятельности, как использование политических прав, применение противоправных средств, использование неформализованных средств (однако находящихся в рамках правовых допущений), прерогативы власти и, соответственно, прерогативы гражданских свобод и политических прав. Этот аспект политики говорит нам о психологии управления и влияния на правительства. Поэтому управление (непосредственное формирование, принятие и внедрение в жизнь политических решений) – это в первую очередь целевая деятельность специализированной группы людей – правящей группы. Эта деятельность заключается в формировании с помощью правовых норм, убеждений и т.д. желаемого поведения членов общества. Всё большую роль играют средства убеждения как способ регуляции. Их эффективность возрастает там, где не срабатывают механизмы принуждения. Важно обратить внимание на тот факт, что только принудительные действия (с потенциальным применением средств публичной регуляции) являются политическими действиями (делами). Таким образом, принудительное воздействие создаёт дополнительный мотивационный фактор уважения норм права с целью предупреждения угрозы применения организованных негативных санкций. В то же время использовать и применять средства убеждения может тот субъект политики, который ищет понимания своей позиции через нахождение способа уяснения поступков через целеполагание. Такой субъект согласен с системой ценностей личности, с её потребностями, оценками, предпочтениями и т.п. Более того, метод убеждения опирается на доступные описанию знания об условиях политической деятельности. В методиках убеждения используются главным образом технологии нерациональной аргументации, такие как обращение к авторитетам, мнение большинства. Необходимо, наконец, вспомнить и о позитивных санкциях: наградах, премиях и т.д. В политической деятельности часто присутствует значительный аспект экономической эффективности. В широком понимании политики здесь речь идёт об управлении через публичную администрацию экономическими процессами в рамках национальной экономики. Влияние политики на экономику проявляется в таких формах:

- 1) организация труда и трудовых отношений, которые определяют минимальную плату, длительность рабочего дня, размеры оплачиваемых отпусков, условия безопасности и гигиены труда;
- 2) рациональное размещение промышленности и коммуникаций;
- 3) неотвратимость наказаний за преступления против собственности и экономические преступления;
- 4) охрана коммуникаций (например, морских), источников сырьевых ресурсов.

В итоге, государственная власть может как тормозить, так и ускорять развитие экономики и производственных отношений.

Далее рассмотрим международный аспект политической жизни через призму политического мышления. В самом деле, трудно было бы в современную эпоху понять перемены политической жизни без рассмотрения их через призму динамики цивилизационных преобразований. Политическая деятельность и жизнь получила в настоящее время мощный импульс универсального, общемирового измерения. Зачастую аналитики оценивают состояние развития той или иной страны, исходя из её положения в международной системе координат.

В число внешнеполитических условий развития современного политического мышления можно включить следующие позиции:

1) экономические: диспропорции развития в мировой экономике (центр – периферия); механизм мировой торговли (мировые цены, мировая конъюнктура); экономические сообщества, промышленная кооперация, деятельность корпораций; влияние тенденций развития в сфере производства (научно-технический прогресс);

2) социальные: элементы социального сознания, свойственные историческим эпохам, социальным классам (идеи французской и американской революций, идеи Просвещения); космополитизация культуры; стиль жизни как проявление культурной диффузии;

3) политические: мировой расклад политических сил (мировой порядок); союзнические обязательства; роль средств публичной регуляции (особенно вооружённых сил) в современном мире, в том числе угроза атомной войны; деятельность международных политических организаций.

Познавая особенности политической действительности, мы находимся всего лишь на половине пути к пониманию политической жизни, исходя из позиций политического мышления. Необходимо также ещё познать основополагающие связи, имеющиеся между деятельностью правящей группы и социальных групп, сознанием, управляемым этой деятельностью, с одной стороны, и культурными и экономическими условиями политических действий (обычно называемыми механизмом управления либо механизмом функционирования политической системы) – с другой.

Политические действия, предпринимаемые через различных субъектов политики, порождают много частичных результатов: частично намеренных, частично ненамеренных, частично осознанных, частично неосознанных, – но все они объективно приводят к глобальному результату. Это может этим быть, например, упадок конкретной системы правления. Глобальные результаты политических действий не являются тождественными с интенциями отдельных субъектов. Так, например, универсальным механизмом решения проблем были в течение столетий войны. Динамика и причинно-результативная зависимость выглядит следующим образом: условия действий → знания об этих условиях (вместе с оценкой) → решения о действиях → действия → изменение условий действий → и т.д. Например, распад СССР в конце XX в. был глобальным результатом как активных действий со стороны недружественных соседей, так и экономической, военной, политической слабости центральной власти государства.

Изменения политической действительности происходят в разном ритме. С одной скоростью меняются политически правящие классы. Это есть время политического правления, совпадающее со временем действия определённой экономической структуры общества. В другом ритме – более быстром – происходят преобразования в правящей группе и в правящих лагерях. Это время правления и политического влияния, связанное с изменениями ментальности: исторического сознания социальных групп, их организации. Эти перемены также происходят в разном ритме в соответствии с корреляциями исторического и идеологического планов, за которыми следуют изменения пове-

дения и политического настроения. В плане политического мышления мы можем говорить о карусели изменений в аппарате власти, погоне за информацией в мире, о событиях дня. В рамках политической хроники развиваются события, которые мы в той или иной временной перспективе понимаем как звено в цепи событий, создающих конструкцию тенденций политического развития. Сложность материи политики подразумевает, что её понимание требует систематических выявлений:

- а) социальных субъектов государственной власти и строительства;
- б) организационной структуры государственного аппарата;
- в) форм политического сознания (культуры);
- г) экономической и внеэкономической эффективности публичных средств как в политической организации общества, так и в международных отношениях.

Таким образом, политические знания и политическое мышление об институциональных рамках, в которых происходит политическая игра, являются важными предпосылками политического поведения каждой личности и общества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукашенко, А.Г. Сильная экономика и честная власть – фундамент независимости страны и процветания нации / Послание Президента А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию // СБ. Беларусь сегодня. – № 76 (24459). – 2014. – 23 апр.
2. Дугин, А.Г. Философия политики / А.Г. Дугин. – М. : Арктогея, 2004. – 616 с.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1988. – 750 с.
4. Мюрберг, И.И. Свобода в пространстве политического. Современные философские дискурсы / И.И. Мюрберг. – М. : Идея пресс, 2009. – 236 с.
5. Слука, О.Г. Идеологические процессы в Беларуси / О.Г. Слука. – Минск : РИВШ, 2010. – 220 с.
6. Пассмор, Д. Современные философы / Д. Пассмор ; пер. с англ. Л.Б. Маковой. – М. : Идея пресс, 2002. – 192 с.
7. Локк, Д. Два трактата о правлении / Д. Локк. – М., 1992. – С. 228–230
8. Вебер, М. Избранные труды / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
9. Сморгунов, Л.В. Событийное политическое знание и его значение для современной сравнительной политологии / Л.В. Сморгунов // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 1. – С. 122–133.
10. Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. – М. : Идея пресс, 2009. – 224 с.
11. Национальная безопасность Республики Беларусь / С.В. Зась [и др.] ; под ред. М.В. Мясниковича и Л.С. Мальцева. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 557 с.

Reshetnikova N.S. The Substance of Political Thinking in Political Science

The aim of the article is the definition of conceptual meaning of political thinking as a field of a political science, and also its methodological and analytical toolkit of research of a public policy. The methodological basis and research methods have made the theory of political system, structural-functional theory, public policy making theory, decision making theory, and also integrative approach including, institutional, system, comparative approaches. The obtained results: peculiarity of the political thinking in political science was investigated, the methodological concept and analytical technologies of public policy were worked out. Recommendation for using the obtained results: the obtained results can be used by the state bodies and administration in formation of public policy, worked out of criteria's its effectiveness; by analytical agencies of ministries and departments in work out of the problem of public policy; in teaching courses «Politicalology», «Decision-making theory», «Public policy and Administration».

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.06.2014

УДК 061.1 (476:100):614.876

Е.М. Махнач

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОБЛАСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС

В статье дается характеристика и анализируется двустороннее взаимодействие Беларуси по проблеме преодоления последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС с отдельными странами по регионам: Европейский союз, страны СНГ, Юго-Восточная Азия и Северная Америка – и по направлениям и финансовым объемам сотрудничества. Автор рассматривает два аспекта взаимодействия: оказание помощи по правительственным каналам и помощь общественных организаций. Анализируются международные проекты и законодательные акты, регламентирующие отношения между странами по вопросам постчернобыльского взаимодействия. Автор сравнивает финансовые объемы помощи, выделенные государством на чернобыльские проекты, и общую сумму реализованных иностранных проектов. Делается вывод об активизации взаимодействия мирового сообщества с Беларусью не только по гуманитарным, но и по научно-техническим каналам.

В структуре международного сотрудничества Беларуси в области преодоления последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС можно выделить элемент двустороннего сотрудничества республики с конкретными государствами, рассмотрение которого целесообразно проводить по следующим регионам: страны СНГ и Европейского союза, Юго-Восточная Азия, Северная Америка. Беларусь сотрудничает с рядом стран в сфере организации общих проектов (медицина, научные исследования, распространение информации, организация культурных мероприятий) и в области оздоровления детей как по государственным, так и по неправительственным каналам. В области оздоровления детей лидируют Италия, Германия и Испания (таблица 1) [1].

Таблица 1 – Количество человеко-поездов на оздоровление детей в 1990–2010 гг.

№ п/п	Страна	Всего	№ п/п	Страна	Всего
1	Италия	402 275	18	Дания	3 117
2	Германия	185 768	19	Греция	83
3	Испания	74 937	20	Япония	876
4	Великобритания	28 604	21	Болгария	5 364
5	Ирландия	31 835	22	Чехия	3 877
6	Бельгия	36 596	23	Норвегия	239
7	США	12 482	24	Украина	545
8	Голландия	12 919	25	Словакия	2 363
9	Австрия	16 431	26	Румыния	358
10	Франция	11 765	27	Кипр	252
11	Швеция	3 739	28	Литва	261
12	Канада	3 732	29	Израиль	181
13	Швейцария	2 367	30	Шотландия	179
14	Польша	32 478	31	Финляндия	280
15	Латвия	5 779	32	Хорватия	104
16	Лихтенштейн	157	33	Другие страны	1 077
17	Люксембург	2 379		Всего	883 399

Научный руководитель – Н.П. Денисюк, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета

В финансовом отношении оценить уровень взаимодействия и оказываемой поддержки сложно по причине отсутствия ее фиксации в качестве «гуманитарной по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС». Стоимостную оценку объема сотрудничества можно произвести лишь приблизительно по реализованным проектам (таблица 2). Таким образом, лидерами в этом отношении будут Европа (Германия, Италия, Швейцария и программа ТАСИС в ЕС), регион СНГ (Россия), Юго-Восточная Азия (Япония и Китай) и страны Северной Америки (США и Канада).

Таблица 2 – Объемы финансового взаимодействия Республики Беларусь с отдельными странами по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС

Страна	Объем финансового взаимодействия, долл. США
Германия	61 364,14
Россия	46 000
Япония	38 000
Китай	7 395,725
Франция	1 825,91
ЕС	1 682,81
Швейцария	1 486,55
Италия	716,35
США	696,94

Сотрудничество Беларуси с Европейским союзом как представительством интересов всех европейских государств по вопросам преодоления последствий чернобыльской катастрофы развивается достаточно активно, что связано с географическим положением Беларуси, с политической активностью общественных организаций Европы и актуальностью вопроса о радиоактивном загрязнении вследствие большого количества АЭС в Европе.

Аккумулируя мнения всех стран-членов, Европейский Союз выступает отдельным игроком на мировой арене и активно развивает взаимодействие с Беларусью по чернобыльским вопросам, выделяя значительные финансовые ресурсы для таких проектов. Европейский Союз оказывал помощь Беларуси в деле преодоления последствий чернобыльской катастрофы в рамках программы Технической помощи Содружеству Независимых Государств, организованной в 1991 г. с целью содействия ускорению процесса экономических реформ в СНГ путем предоставления грантов для передачи ноу-хау странам СНГ [2, с. 15]. В 1992 г. Комиссия европейских сообществ (высший исполнительный орган ЕС) подписала соглашение с Беларусью, Россией и Украиной о международном сотрудничестве, регламентирующее отдельные аспекты взаимодействия: интеллектуальную собственность, принадлежность оборудования и создание Координационного Совета [56]. С 1992 г. ЕС в рамках Программы ТАСИС стал оказывать международную техническую помощь Армении, Азербайджану, Беларуси, Грузии, Казахстану, Кыргызстану, Молдове, Монголии, Российской Федерации, Таджикистану, Туркменистану, Узбекистану и Украине. Все перечисленные страны стали именоваться странами-партнерами Программы ТАСИС. Проекты по чернобыльской проблеме включены в несколько структурных элементов Программы ТАСИС, а именно: в Национальную и Региональную программы [2, с. 15–16]. Всего в рамках Национальной, Региональной и Межгосударственной программ ТАСИС ЕС реализовал в Беларуси 26 проектов по чернобыльской проблематике на общую сумму 22 592 евро [2, с. 157–158, 162–163]. По проектам CORE Европейская комиссия финансировала реализацию пяти проектов

на сумму 944 542 евро [2, с. 52; 3, с. 5]. Общий объем взаимодействия можно оценить эквивалентно 1 682 тыс. долл. США. Анализируя объемы финансовой помощи (таблица 2) и масштабы оздоровления детей в странах Европы (таблица 1) в отношении формирования партнерства по преодолению последствий аварии на ЧАЭС в рамках двусторонних отношений Беларуси и европейских государств, необходимо отметить, что наиболее масштабно с финансовой точки зрения развиваются отношения с Германией, Францией, Швейцарией и Италией.

Германия достаточно активно оказывала помощь Беларуси в процессе ликвидации аварии на ЧАЭС, что во многом было связано с ее опасениями по поводу развития собственной ядерной энергетики, а также со стремлением получить информацию о воздействии радиации на флору, фауну и человека. Кроме того, во многом Германия воспринимала помощь странам СНГ в решении чернобыльских проблем как возможность искупить «историческую вину» и вместе с тем как возможность выразить благодарность за объединение Германии, в котором решающую роль сыграл Советский Союз и, в частности, М.С. Горбачев [4, с. 118].

Законодательная база в развитии белорусско-германских отношений в сфере преодоления чернобыльской катастрофы была сформирована в 1994 г. после подписания Меморандума о взаимопонимании между Правительством Республики Беларусь и Правительством Федеративной Республики Германии о содействии сотрудничеству в целях смягчения результатов аварии на атомном реакторе в Чернобыле от 03.03.1994 г. [5]. Важной правовой основой для оздоровления детей стало Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Федеративной Республики Германии об условиях оздоровления несовершеннолетних граждан Республики Беларусь в Федеративной Республике Германии от 11.02.2009 г. с изменениями от 07.09.2009 г. [6].

Характерной особенностью развития отношений с Германией по чернобыльской проблематике стало активное участие в оказании помощи Беларуси как федерального и региональных правительств, так и общественных организаций и институтов ФРГ (преимущественно благотворительных организаций). Федеральное правительство Германии поддержало ряд проектов для Беларуси и выделило в 1991–1993 гг. более 37 млн немецких марок (около 61 млн долл. США) на закупку медикаментов, медицинского оборудования, оплату специального персонала [4, с. 118]. Кроме того, ФРГ участвовала в финансировании проектов программы нового поколения CORE «Сотрудничество для реабилитации» в 2003–2008 гг., выделив 209,276 тыс. евро [3, с. 5]. Таким образом, общие объемы помощи можно оценить в эквиваленте в 61 364 тыс. долл. США.

Важным результатом деятельности немецких общественных организаций стали создание в 1998 г. «SOS-Детской деревни» и «SOS-Социального центра» в поселке Боровляны, организация работы детского центра «Радуга» в Мозыре и белорусско-германского совместного благотворительного предприятия «Надежда-XXI век», которое реализует проекты в области преодоления последствий катастрофы на ЧАЭС [7, с. 18; 4, с. 120]. Белорусско-германское чернобыльское взаимодействие охватывает весь спектр оказания помощи от оздоровления детей и повышения квалификации персонала до строительства центров социального и медицинского назначения и поставки оборудования.

Сотрудничество с Францией связано с реализацией нескольких проектов программы CORE на общую сумму в 1 825 тыс. долл. США (1 049 тыс. евро) в сфере сельского хозяйства и радиозэкологической культуры [3, с. 5; 8, с. 115] и с оздоровлением детей (10-е место) [1]. С Францией также заключен Договор между Правительством Республики Беларусь и Правительством Французской Республики об условиях оздоровления несовершеннолетних граждан Республики Беларусь во Французской Республике [9]. В эквиваленте объемы французской помощи можно оценить в 1 825 тыс. долл. США.

Белорусско-французский опыт в реабилитации пострадавших территорий создал основу для выстраивания нового формата франко-белорусского взаимодействия [10, с. 6].

Сотрудничество со Швейцарией по линии чернобыльских проектов стало развиваться со времени установления дипломатических отношений в 1992 г. В связи со значительным удельным весом атомной энергии (около 39% электроэнергии в Швейцарии вырабатывается на АЭС) безопасность такого вида энергии является важным аспектом государственной политики [11]. Поэтому в основном помощь на чернобыльские проекты предоставлялась государственным органом внешней политики – Швейцарской дирекцией по развитию и сотрудничеству [12]. Характерной особенностью развития двухсторонних отношений со Швейцарией является прочный канал сотрудничества по чернобыльской проблематике. Законодательную базу в этом вопросе составляет Соглашение об условиях оздоровления несовершеннолетних граждан от 18.03.2010 г. [13].

Швейцария ориентирована на оказание помощи по программам CORE (профинансированы проекты на сумму 443, 794 тыс. евро) [3, с. 5] и государственным проектам, направленным главным образом на развитие информационной составляющей. Так, значительные средства были затрачены на создание сайта chernobyl.info, представляющего всеобъемлющую информацию по вопросам чернобыльской проблематики. Также были проекты по обеспечению медицинским оборудованием и обучению медицинского персонала [7, с. 8–11, 36–39; 14]. Помощь Швейцарии по государственным каналам оценивается в размере 1 486 тыс. долл. США (таблица 3).

Таблица 3 – Объемы взаимодействия Беларуси со Швейцарией в области преодоления последствий Чернобыльской катастрофы [3, с. 5; 7, с. 8–11, 36–39; 14]

Проекты	тыс. долл. США
CORE	772,21
Финансирование передвижной рентген-установки для Брагинской районной больницы	17,60
Оборудование физкультурно-оздоровительного зала детского оздоровительного центра «Сидельники»	400,00
Охрана здоровья матери и ребенка в Брагинском р-не	130,00
Проект по созданию радиометрической системы в Брагинском районе	1 920 (по курсу BYR в 2002 г.)
Проект создания специального сайта www.igovka.net для детей в д. Иговка Добрушского р-на Гомельской обл.	6 399 600 BYR
Создание веб-сайта chernobyl.info	3,30
Приобретение компьютерного оборудования в Комчернобыль	2,94
Проект «Улучшение противопожарного состояния домов малоимущих граждан Беларуси»	160,50
Всего	1 486,55

С Италией сотрудничество развивается по оздоровлению детей (1 место) [1], оказанию гуманитарной помощи государственными и неправительственными организациями, по культурному взаимодействию и проведению научных исследований [15, с. 70]. В целом объем сотрудничества в результате работы итало-белорусского партнерского фонда, созданного в 1994 г., и осуществления научного сотрудничества можно оценить в 716 тыс. долл. США [15, с. 70]. Правовая база межгосударственных отношений по чернобыльской проблематике определяется Договором между Правительством Республики Беларусь и Правительством Итальянской Республики об условиях оздоровления несо-

вершеннолетних граждан Республики Беларусь в Итальянской Республике на основе безвозмездной помощи от 10 мая 2007 г. [16], заключенного после инцидента с В. Мороз в 2006 г. на территории Италии [17], и Меморандумом о взаимопонимании между Министерством по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь и Департаментом гражданской защиты Президиума Совета министров Итальянской Республики по вопросам сотрудничества в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [18].

Регион СНГ не является активным в плане оказания гуманитарной и финансовой помощи в деле минимизации последствий чернобыльской катастрофы вследствие особенностей социально-экономического «переходного периода» развития этого региона. Сотрудничество развивается только с Россией и Украиной на основании исторической общности проблемы для трех государств. Так, в 1993 г. вступило в силу трёхстороннее соглашение о порядке осуществления взаимных расчетов за обустройство граждан, переселившихся с загрязненных в результате чернобыльской катастрофы территорий [55].

Сотрудничество Беларуси и России в деле преодоления последствий аварии на Чернобыльской АЭС начало развиваться с заключения трех соглашений между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о совместных действиях по минимизации и преодолению последствий чернобыльской катастрофы в 1993 [19], 1994 [20] и 1995 гг. [21]. Новый импульс это взаимодействие получило в рамках Союзного государства, созданного на основании Договора о Союзе Беларуси и России от 2 апреля 1997 г. [22]. Историческая общность чернобыльской проблемы привела к ее оформлению в качестве составного компонента двусторонних белорусско-российских отношений. Совместные усилия России и Беларуси в минимизации последствий чернобыльской аварии оформлялись в качестве программ совместной деятельности. Характерной особенностью этих программ является их финансирование двумя государствами и осуществление мероприятий программы в России и Беларуси [23].

Первая Программа совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союза Беларуси и России на 1998–2001 гг. завершилась введением в эксплуатацию опытного производства на строящемся в г. Скидель Гродненской области заводе медицинских препаратов; приобретением медицинского оборудования для специализированного диспансера в г. Гомеле. Кроме того, в Беларуси и России было организовано производство пищевой продукции, способствующей снижению перехода радионуклидов в конечную продукцию, а также разработана основа нормативно-методических документов по проблеме преодоления последствий аварии на Чернобыльской АЭС [24; 25, с. 2–3].

Вторая Программа в рамках Союза Беларуси и России на 2002–2005 гг. привела к завершению строительства и оснащения оборудованием Гродненского завода медицинских препаратов для обеспечения медикаментами населения пострадавших районов Беларуси и России в г. Скидель, а также специализированного радиологического диспансера в г. Гомеле [25, с. 6–7]. В результате реализации программы 2002–2005 г. был создан Единый регистр России и Беларуси по всем категориям лиц, подвергшимся радиационному воздействию вследствие чернобыльской катастрофы. Кроме того, в Беларуси были внедрены новые современные методы и технологии, обеспечивающие снижение содержания радионуклидов в продукции сельского и лесного хозяйства, а также было организовано производство продуктов питания с лечебно-профилактическими и адаптогенными свойствами для жителей радиоактивно загрязненных территорий Беларуси и России [26, с. 3; 27, с. 2; 26, с. 5].

Следующим этапом в преодолении последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС стало принятие Программы совместной деятельности на 2006–2010 гг., реализованной в два этапа: 2006–2008 гг. и 2009–2010 гг. [29, с. 2]. В ее основу было положено

три приоритетных направления: совместная деятельность по созданию элементов системы адресной специализированной медицинской помощи гражданам России и Беларуси, пострадавшим вследствие чернобыльской катастрофы [30, с. 7]; формирование единых требований и элементов нормативного и технического регулирования работ по приведению в безопасное состояние и возврат в хозяйственный оборот сельскохозяйственных угодий и земель лесного фонда России и Беларуси; реализация общей информационной политики по проблемам преодоления последствий чернобыльской катастрофы на единой организационно-технической основе [31, с. 54]. По итогам выполнения Программы 2006–2010 гг. белорусскими и российскими учеными был подготовлен Атлас современных и прогнозных аспектов последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (АСПА). Кроме того, в результате реализации программы был значительно дополнен и расширен Единый чернобыльский регистр [26, с. 3; 32, с. 7].

На основании второй и третьей программ Совместной деятельности был создан Российско-Белорусский информационный центр (РБИЦ) с отделениями в Москве и Минске. Целью его создания являлось информирование общественности о чернобыльских проблемах, подготовка информационно-аналитических, справочных и презентационных материалов по этой теме, организация и проведение научно-практических конференций, семинаров, симпозиумов и совещаний [26, с. 5; 33]. В результате реализации трех программ с 1998 по 2010 гг. при совместном финансировании было затрачено около 92 млн долл. США при расходах на проекты в Беларуси в сумме, эквивалентной 46 млн долл. США [32, с. 7].

В настоящее время реализуется программа совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства на 2012–2016 гг. Предполагаемый объем финансирования – более 60 млн долл. США. В этой Программе основной акцент делается на организацию эффективного использования потенциала Союзного государства, обеспечение безопасной жизнедеятельности на загрязненных территориях и повышение качества жизни пострадавших граждан Беларуси и России, практическую отработку принципов и механизмов формирования и реализации проектов комплексной реабилитации, а также развитие элементов и механизмов системы реагирования на чрезвычайные ситуации [34].

Особенностью сотрудничества с Украиной является общность чернобыльской проблемы и исторической судьбы, а также соседнее расположение государства. Беларусь и Украина выступают единым фронтом на заседаниях Генеральной Ассамблеи и ЭКОСОС в ООН, а также координируют совместные действия в области преодоления последствий аварии на Чернобыльской АЭС путем заключения соглашений по организации общих мероприятий. Именно постоянные представительства Беларуси и Украины совместно инициировали и прорабатывали принятие проекта резолюции по чернобыльской проблеме в ООН [35].

Необходимость скоординированных действий в минимизации последствий аварии на Чернобыльской АЭС привела к потребности правового регулирования совместной деятельности в этой области, что и было реализовано в межправительственном соглашении «О совместных действиях по минимизации и преодолению последствий чернобыльской катастрофы» от 17.12.1992 г. [36]. Позже вследствие отсутствия практических мер по его реализации было подписано такое же соглашение от 12 мая 1997 г., которое вступило в силу 27 июня 1997 г. Соглашение предусматривало создание упрощенного порядка таможенного контроля по коридору «Славутич – Чернобыльская АЭС», разработку научно-практических принципов реабилитации загрязненных территорий, согласование методик определения доз облучения населения, согласование принципов выделения зон радиоактивной загрязненности территорий и вопросов метеорологического обеспечения измерений [37].

Следующим этапом стало заключение межправительственного соглашения «О сотрудничестве в области предупреждения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий» от 7 июля 2000 г, которое вступило в силу 3 января 2003 г. Соглашение предусматривало: создание совместной комиссии; обмен информацией, периодическими печатными изданиями, методической и другой литературой, а также технологиями; совместное планирование, разработку и осуществление научно-исследовательских проектов; подготовку специалистов; проведение совместных конференций, семинаров, тренингов; оказание взаимной помощи при ликвидации чрезвычайных ситуаций и в оснащении групп по оказанию помощи техникой и снаряжением. В отличие от предыдущего соглашения оно касалось не только вопросов постчернобыльского восстановления. Чернобыльский аспект вошел логическим компонентом развития двустороннего сотрудничества в сфере чрезвычайных ситуаций [38].

По причине отсутствия практических мер реализации соглашения 1997 г. в 2010 г. был принят план по возобновлению соглашения «О совместных действиях по минимизации и преодолению последствий Чернобыльской катастрофы» на 2010–2015 гг., предусматривающий реализацию соглашения через обмен опытом, информацией и специалистами, взаимодействие по вопросам содержания украинского и белорусского секторов зоны отчуждения Чернобыльской АЭС, создание механизмов раннего оповещения об угрозе возникновения чрезвычайной ситуации на Чернобыльской АЭС, а также согласование методик определения доз облучения населения. Но и по этому соглашению сотрудничество так и не было организовано [39]. В 2012 г. было ратифицировано соглашение от 2010 г. «об упрощенном порядке проезда участка автомобильной дороги Славутич – Чернобыльская АЭС» в связи с мероприятиями по закрытию АЭС [40].

Таким образом, вследствие исторической общности чернобыльской трагедии Беларусь и Украина координируют действия по привлечению международной помощи на ликвидацию последствий Чернобыльской катастрофы. Однако из-за отсутствия координирующих механизмов, материальной заинтересованности позиции реципиентов международной помощи на мировой арене, неразрешенности долгое время проблемы границ активное сотрудничество не развивается. Сотрудничество сводится к взаимодействию по насущным вопросам транзита.

В регионе Юго-Восточной Азии Беларусь развивает взаимодействие по вопросам преодоления последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС с двумя государствами: Японией и Китаем. Сотрудничество с Японией объективно вытекает из исторической общности судьбы двух народов, переживших атомные трагедии. Взаимодействие же с Китаем в минимизации последствий катастрофы на ЧАЭС обусловлено дружественными отношениями двух государств, в которых чернобыльские вопросы вытекают из внутренних приоритетов белорусского государства, самостоятельно принимающего решение о распределении получаемой из Китая помощи.

Особенностью развития отношений с Японией по атомной тематике является произошедшая в 2011 г. инверсия гуманитарной помощи на борьбу с преодолением последствий катастрофы на Фукусимской АЭС. Беларусь оказывает помощь накопленным опытом дезактивации загрязненной территории, а также выделила финансовые средства на сумму 500 тыс. долл. США [41].

Первоначально правительство Японии оказывало Республике Беларусь гуманитарную помощь, для координации поставок которой в 1993 г. был создан специальный комитет. Однако в связи с финансовым скандалом вокруг злоупотреблений при распределении средств комитет в 2002 г. был ликвидирован, и белорусско-японское соглашение «О сотрудничестве в области нераспространения ядерного оружия и создании комитета по сотрудничеству в этих целях» 1993 г. денонсировано, а правительство Японии перешло к реализации проектов научно-технического сотрудничества [42; 43]. В рамках

государственной программы Японии с 2004 г. оказывает Республике Беларусь «Грантовую помощь для проектов безопасности населения» («Корни травы»), которая предусматривает реализацию проектов медицинской направленности. В ходе программы «Корни травы» в 2004–2010 гг. было реализовано около 30 проектов на сумму в 2 млн долл. США [44].

В политической жизни Японии особое место занимает деятельность общественных организаций. Для Беларуси японские неправительственные организации имеют особое значение, учитывая, что объемы финансовой помощи, оказываемой Беларуси, вдвое превышают государственные вливания японского правительства. За период с 1991 г. по 2007 г. помощь общественных организаций достигла 25 млн долл. США (для сравнения: объем государственной помощи – 13 млн долл. США) [45].

Однако, несмотря на более масштабное загрязнение территории Беларуси радионуклидами чернобыльского происхождения, финансирование Японией Украины значительно превышает объемы средств, выделяемых Беларуси. Так, за период с 1991 г. по 2008 г. безвозмездная финансовая помощь Киеву, выделяемая официальным Токио, достигла 100 млн долл. США, в то время как Минску с 1991 г. по 2007 г. правительство Японии выделило 13 млн долл. Такая разница в финансировании происходит вследствие оказания помощи Беларуси исключительно по оснащению медицинских учреждений, в то время как в Украине спектр сотрудничества по программе «Корни травы» значительно шире и включает в себя, кроме медицинских проектов, строительство и реконструкцию школьных и дошкольных заведений, а также вовлечение женщин в активную трудовую деятельность. Такая тенденция во многом объяснима исторически сложившимся на международной арене японо-американским альянсом, который в силу проводимой внешнеполитической стратегии ставит в зависимость уровень финансовой поддержки от степени «демократичности» государства [42; 45].

Деятельность общественных организаций в основном сосредоточена на оказании гуманитарной и медицинской помощи, информировании общественности о последствиях аварии на Чернобыльской АЭС, а также на оздоровлении детей. Именно чернобыльская проблема привела к увеличению объемов двустороннего сотрудничества посредством интенсификации связей через гуманитарные каналы, инициировала развитие научно-технического потенциала белорусско-японских отношений, и кроме всего прочего способствовала повышению уровня культурного взаимодействия двух государств.

Относительно Китая необходимо отметить, что финансовая помощь, оказанная китайским правительством на преодоление последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, осуществлялась на основании трех Соглашений о предоставлении безвозмездной помощи: одного в 2004 г. [46] и двух в 2005 г. [47; 48], а также Соглашения от 5 ноября 2007 г. о финансировании проектных и строительно-монтажных работ Гомельского кардиологического диспансера [49], составила 7 395 725 долл. США. Следует также отметить, что помощь КНР способствует реализации китайской продукции, поскольку она оказывается в форме поставок материала, оборудования и трудовых услуг из КНР. Несомненно, чернобыльская проблематика не является особым пунктом китайской политики, что доказывает и характер соглашений, в которых используется обобщающая формулировка «предоставление безвозмездной помощи». Распределение ее на чернобыльские проекты осуществлялось правительством Беларуси в соответствии с собственными внутривнутриполитическими приоритетами на основании соответствующего Указа Президента [48]. Соответственно, участие КНР в преодолении последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС происходит не целенаправленно, а в силу проводимого внешнеполитического курса КНР на налаживание дружественных отношений с Беларусью путем оказания гуманитарной помощи.

Беларусь развивает отношения по чернобыльским проектам со странами Северной Америки: США и Канадой, – которые традиционно являются международными донорами. Формирование партнерства по преодолению последствий аварии на ЧАЭС в рамках отношений Беларуси с США и Канадой происходит через деятельность общественных организаций на территории Беларуси, что во многом объяснимо политической активностью некоммерческих организаций и политикой «гуманитарной интервенции» США и Канады. Американские и канадские благотворительные организации главным образом оказывают помощь в оздоровлении детей (США – 7 место, Канада – 12) [1]. В США таких благотворительных организаций больше, и для них характерна широкая вовлеченность христианских организаций [50].

В 2008 г. в связи со скандалом с противоправным удержанием на территории США несовершеннолетней белорусской гражданки Т. Козыро Беларусь приостановила программы оздоровления детей и предложила заключить соглашение об условиях оздоровления несовершеннолетних граждан Республики Беларусь в США. Однако вследствие неблагоприятной политической конъюнктуры оно так и не было заключено, и программа оздоровления детей в США приостановлена [50; 52].

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о незначительности финансовой помощи, оказываемой отдельными странами Беларуси в области преодоления последствий аварии на Чернобыльской АЭС (все страны – 159 млн долл. США против государственных 6 452,629 млн долл. США с 1996–2013 гг. на основании запланированных в госпрограммах сумм). В ряде государств, таких как Япония и Швейцария, было принято решение об активизации сотрудничества с Беларусью именно вследствие воздействия на страну последствий ядерной катастрофы. В других странах, таких как Германия и Россия, чернобыльская проблематика стала одним из направлений взаимодействия и так активно развивающегося сотрудничества. В таких странах, как США и Канада, тема Чернобыля коснулась лишь общественных организаций и сотрудничество шло в русле проводимой этими государствами политики «гуманитарной интервенции».

В двустороннем сотрудничестве явно выделяются два аспекта взаимодействия: оказание помощи по правительственным каналам и помощь общественных организаций. К области внешней политики Республики Беларусь непосредственно относится межправительственное взаимодействие, однако и помощь общественных организаций является дипломатическим вектором деятельности государства, связанным с позиционированием проблемы на международной арене, регламентацией и контролем за этой областью двустороннего сотрудничества. Взаимодействие по чернобыльским проблемам активизировало сотрудничество мирового сообщества с Беларусью не только по гуманитарным, но и по научно-техническим каналам, способствовало развитию культурных связей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данные Главного информационно-аналитического центра Министерства образования Республики Беларусь по оздоровлению за рубежом детей, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС за 1990–2010 гг.
2. Белицкий, В.Ф. Программа ТАСИС в Беларуси. Главные итоги / В.Ф. Белицкий, Б.М. Смолин ; под ред. Л.П. Орлова. – Минск : Промкомплекс, 2010. – 282 с.
3. Программа CORE «Сотрудничество для реабилитации условий жизни в пострадавших от чернобыльской катастрофы районах Беларуси» : ежегодный обзор. – Минск, 2006. – 22 с.
4. Русакович, А.В. Белорусско-германские отношения в 1990-е годы: политика, экономика, культура / А.В. Русакович. – Минск : Тесей, 2003.—264 с.

5. Мемарандум аб узаемаразуменні паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Федэратыўнай Рэспублікі Германія па садзейнічанню супрацоўніцтву ў мэтах змякчэння вынікаў аварыі на атамным рэактары ў Чарнобылі (Чарнобыльская дапамога), 3 сак. 1994 г. // Эталон: Версія 6.6 [Электронны рэсурс]. – Мінск, 2014.

6. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Федеративной Республики Германия об условиях оздоровления несовершеннолетних граждан Республики Беларусь в Федеративной Республике Германия // Сайт В.С. Левоневского. [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic11/text669.htm>. – Дата доступа : 16.04.2014.

7. Каталог выставки проектов в рамках Международной конференции «Чернобыль 20 лет спустя. Стратегия восстановления и устойчивого развития пострадавших регионов». – Минск : Белсэнс, 2006. – 194 с.

8. Соболев, О.В. Создание условия для социально-экономического развития в пострадавших от чернобыльской катастрофы районах Республики Беларусь. Подходы программы «Сотрудничество для реабилитации (CORE)», реализуемые при поддержке проекта ПРООН / О.В. Соболев, З.И. Трафимчик // Чернобыль: экология, человек, здоровье : науч.-практ. семинар, 6–7 дек. 2006 г., ВВЦ : сб. материалов / под общ. ред. Т.А. Марченко. – М. : ИБРАЭ РАН, 2006. – 306 с.

9. Договор между Правительством Республики Беларусь и Правительством Французской Республики об условиях оздоровления несовершеннолетних граждан Республики Беларусь во Французской Республике от 20.10.2009 // Сайт В.С. Левоневского. [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic09/text525.htm>. – Дата доступа : 16.04.2014.

10. Соболев, О. Беларусь и Франция: стратегическое партнерство для возрождения чернобыльских территорий / О. Соболев // Возрождаем родную землю. – 2010. – № 10 (16). – С. 6–7.

11. Kernenergie [Elektronischen Resus] – Website von Bundesamt für Energie : <http://www.bfe.admin.ch/themen/00511/>. – Zugriffsdatum : 16.04.2014.

12. Bilateral relations between Switzerland and Belarus / Website of the Federal Department of Foreign Affairs [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.eda.admin.ch/eda/en/home/repseur/vbl/bilblr.html>. – Date of access : 16.04.2014.

13. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Федеральным Советом Швейцарской Конфедерации об условиях оздоровления несовершеннолетних граждан Республики Беларусь в Швейцарской Конфедерации // Сайт В.С. Левоневский [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic07/text070.htm>. – Дата доступа : 16.04.2014.

14. Информация о гуманитарной деятельности Швейцарской Конфедерации в Республике Беларусь // Сайт Chernobyl.info [Электронный ресурс]. – 2006.– Режим доступа : http://www.sdc.by/na_preodolenie_posledstvij_katastrofy_na_chayes_mchs_belorussii_ispolzoval_135_mlrd_rublej.html. – Дата доступа : 15.03.2011.

15. Мишуровская, О.Е. Белорусско-итальянское сотрудничество в преодолении последствий Чернобыльской катастрофы / О.Е. Мишуровская // Журнал международного права и международных отношений. – 2006 – № 4. – С. 69–74.

16. Договор между Правительством Республики Беларусь и Правительством Итальянской Республики об условиях оздоровления на основе безвозмездной помощи несовершеннолетних граждан Республики Беларусь в Итальянской Республике от 10 мая 2007 г. [Электронный ресурс]. – Сайт Посольства Республики Беларусь в Итальянской Республике. – Режим доступа : http://italy.mfa.gov.by/_modules/_cf/files/files/DOGOVOR_ot_20_12_2007_442.pdf. – Дата доступа : 09.04.2014.

17. «Такая благодетель незаконна» // Рэспубліка. – 2006. – № 177, 27 сент. – [Электронны рэсурс]. – Режим доступа : <http://www.respublika.info/4114/society/article16690/>. – Дата доступа : 16.04.2014.
18. Меморандум о взаимопонимании между Министерством по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь и Департаментом гражданской защиты Президиума Совета министров Итальянской Республики по вопросам сотрудничества в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера от 27.07.2011 [Электронный ресурс]. – Сайт Посольства Республики Беларусь в Итальянской Республике. – Режим доступа : http://italy.mfa.gov.by/_modules/_cfiles/files/pc_1_1211.pdf. – Дата доступа : 09.04.2014.
19. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о совместных действиях в 1993 г. по минимизации и преодолению последствий чернобыльской катастрофы (Заключено в г. Москве 03.09.1993) // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
20. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о совместных действиях в 1994 г. по минимизации и преодолению последствий чернобыльской катастрофы (Заключено в г. Минске 03.07.1994) // Сайт Сейчас.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lawmix.ru/abrolaw/11954>. – Дата доступа : 16.04.2014.
21. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о совместных действиях в 1995 г. по минимизации и преодолению последствий чернобыльской катастрофы // Сайт В.С. Левоневский [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://pravo.levonevsky.org/bazaru09/postanovi/sbor37/text37141.htm>. – Дата доступа : 16.04.2014.
22. Договор о Союзе Беларуси и России от 2 апреля 1997 г. [Электронный ресурс]. – Информационно-аналитический портал Союзного государства. – Режим доступа : <http://www.soyuz.by/about/docs/dogovor5/>. – Дата доступа : 12.04.2014.
23. Чернобыльские программы Союзного государства (1998–2010 гг.). – Минск : БОРБИЦ, 2010. – 31 с.
24. Постановление Совета Министров о Программе совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союза Беларуси и России на 1998–2001 гг. // Эталон: Версия 6.6 [Электронный ресурс]. – Минск, 2014.
25. Основные положения Программы совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства на 2002–2005 годы : информ. бюллетень / Комитет по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. – Минск : Ин-т радиологии, 2001. – 8 с.
26. Единый российско-белорусский информационный банк данных по основным аспектам последствий чернобыльской катастрофы : информ. бюллетень – Минск : Ин-т радиологии. – Вып. 1. – 2010. – 28 с.
27. О реализации «Программы совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства на 2002–2005 гг.» : доп. к информ. материалу. – Минск : Ин-т соц.-полит. исследований при Администрации Президента Респ. Беларусь, 2006. – 8 с.
28. Беларусь и Россия.2008 : сб. стат. / Белстат, Росстат, Постоянный Комитет Союзного государства. – М. : Росстат, 2008. – 179 с.
29. Программа Совместной деятельности по преодолению последствий катастрофы в рамках Союзного государства на 2006–2010 гг. – Минск : Ин-т радиологии, 2007 – 98 с.

30. Создание элементов системы мер адресной помощи гражданам России и Беларуси, пострадавшим вследствие чернобыльской катастрофы, с учетом данных Единого чернобыльского регистра. – Минск : Ин-т радиологии, 2010. – 43 с.

31. Решение чернобыльских проблем в рамках Союзного государства 2006–2010 : итоговый бюллетень. – Минск : Ин-т радиологии, 2011. – 58 с.

32. Программы преодоления последствий Чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства Беларуси и России // Возрождаем родную землю : спецвыпуск к 25-й годовщине катастрофы на Чернобыльской АЭС. – Гомель : РНИУП «Институт радиологии». – С. 7.

33. Анкета БО РБИЦ [Электронный ресурс] / Сайт филиала белорусского отделения Российско-белорусского информационного центра по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС РНИУП «Институт радиологии» МЧС Республики Беларусь. – Режим доступа : http://www.rbic.by/index.php?option=com_content&view=article&id=2&Itemid=83. – Дата доступа : 09.04.2014.

34. Паспорт программы совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства на период до 2016 г. [Электронный ресурс] / Информационно-аналитический портал Союзного государства. – Режим доступа : http://italy.mfa.gov.by/_modules/_cfiles/files/pc_1_1211.pdf. – Дата доступа : 09.04.2014.

35. Мировое сообщество и ограничение последствий Чернобыльской катастрофы // Чернобыльская катастрофа. Историография событий, социально-экономические, геохимические и медико-биологические последствия // Правда о Чернобыле. – [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://stopatom.slavutich.kiev.ua/1.htm>. – Дата доступа : 18.04.2011.

36. Пагадненне між Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Украіны аб сумесных дзеяннях па мінімізацыі і пераадоленні вынікаў чарнобыльскай катастрофы, 17 снеж. 1992 г. // Эталон: Версія 6.6 [Электронны рэсурс]. – Мінск, 2014.

37. Пагадненне паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Украіны аб сумесных дзеяннях па мінімізацыі і пераадоленню наступстваў чарнобыльскай катастрофы, 27 чэрв. 1997 г. // Эталон: Версія 6.6 [Электронны рэсурс]. – Мінск, 2014.

38. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Кабинетом Министров Украины о сотрудничестве в области предупреждения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий от 7 июля 2000 г. // Нац. правовой интернет-портал [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/dict/text.asp?t1=%D7%D0%C5%C7%C2%DB%D7%C0%C9%CD%C0%DF%20%D1%C8%D2%D3%C0%D6%C8%DF&t2=i00000081>. – Дата доступа : 18.04.2014.

39. План мероприятий по реализации соглашения между правительством Республики Беларусь и правительством Украины о совместных действиях по минимизации и преодолению последствий Чернобыльской катастрофы на 2010–2015 гг. // Сайт БелЛесРад [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : http://www.bellesrad.by/userfiles/image/Ukraine/All_plan_Ukraine.jpg. – Дата доступа : 23.04.2014.

40. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Кабинетом Министров Украины об упрощенном порядке проезда участка автомобильной дороги Славутич – Чернобыльская АЭС, который проходит по территории Республики Беларусь, работниками, транспортными средствами и грузами Чернобыльской АЭС и предприятий, которые осуществляют деятельность в зоне отчуждения, а также иностранными специалистами, привлеченными к реализации международных проектов по закрытию Чернобыльской АЭС // Эталон: Версия 6.6 [Электронный ресурс]. – Минск, 2014.

41. Беларусь окажет гуманитарную помощь Японии // Белта [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://www.soyuz.by/projects/soyuzprojects/programm/448.html>. – Дата доступа : 10.04.2011.
42. Гуманитарное сотрудничество Беларуси и Японии // Посольство Республики Беларусь в Японии [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://japan.mfa.gov.by/rus/belbelg/human/>. – Дата доступа : 13.04.2013.
43. Kenzo Oshima. A new strategy for forgotten Chernobyl//Japan Times [Electronic resource]. – April, 2002. – Mode of access : <http://search.japan-times.co.jp/member/member.html?eo20020831a1.htm>. – Date of access : 12.02.2011.
44. Программы грантовой помощи «Корни травы» // Сайт посольства Японии в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : <http://www.sb.by/print/post/71943/>. – Дата доступа : 10.04.2011.
45. Возрождение Чернобыля по-японски, 12 апреля 2008 // ХайВей [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://h.ua/story/93882/>. – Дата доступа : 14.04.2011.
46. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о предоставлении безвозмездной помощи от 13.12.2004 г. // Сайт Право. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа : <http://pravo.kulichki.com/megd2007/bz00/dcm00540.htm>. – Дата доступа : 16.04.2014.
47. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о предоставлении безвозмездной помощи Правительством Китайской Народной Республики Правительству Республики Беларусь от 05.12.2005 г. // Сайт Право. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://pravo.kulichki.com/zak/new03/newc3328.htm>. – Дата доступа : 16.04.2014.
48. Указ Президента Республики Беларусь от 06.06.2006 № 375 «Об использовании безвозмездной помощи, предоставляемой Республике Беларусь Китайской Народной Республикой» // Сайт Левоневский В.С. [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://www.levonevski.net/pravo/norm2013/num32/d32787.html>. – Дата доступа : 16.04.2014.
49. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 5 ноября 2007 г. № 1457 «О заключении путем обмена письмами Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о финансировании проектных и строительно-монтажных работ на объекте «Реконструкция с расширением операционного блока учреждения здравоохранения “Гомельский областной клинический кардиологический диспансер”» и об оснащении объекта медицинским оборудованием» // Сайт В.С. Левоневский [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://pravo.levonevsky.org/bazaby09/sbor08/text08889.htm>. – Дата доступа : 16.04.2014.
50. List of Chernobyl Related International Charity Organizations//[Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.belarusguide.com/chernobyl1/chlist.htm>. – Date of access : 18.02.2011.
51. Таня Козыро вернулась. А другие и не уедут // Белорусская информационная компания Белаяпан [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : <http://belapan.com/archive/2008/11/27/eu1440/>. – Дата доступа : 16.04.2014.
52. Беларусь приостанавливает программы оздоровления детей на территории США // Советская Беларусь Сегодня [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : <http://www.sb.by/print/post/71943/>. – Дата доступа : 10.04.2011.
53. Чернобыль и европейское движение солидарности / Петер Юнге-Вентруп. – Минск : В.И.З.А. групп, 2012. – 138 с.

54. Пагадненне між Урадам Рэспублікі Беларусь, Урадам Расійскай Федэрацыі і Урадам Украіны аб парадку ажыццяўлення ўзаемных разлікаў за уладкаванне грамадзян, што перасяліліся з забруджаных у выніку чарнобыльскай катастрофы тэрыторый Рэспублікі Беларусь, Расійскай Федэрацыі і Украіны на тэрыторыю адной з гэтых дзяржаў, 26 ліст. 1993 г. // Эталон: Версія 6.6 [Электронны рэсурс]. – Мінск, 2014.

55. Соглашение о международном сотрудничестве по вопросам, связанным с последствиями аварии на Чернобыльской АЭС? 23 июн. 1992 г. // Эталон : Версия 6.6 [Электронный ресурс]. – Минск, 2014.

Makhnach E.M. International Cooperation of the Republic of Belarus in Overcoming the Consequences of the Chernobyl Accident

The article describes and analyzes the directions and volumes of financial cooperation of the bilateral cooperation of Belarus on the problem of overcoming the consequences of the Chernobyl disaster with certain countries in regions such as European Union, CIS countries, South - East Asia and North America. The author examines two aspects of the interaction: assistance through governmental channels and through community organizations. The article analyzes the international projects and legislation governing relations between countries in the post-Chernobyl interaction. The author compares the financial amount of aid allocated by the state for Chernobyl projects, and the total amount of the realized foreign projects. A conclusion is made about the increasing of cooperation between Belarus and the international community not only by humanitarian channels, but also by scientific and technical tracts.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.06.2014

УДК 37.015.311:32.019.5

М.Н. Вакула

ГЕНЕЗИС ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ ЛИДЕРСТВА

В статье обобщены представления учёных о качествах, которыми должен обладать политический деятель со времён античности до настоящего времени, даны краткие характеристики теорий политического лидерства, проведён анализ теорий лидерских качеств в политике. Автор сделала попытку выделить качества, необходимые современному политическому лидеру, обозначила способности, умения и навыки, которые следует развивать.

На сегодняшний день существует множество теорий, раскрывающих феномен лидерства, которые признают, что потенциальный лидер должен обладать определённым набором качеств, способностей и умений, отвечающих запросу времени, профессионального и социального окружения. Первоначально изучение лидерских качеств личности появляется в исследованиях феномена политического лидерства. В статье мы сделали попытку отразить генезис представлений учёных различных эпох о лидерских качествах политических деятелей и выявить качества современного лидера, которые следует развивать. Нами заведомо не рассматривается такое направление изучения лидерства, как духовное лидерство, связанное с нравственной и этической стороной жизни человека. Считаем, что данная тема затрагивает уникальные культурные и национальные особенности стран, регионов и этнических сообществ и является предметом отдельного исследования.

Древние египтяне говорили об императоре: «Властное высказывание – в устах, понимание в сердце, справедливость» [1, с. 33]. Впервые речь о лидерских качествах личности обоснованы в трудах древнего мыслителя и философа Китая – Конфуция (551–479 гг. до н.э.), который выдвинул идею социальной гармонии, опирающуюся на авторитет мудрецов и правителей глубокой древности. В своём труде «Лунь-юй» Конфуций излагал идеал совершенного правителя. Он считал, что мудрый правитель должен соблюдать пять «постоянств»: ритуал, гуманность, долг-справедливость, знание, доверие. Управлять страной должны люди благородные, которые руководствуются принципами правды, вежливости, человечности и справедливости. Воспитывая эти качества, мудрецы выстраивали иерархию в обществе, обеспечивая тем самым его жизнеспособность [2].

Мыслители античности обосновывали право на лидерство высокими моральными качествами, заслугами, достоинствами «вождя-героя». В свете такой трактовки лидер представлялся своеобразным «титаном», наделённым физической, интеллектуальной и нравственной уникальностью, авторитет лидера опирался на его знания и опыт, а само лидерство существовало также в виде наставничества [1]. Гомер (VIII в. до н.э.) в своих произведениях выделял такие важные качества героев, как справедливость (Агамемнон), мудрость (Нестор), хитрость (Одиссей), доблесть (Ахилл) [6].

Образ идеального правителя детально разработан в «Киропедии» Ксенофонта (431–355 гг. до н.э.), в интерпретации которого персидская монархия выглядит почти как античный полис аристократического типа. Ксенофонт утверждает, что управлять людь-

Научный руководитель – Ю.И. Сергеева, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики высшей школы и современных воспитательных технологий Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка

ми – искусство, но этому искусству можно и должно научиться. Он перечисляет качества и добродетели, необходимые правителю: почитание богов, справедливость, честность, храбрость и владение собой; сила личного примера [3, гл. 10].

Платон (427–347 гг. до н.э.) в своём труде «Государство» характеризует лидера как человека решительного, имеющего природённую склонность к знанию, любовь к истине, скромность, благородство, справедливость, великодушие, духовное совершенство. Таковым, по мнению Платона, является природённый философ. Право философов на политическое господство основано на том, что они «созерцают нечто стройное и вечно тождественное, не творящее несправедливости и от неё не страдающее, полное порядка и смысла. Созерцая этот вечный порядок, лидеры вносят то, что они находят в мире идеального бытия в частный общественный быт людей, сделают человеческие нравы угодными Богу» [4, с. 30].

В трактате «Никомахова этика» Аристотель (384–322 гг. до н.э.) не только приводит список добродетельных личностных качеств, но также предлагает систематическое объяснение каждой добродетели как середины между двумя крайностями. Такими добродетелями являются мужество, благоразумие, щедрость (особенно проявляемая в крупных масштабах), величавость и чувство собственного достоинства, ровность, дружелюбие, правдивость, остроумие и стыдливость. По мнению философа, властью в государстве должны обладать справедливые, мужественные, благородные, правдивые люди. Данными качествами он наделяет правителей и в своём труде «Политика» [5].

В философской традиции Римской империи Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н.э.) считал управление государством сочетанием науки и искусства, требующим не только знаний и добродетелей, но и умения практически применять их в интересах общего блага. Основными добродетелями истинного государственного деятеля являются мудрость, основанная на знаниях науки о государстве и праве, которая помогает ему предвидеть неблагоприятные изменения в форме государства и предупредить их, стремление служить общему благу и справедливости, решительность и доблесть в обеспечении всеобщего согласия и правопорядка, красноречие, благопристойность [4, с. 43].

Таким образом, предпосылки создания теорий лидерских качеств берут начало в античности. Лидерами тогда признавались представители власти, наставники, герои военных действий, которые наделялись такими качествами, как мудрость, благородство, справедливость, честность, мужество. Древние философы и мыслители говорили о необходимости воспитания таких качеств лидера, как красноречие, решительность, ответственность, уравновешенность.

Абсолютное господство религии в средневековом мировоззрении, образе жизни, культуре наложило отпечаток и на политические взгляды: все явления в сфере политики оценивались с позиций христианского учения. Идеи мыслителей XVI – конца XVII вв. обосновывают нравственную полноценность личности. Лидер рассматривается с точки зрения этики, морали и власти, активно обсуждается вопрос о взаимосвязи человека и природы.

Исследования Н. Макиавелли (1469–1527 гг.): «Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» – созданы с учетом исторического опыта итальянских государств и адресованы вполне конкретным людям – их правителям. Теория лидерства Н. Макиавелли содержит четыре основных положения: 1) власть лидера коренится в поддержке его сторонников; 2) подчиненные должны знать, что они могут ожидать от своего лидера, и понимать, что он ожидает от них; 3) лидер должен обладать волей к выживанию; 4) правитель – всегда образец мудрости и справедливости для своих сторонников [8]. Н. Макиавелли охарактеризовал лидера исходя из взаимодействия «правитель – подданные». Мудрый лидер соединяет в себе качества льва (силу и честность) и лисицы (мистификацию и искусное притворство). Таким образом, он обладает как

прирожденными (прямодушие, хитрость, талант), так и приобретенными (честолюбие, жадность, тщеславие) качествами [9, с. 28]. Политика для философа – удел избранных, но хорошему правлению следует учиться, ибо существуют отработанные веками правила политики, знание которых ведет к успеху, а пренебрежение ими – к поражению и неудаче. Особенность рассуждений Макиавелли заключается в том, что он считал допустимым использование правителем аморальных средств для достижения цели [4, с. 81].

Английский мыслитель Т. Гоббс (1588–1679 гг.) рассматривал внутренний мир человека в сочинении: «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Исследователь называл авторитетом того, чьи указания или приказы выполняются лишь по причине высокого доверия к его мудрости, знаниям, опыту либо нравственным принципам. Авторитет основан на уважении и признании другими индивидуальных достоинств. Он подразумевает, что добровольное подчинение многих людей одному детерминировано лишь тем, что тот является личностью, а не назначенным лицом [7]. В трудах Т. Гоббса лидеру присущи такие качества, как достоинство, уважение к людям, бережливость, справедливость, нравственность.

Б. Спиноза (1635–1677 гг.) представляет человека предельно реалистично. Он считал, что каждый из нас стремится не только сохранить свое бытие, но и расширить его путем увеличения своей власти, т.е. каждый человек наделён стремлением к лидерству как властвованию. Особое значение Спиноза придавал разуму. Совершенствованию человека, по его мнению, сопутствуют радостные чувства, а уменьшению совершенства – печаль и неудовольствие. Желание свидетельствует о деятельном начале человека. Осознание пользы при этом является движущей силой человеческого поведения [10].

К. Гельвеций (1715–1771 гг.) интерпретировал человека в психофизиологическом ключе. Человек, преодолевая свой природный эгоизм, становится разумным, начинает правильно понимать свои интересы и следовать за «компасом общественной пользы» в процессе их осуществления. Потребность в гуманности возникает у человека тогда, когда возникает желание объединиться с себе подобными. К добродетели каждый стремится в целях власти, которая дает человеку удовлетворение личных интересов, всеобщее уважение. Мудрый законодатель, считает мыслитель, должен стремиться к установлению наград за добродетели и наказаний за преступления [1].

Таким образом, натуралистическая школа (Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Б. Спиноза, А. Гельвеций) предполагает, что человеку, как существу природному, свойственно стремиться к власти, возвышаться над другими (проявление инстинкта выживания) либо починяться (безоговорочное подчинение вожаку племени в древние времена). Политика и власть трактуется не как божественный дар, а как обычные земные явления. Политический лидер представлялся как человек высоконравственный, уравновешенный, справедливый, мудрый, обладающий твёрдым характером.

Следует отметить, что вплоть до конца XVII в. характеристика политических лидеров не предполагала наличие харизмы (с греч. ‘дар’, эмоционально-психические способности человека, благодаря которым его оценивают как одарённого особыми качествами и способного оказывать эффективное влияние на людей) [11, с. 206–208] и организаторских способностей. Это можно объяснить тем, что власть правителю переходила по наследству, в обязанности которого не входили организаторские функции и привлечение людей. Доминантное значение придавалось презентабельной внешности правителя, высокому уровню ораторского искусства, справедливости и мудрости.

Эпоха новейшего времени (XIX–XX вв.) дала миру новое понимание политического лидерства (К. Маркс, Ф. Ницше, Г. Моска, М. Вебер). Марксистская концепция исследует политическое лидерство исходя из классового принципа. Политический лидер – последовательный, сознательный и умелый выразитель интересов и воли класса, играющий по отношению к классу в известном смысле вспомогательную, служебную

роль. Согласно Марксу (1818–1883 гг.), лидер должен не назначаться, а выдвигаться, а для того, чтобы быть выбранным большинством, лидер должен обладать харизмой. «Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим и двигающим вперед других людей» [4, с. 174].

Нравственное и интеллектуальное превосходство, духовная одаренность и сила духа отличают, по мнению Ф. Ницше (1844–1900 гг.), тех, кто повелевает другими. Среди качеств политических лидеров он выделяет неуклонную энергию, целеустремленность, мужество, уверенность в себе, упорство и выдержку, крепкую волю и широкий ум [12, с. 112].

Г. Моска (1858–1941 гг.) в книге «Основы политической науки» отмечал, что политические лидеры отличаются от остальной массы такими качествами, которые обеспечивают им материальное, интеллектуальное и даже моральное превосходство. Главные среди них – образование, смелость, гибкость, сила убеждения, готовность использовать силовые методы по отношению к противнику. Также учёный говорил о значимости богатства правящего класса. Власть элиты он ставит в зависимость от того, в какой степени качества её членов соответствуют потребностям эпохи, из какой бы социальной страты они не рекрутировались. «В обществе, достигшем определённой стадии зрелости, где личная власть сдерживается властью общественной, власть имущие, как правило, богаче, а быть богатым – значит быть могущественным. И действительно, когда борьба с бронированным кулаком запрещена, в то время как борьба фунтов и пенсов разрешается, лучшие посты неизменно достаются тем, кто лучше обеспечен денежными средствами» [11, с. 32–35.].

М. Вебер (1864–1920 гг.) различает три «чистых» типа господства: обусловленных рациональными интересами, подчиняющихся и господствующих. Один из типов государства Вебер называл «харизматическим». Он считал, что определенные качества личности (приобретенные или врожденные), позволяют вдохновлять людей и увлекать за собой. М. Вебер утверждал, что «три качества являются для политика решающими: страсть, чувство ответственности и глазомер... Страсть в смысле ориентации на существо дела, страстной самоотдачи делу... Глазомер, способный с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей... требуется дистанция по отношению к вещам и людям... Проблема состоит в том, чтобы втиснуть в одну и ту же душу и жаркую страсть, и холодный глазомер» [12].

Таким образом, к концу XIX в. популярность приобретают теории харизматического лидерства и теории политических элит. Исследователи обращают внимание не только на природные качества лидера, но также актуализируют профессиональные навыки руководства. Неизменными остается потребность в таких качествах лидера как интеллектуальность, нравственность, активность, но акцент делается на организаторские способности, социальную активность и ответственность.

Политические события XX в. задают новый формат исследований феномена политического лидерства. Изучением лидерских качеств в политике занимаются Р. Катгел, Г. Стайс, Л. Бернارد, В. Бинхам, О. Тэд, С. Килбоурн и др. Так, в 1980-х гг. учёные выделили такие качества политического деятеля, как оригинальность в решении проблем, креативность и инициативность, самоуверенность, стремление к завершению дела, ответственность, упорство в достижении цели, способность влиять на поведение окружающих. Российский исследователь политического лидерства Н.Г. Щербинина выявила 5 основных качеств лидера: харизматичность, компетентность, стрессоустойчивость, активность, инициативность [14].

Таким образом, к концу XX в. становится очевидным, что в руководстве обществом важным условием достижения успеха является нравственная зрелость, высокий уровень образования, духовного и физического развития, популярность, статус лидера,

отсутствие вредных привычек, проницательность, сила воли, поведенческая компетентность, психологическая устойчивость [13, с. 43–45]. Генезис теорий лидерских качеств позволил нам выделить основные (базовые) качества лидера (таблица).

Таблица – Представления о личностных качествах политических лидеров

Эпоха античности	Справедливость, мудрость, благородство, мужество, уравновешенность, красноречие, решительность, ответственность.
Эпоха Возрождения (XVI – конец XVII вв.)	Справедливость, мудрость, благородство, мужество, уравновешенность, оптимизм, нравственность, твёрдость характера.
Эпоха новейшего времени (XIX–XX вв.)	Интеллектуальность (мудрость), активность, целеустремлённость, ответственность, нравственная зрелость, харизма.
Современные представления о лидерстве	Интеллектуальность, инициативность, управленческая компетентность, целеустремлённость, решительность, коммуникабельность, нравственная зрелость, мобильность, сила воли, проницательность, ответственность, психологическая устойчивость.

Таким образом, можно утверждать, что на протяжении веков представления о качествах политического лидера, а в последствии и лидера как такового, содержали такие нравственные качества, как справедливость, мудрость, благородство, честность, верность общественному долгу. Начиная с XX в. требования к личностным качествам лидера приобрели профессиональную наполненность: активность, инициативность, мобильность, оптимизм, настойчивость, решительность, эмоциональная устойчивость, ответственность. В современном обществе значимость приобрело профессиональное обучение лидерским качествам и умениям, таким как профессиональная управленческая компетентность, умение привлекать людей, быстро принимать решения, ораторское искусство, развитие коммуникативных и организаторских способностей, креативное мышление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Политология : учеб.-метод. комплекс / Г.М. Заболотная, В.Г. Богомяков, А.Я. Криницкий ; М-во образования Рос. Федерации, Тюмен. гос. ун-т, Ин-т государства и права. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2001. – 198 с.
2. Денисенко, Н.А. Политология : учеб. пособие / Н.А. Денисенко ; Новосиб. гос. техн. ун-т. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2005. – 108 с.
3. Утченко, С.Л. Политические учения древнего Рима : учеб. пособие / С.Л. Утченко. – М., 1977. – 257 с.
4. Борщева, Е.В. История политических и правовых учений (ответы на экзаменационные вопросы) / Е.В. Борщёва. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 175 с.
5. Аристотель. Никомахова этика / Перевод : Нина Брагинская / Философы Греции ЗАО. – М. : ЭКСМО-Пресс, 1997. – 73 с.
6. Ольшанский, Д.В. Политическая психология / Д.В. Ольшанский. – М., 2002. – 576 с.
7. Хомелева, Р.А. Теории власти / Р.А. Хомелева // Теория политики : учеб. пособие / под ред. Б.А. Исаева. – СПб. : Питер, 2008. – С. 67–68.

8. Брагіна, Л.М. *История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения* / Л.М. Брагіна. – М. : Высшая школа. – 1999. – 247 с.
9. Данилов, А.Н. *Власть и общество: поиск новой гармонии : учеб. пособие* / А.Н. Данилов. – Минск : Университетское, 1998. – 575 с.
10. Кони́ков, И.А. *Материализм Спинозы : монография* / И.А. Кони́ков. – М. : Наука, 1971. – 269 с.
11. Ашин, Г.К. *Курс элитологии* / Г.К. Ашин, Е.В. Охотский. – М. : Спорткадемпресс, 1999. – 368 с.
12. *Культурология : учебник для студ. техн. вузов / под ред. Н.Г. Багдасарьян.* – М. : Высш. школа, 1999.
13. Платунова, Е.Ю. *Кто такой лидер: теории лидерских качеств* / Е.Ю. Платунова // *Методист.* – 2011. – № 5. – С. 43–47.
14. Щербинина, Н.Г. *Теории политического лидерства* / Н.Г. Щербинина. – М. : Весь мир, 2004. – 181 с.

Vakula M.N. Genesis Leadership Qualities Personalities in the Political Theory of Leadership

The article presents an overview of representations of scientists about the qualities that should be possessed politician since antiquity to the present. A comparative analysis of changing perceptions of scientists as a leader, as well as highlighted the basic qualities that are relevant for policy makers of antiquity and modern political leaders. The author outlined the abilities and skills that are necessary to develop modern leaders.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 31.03.2014

УДК 31.00.001

М.Г. Коктыш

ГЛАВА ГОСУДАРСТВА – ГАРАНТ ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Глава государства выступает инициатором разработки и проводником идеологии белорусского государства, направленной на построение демократической, сильной Беларуси, где основу составляют правовое государство, права и свободы человека. Основным условием стабильности государства выступает сплоченное общество, идеи, ценности и нормы, объединяющие всех граждан, сильное и эффективное государственная власть в стране. В механизме реализации идеологии белорусского государства ведущая роль принадлежит Главе государства по формированию концепции эффективной социальной и экономической политики, стабильности общества.

Введение

Реформационные процессы в Республике Беларусь создают условия для необходимости формирования идеологии белорусского государства, где ведущая роль принадлежит Главе государства. Механизм формирования идеологии белорусского государства есть специфический инструмент, посредством которого государство реализует систему убеждений, норм, ценностей по формированию национального самосознания белорусского народа. Процесс формирования государственной идеологии является результатом взаимодействия народа, государственных институтов, институтов гражданского общества при значительной роли Президента Республики Беларусь. Глава государства выступил инициатором в формировании идеологии белорусского государства, которая призвана усилить социально-политическую консолидацию белорусского общества, стать общенациональной силой, сплотить граждан в единый белорусский народ, обеспечить устойчивое развитие страны, сформировать социальную модель государства, где приоритет принадлежит правам и свободам человека.

Теоретико-методологическим основанием в определении места и роли Главы государства по формированию идеологии Республики Беларусь являются следующие методы исследования: институциональный, структурно-функциональный, системный, социологический, сравнительно-исторический.

Вопросы, связанные с теоретическими аспектами понятия «Глава государства», функциями и полномочиями в системе органов государственной власти Республики Беларусь, роли в организации идеологии белорусского государства исследованы в учебных пособиях, научных работах и статьях: «Институт президентства: история и современность» С.Г. Паречиной, «Органы государственной власти Республики Беларусь (конституционно-правовой статус)» Г.А. Василевича, «Президент Республики Беларусь в формировании идеологии белорусского государства» С.Н. Князева и С.В. Решетникова, «Президент Республики Беларусь – Глава государства, гарант Конституции, прав и свобод человека и гражданина» Г.А. Василевича, Я.С. Яскевич, «Глава государства» Д.М. Демичева.

Теоретические аспекты понятия Глава государства

В механизме идеологии белорусского государства ведущая роль принадлежит Президенту Республики Беларусь, который является Главой государства, гарантом Кон-

Научный руководитель – Л.Е. Криштапович, доктор философских наук, профессор, заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь, профессор кафедры политологии Белорусского государственного университета

ституции Республики Беларусь, прав и свобод человека и гражданина [1, с. 18]. Являясь Главой государства, он олицетворяет единство народа, гарантирует реализацию основных направлений внутренней и внешней политики, принимает меры по охране суверенитета страны, ее национальной безопасности и территориальной целостности, обеспечивает политическую и экономическую стабильность, преемственность и взаимодействие органов государственной власти [2, с. 118]. Глава государства выступает инициатором разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, где он выступает арбитром между ветвями власти, что обеспечивает их эффективную деятельность и взаимодействие.

Шарль де Голль излагал свою доктрину конституционного строительства следующим образом. Необходимо, чтобы государство имело голову, то есть руководителя, в котором нация может видеть стоящего над течением человека, уполномоченного решать главное и гарантировать ее судьбу [3, с. 586].

Ключевые политико-идеологические функции главы государства выражаются в принятии решений по охране суверенитета, национальной безопасности и территориальной целостности Республики Беларусь, обеспечение стабильности государства, гарантии реализации его внутренней и внешней политики, преемственности и взаимодействия властных институтов [4, с. 93]. Глава государства обеспечивает политическую и экономическую стабильность страны, цементирует белорусское общество, одновременно способствует становлению таких основных демократических институтов, как многопартийность, свободомыслие, равные возможности каждого гражданина принимать активное участие в решении государственных дел [5, с. 226]. Глава государства – должностное лицо, занимающее высшее место в иерархии государственных институтов и осуществляющее верховное представительство государства внутри страны и на международной арене [6, с. 102].

Глава государства – это такая государственно-правовая и политическая фигура, которая имеет присущую только ей специфику и характерные черты. При изучении источников можно выделить наиболее характерные и специфические полномочия главы государства:

1. Представительские функции: глава государства обращается с приветствием и посланием к народу по поводу знаменательных дат и важнейших событий. Глава государства может выступать с официальными обращениями к парламенту, совершать официальные визиты, обладает правом проводить переговоры, подписывать международные договоры и соглашения.

2. Глава государства участвует в сфере государственного управления, принимает участие в назначении правительства и его отставке. Глава государства в сфере законодательства имеет право законодательной инициативы, утверждения законов, их подписи, право вето.

3. Глава государства в сфере национальной безопасности формирует и возглавляет Совет Безопасности Республики Беларусь [7, с. 144–151].

Роль Главы государства в механизме формирования идеологии белорусского государства

Идеология государства есть краеугольный камень в государственном строительстве, где важную роль играет объединяющая, мобилизующая национальная идея. По мнению Главы государства, идеология является стержнем человеческой духовности и фундаментом государства. Идеология государства является совокупностью исторических, экономических, политико-правовых, мировоззренческих принципов, целей, ценностей, идеалов и убеждений, которые обеспечивают самосознание, воспитание и коммуникацию людей внутри государства [8, с. 41]. Президентом Республики Беларусь

был издан ряд нормативно-правовых актов, результатом чего стало создание в стране идеологической вертикали, системы подготовки идеологических кадров, а также создание научно-учебных изданий, раскрывающих важнейшие аспекты идеологии белорусского государства в формировании современной государственной идеологической политики с целью обеспечения эффективности, стабильности, устойчивости развития страны. Для повышения эффективности идеологической работы Главой государства подписан Указ № 111 от 20 февраля 2004 г. «О совершенствовании кадрового обеспечения идеологической работы в Республике Беларусь». В республике сформирована идеологическая вертикаль, созданы необходимые условия для проведения идеологической работы. Во всех облисполкомах и Минском горисполкоме утверждены управление идеологической работы, а в горисполкомах, райисполкомах и администрациях районов в городах – отделы идеологической работы. Также установлено, что руководители государственных и иных организаций Республики Беларусь несут персональную ответственность за состояние идеологической работы в коллективах работников. Непосредственная организация этой работы в данных коллективах возлагается на одного из заместителей руководителя [9].

В структуре Администрации Президента Республики Беларусь создано Главное идеологическое управление, основными задачами которого являются координация работы государственных органов по формированию идеологии белорусского государства; осуществление организационно-методического руководства деятельностью структурных подразделений по идеологической работе местных исполнительных и распорядительных органов; разработка предложений по предотвращению негативного идеологического и информационно-психологического воздействия на трудовые коллективы и население [2, с. 120].

Механизм функционирования государственной идеологии тесно взаимосвязан с функционированием политической системы Республики Беларусь, принятием политических решений, государственной публичной политикой и гражданами страны. Связывающим механизмом функционирования политической системы являются выборы, референдумы, деятельность политических партий и общественных организаций, средства массовой информации, Всебелорусские народные собрания.

Главные принципы государственной политики, определенные Главой государства, на протяжении всего периода президентских полномочий – это планомерность, последовательность, постепенность, преемственность, выражаются в том, что сильная, эффективная государственная власть, политическая стабильность в нашей стране – важнейшие условия государственного курса на эволюционное и поступательное развитие национальной экономики, последовательной интеграции в мировую экономику [10, с. 17].

Центром принятий политических и идеологических решений является Глава государства. Он гарантирует демократическое развитие общества, принимает меры по охране суверенитета страны, обеспечивает политическую и экономическую стабильность, что влияет на эффективность проведения государственной идеологической политики в Республике Беларусь. В принятии политических и идеологических решений в стране важное место занимает модель организационно-управленческой структуры современного белорусского общества, которое представляет следующие ведущие элементы:

- 1) верховный уровень: Президент Республики Беларусь – Глава государства, Парламент, Правительство, высшие судебные инстанции;
- 2) вторичный уровень: республиканские объединения и концерны, Министерства и ведомства, областные комитеты и Советы депутатов;
- 3) первичный уровень: предприятия, фирмы, учреждения [11, с. 58].

Такой механизм структуры государственного управления обеспечивает возможность Главе государства эффективно проводить в жизнь социально-экономическую и

идеологическую политику на современном этапе, качественно реализовывать управленческие решения.

Программным документом Главы государства в механизме реализации государственной идеологической политики является доклад «О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию», представленный 27 марта 2003 г. на постоянно действующем семинаре руководящих работников республиканских и местных органов [12]. В нем рассматриваются основные направления идеологической работы и определяются пути развития. Глава государства считает идеологию краеугольным камнем государственного строительства. Без четких идеологических ориентиров и стройной системы идейно-воспитательной работы государство развиваться не может. Общество не может существовать без целостного свода идей, ценностей и норм объединяющих всех граждан. Если мы хотим видеть Беларусь сильной, то должны думать об идеологическом фундаменте белорусского общества [12, с. 6]. Глава государства рассматривает необходимость формирования идеологии белорусского государства в теоретическом и прикладном аспекте организации идеологической работы.

Теоретический аспект определяет основы идеологии белорусского государства и понимание идеологии в мировоззренческом, ценностном, социальном и политологическом аспектах. Идеология есть система идей, взглядов, представлений, чувств и верований о целях развития общества и человека, а также средствах и путях достижения этих целей, воплощенных в ценностных ориентациях, убеждениях, волевых действиях, побуждающих людей стремиться к поставленным целям [12, с. 7].

Государственную идеологию необходимо строить на своем родном фундаменте, опираясь на идеологические принципы, которые в концентрированном виде выражают основные ценности общества и цели его развития. Собственные традиции, идеалы, ценности, цели, установки составляют идеологическую парадигму формирования современного белорусского государства. Глава государства определяет, что белорусская идеология должна иметь ориентацию на традиционные для нашей цивилизации ценности: способность трудиться для блага общества, коллектива, других людей, взаимопомощь, коллективизм, социальная справедливость и уважительное отношение государства и народа. Республика Беларусь создает государство, в котором на деле реализуются принципы народовластия, воплощаются общечеловеческие идеалы и нравственные ориентиры, обеспечиваются преемственность национальных традиций, сохраняются и приумножаются ценности духовной веры, семьи, коллектива.

Важную роль в механизме реализации идеологии белорусского государства Глава государства уделяет трем основным силам гражданского общества: Советам депутатов, профсоюзам и мощной молодежной организации «Белорусский Республиканский союз молодежи». Вот три основные опоры нашего общества, которые призваны обеспечить связь народа с органами власти, вовлечь граждан в государственное строительство и вместе с другими участниками политического процесса осуществлять контроль за деятельностью структур государственной власти.

Политический компонент идеологии белорусского государства определен в Конституции Республики Беларусь, где закреплено, что Республики Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство [1, с. 3]. В государственном строительстве народ четко высказался за президентскую форму правления с эффективной системой власти [12, с. 22]. Президент страны является главным инициатором проведения социально-ориентированной политики белорусского государства, направленной на защиту малообеспеченных слоев населения, дальнейшее преодоление социального неравенства, создание необходимых условий для всестороннего развития личности и необходимых предпосылок для их успешной реализации. Белорусская модель социально-экономического развития предполагает формирование социально-ориентирован-

ной, многоукладной рыночной экономики с равноправным функционированием государственной и частной собственности и наличием идеи конкуренции в экономике [12, с. 23]. Сильная экономика, честная власть – это фундамент независимости Беларуси и процветания нации. Это идеал, к которому мы должны стремиться [13, с. 8].

Белорусская модель уважительно относится к своей истории и характеризуется следующими чертами:

1) для белорусской модели характерно эффективная государственная власть, которая обеспечивает устойчивое развитие страны;

2) принципиальной является активная роль государства в совершенствовании экономики с целью ее постепенной интеграции в мировую хозяйственную систему;

3) сильная социальная политика, что означает сопряжение социальной ориентации экономики с повышением эффективности ее инвестиций в развитие человеческого потенциала; программы государства в области образования, здравоохранения, охраны материнства и детства, защиты пожилого населения, развития физкультуры и спорта составляют социальный смысл белорусской модели;

4) особенностью белорусской модели является ориентация на интеграцию и строительство союзного государства Беларуси и России. Союз с Россией – это основа экономической, социальной и политической устойчивости нашей страны [14, с. 60].

Важным элементом формирования идеологии белорусского государства является развитие демократии на основе многообразия политических институтов, взглядов, мнений и убеждений. Демократизация государства обеспечивается совершенствованием устройства государственной власти в соответствии с принципом разделения властей. В данном аспекте следует говорить о развитии ее представительных основ как на республиканском, так и на региональном уровнях, открытости деятельности органов государственной власти и должностных лиц. Демократический режим деятельности государства предполагает процедуру принятия решений, соблюдение которых позволит достичь согласования различных общественных интересов, а также механизмов контроля и ответственности в целях предотвращения злоупотребления властными полномочиями [15, с. 767]. Глава государства в целях совершенствования демократии, коллегиальности принятия политических решений, открытости и гласности особое внимание уделяет Всебелорусским народным собраниям, где формируется программа политического, социально-экономического развития страны на пять лет.

Прикладные аспекты идеологии белорусского государства Глава государства определил следующим образом:

– идеологическую работу надо вести в принципиально иных условиях свободы слова, свободы печати, демократических процессах в обществе;

– значительную роль в формировании идеологии белорусского государства должны занимать Администрация Президента Республики Беларусь, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, которая должна стать лидером в разработке и реализации в учебный процесс государственной идеологии;

– повысить эффективность и результативность работы управлений идеологической работы облисполкомов и отделов идеологической работы горисполкомов, усилить государственную позицию; идеологическую вертикаль необходимо воссоздать на всех уровнях государственного управления как по территориальному, так и отраслевому принципу;

– особенно тщательно необходимо подойти к формированию идеологического ядра в трудовых коллективах; центр нашей идеологической работы должен быть в коллективе учебном, трудовом, производственном [12, с. 68].

Заключение

Роль и место Главы государства как гаранта процессов формирования идеологии белорусского государства заключается в том, что он:

- 1) обеспечивает права и свободы человека, проводит эффективную государственную политику, обеспечивает суверенитет и независимость страны;
- 2) принимает решения по организации и совершенствованию идеологической работы;
- 3) определяет в теоретическом аспекте, концептуальные положения понимания идеологии белорусского государства;
- 4) реализует с позиции структурно-функционального анализа и системного подхода политические решения по проведению идеологической политики, определяет структуру и механизм реализации идеологических решений, повышение эффективности управления и организации идеологической работы в государстве с целью формирования сильной и стабильной Беларуси;
- 5) определяет приоритеты социально-экономического развития Республики: развитие человеческого потенциала, радикальная модернизация и инновации, инвестиции, производительность труда [16, с. 7] и вырабатывает пути их реализации, для успешного проведения экономической и идеологической политики государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 9-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2013. – 64 с.
2. Паречина, С.Г. Основы идеологии белорусского государства : учеб.-метод. пособие / С.Г. Паречина. – Минск : ТетраСистем, 2010. – 128 с.
3. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г.А. Василевич. – Минск : Книжный Дом, 2010. – 768 с.
4. Бондарь, П.И. Политология: наука о политике : учеб.-метод. комплекс / П.И. Бондарь, Ю.П. Бондарь. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – 528 с.
5. Основы идеологии белорусского государства : учеб. пособие для вузов / под общ. ред. С.Н. Князева, С.В. Решетникова. – Минск : Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 491 с.
6. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. О.Е. Кутафин. – М. : Большая Рос. энцикл., 2003. – 559 с.
7. Политология : учебник / С.В. Решетников [и др.] ; под ред. С.В. Решетникова. – 7-е изд., испр. – Минск : ТетраСистемз, 2011. – 528 с.
8. Основы идеологии белорусского государства: история и теория : учеб. пособие для студ. / С.Н. Князев [и др.] ; под общ. ред. С.Н. Князева, В.И. Чуешова. – Минск : ИВЦ Минфина, 2005. – 312 с.
9. О совершенствовании кадрового обеспечения идеологической работы в Республике Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 29 февр. 2004 г. № 111 // СБ – Беларусь сегодня. – 2004. – 24 февр.
10. Государственная политика и управление : учеб. пособие / С.В. Решетников [и др.] ; под ред. С.В. Решетникова. – Минск : РИВШ, 2013. – 180 с.
11. Бабосов, Е.М. Путем позитивных изменений: основные направления модернизации политической системы Беларуси / Е.М. Бабосов // Беларус. думка. – 2014. – № 1. – С. 57–63.
12. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию : материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских

и местных государственных органов / О.В. Пролесковский, И.А. Корендо, Н.В. Петкевич [и др.]. – Минск : Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2003. – 191 с.

13. Лукашенко, А.Г. Сильная экономика и честная власть – фундамент независимости страны и процветания нации : Послание Президента Респ. Беларусь белорус. народу и Нац. собранию Респ. Беларусь / А.Г. Лукашенко // СБ – Беларусь сегодня. – 2014. – 22 апр. – С. 2–8.

14. Криштапович, Л.Е. Формула социального оптимизма / Л.Е. Криштапович, Б.М. Лепешко // Беларус. думка. – 2010. – № 11. – С. 56–63.

15. Постников, А.Е. Конституция Российской Федерации и развитие демократических основ государственности / А.Е. Постников // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2013. – № 5. – С. 764–772.

16. Ковалев, М.М. Двадцатилетие президентской республики: краткие экономические итоги в качестве приоритетов 4 пятилетки / М.М. Ковалев // Беларус. думка. – 2014. – № 8. – С. 3–9.

Koktysh M.G. President – Guarantee Process of Formation of the Belarusian State Ideology

The President has initiated the development and guide the Belarusian state ideology, aimed at building a democratic, strong, Belarus, and is based on rule of law, human rights and freedoms. The basic condition for the stability of the state serves a cohesive society, ideas, values and norms that unite all citizens, a strong and effective state power in the country. In the mechanism of realization of the Belarusian state ideology leading role belongs to the Head of State on the formation of the concept of effective social and economic policies, the stability of society.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.09.2014

УДК 930 (476)+357.71

Э.Н. Северин**СВОБОДА СОВЕСТИ КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН**

Сравнительный анализ свободы совести в различных странах и регионах мира показывает, что данный феномен имеет разный смысл и восприятие в теории и на практике. Каталог прав человека никогда не будет окончательным и исчерпывающим. В современном научном и политическом мире круг проблем, которые охватывает содержательное поле свободы совести, также существенно расширился. Религиозный экстремизм и религиозный фундаментализм стали синонимами международного терроризма, источниками дестабилизации государственных, региональных политических систем и международного правопорядка в целом. В данном контексте особую актуальность приобретает свобода совести, призванная исходить из разнообразия мировоззренческих позиций. В предложенном исследовании особое внимание уделено проблеме политико-правового понимания свободы совести, отражён авторский подход к определению данного понятия.

Введение

Свобода совести и связанные с ней вопросы конфессиональной политики представляют собой сложный многоуровневый феномен и требуют системного анализа через призму политической науки. Свобода совести является одной из важнейших и неотъемлемых свобод человека, политической и духовной ценностью, важным политико-правовым принципом, средством гармонизации отношений между индивидом, гражданским обществом и государством. По мнению А.В. Пчелинцева, свобода совести, присущая индивиду, является центральным, стержневым принципом, на котором покоятся не только его права и свободы, но и его общественная безопасность и уважение к его личности [1, с. 8]. М. Киркхем определяет свободу совести и свободу вероисповедания в качестве «модели для защиты основных прав человека в целом» [2].

Политика всегда являлась особым видом деятельности, в которой основополагающую роль играли и играют идеи. Значимая идея протестантизма – свобода совести – стала катализатором политико-правовых изменений в Европе. Таким образом, идея свободы совести явилась основной предпосылкой в борьбе за политические и экономические права; нельзя отрицать и того, что свобода совести в её полной форме стала важным фактором общеевропейского процесса институционализации прав человека.

В данной статье ставится цель исследовать феномен свободы совести как политико-правовое явление.

Значительный вклад в разработку, правовое оформление и законодательное включение в жизнь принципов свободы совести внесли гуманисты эпохи Возрождения и Реформации, мыслители Просвещения, либералы XVIII–XIX вв. Получив «естественное» объяснение, свобода религиозной совести получала секуляризованное гражданское звучание как личное право и гражданская свобода [3, с. 221]. Таким образом, по времени возникновения право на свободу совести и вероисповедания относится к первому поколению прав человека, сформировавшихся в процессе осуществления буржуазных революций и реализующих так называемую «негативную свободу». Английский философ Дж. Локк в «Послании о веротерпимости» писал: «Свобода совести есть естественное право каждого человека ...и никого не должно принуждать в вопросах религии законом или силою» [4, с. 175]. Принятый в Англии в 1689 г. «Акт о веротерпимости» признал за лицами, не принадлежащими к англиканской церкви, свободно управлять свои религиозные культы.

Научный руководитель – Л.Е. Земляков, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии Белорусского государственного университета

Долгое время понятия «свобода совести» и «свобода вероисповедания» отождествлялись. «Свобода вероисповедания и свобода совести – собственно говоря, одно и то же. Но между ними проводится искусственное различие, и под именем свободы вероисповедания разумеется исключительно совокупность прав, предоставленных давнишним, исконным последователем одного из признанных государством вероучений», – писал в начале XX в. К.К. Арсеньев [5, с. 9]. Если мы обратимся к анализу советского законодательства, то обнаружим, что понятие «свобода совести» в значительной степени было равнозначным понятию «свобода вероисповедания». Это хорошо видно из ст. 52 Конституции СССР 1977 г., которая гарантировала свободу совести, т.е. право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести антирелигиозную пропаганду. Современные российские учёные М.В. Баглай и В.А. Туманов также рассматривают свободу совести и вероисповедания как единое понятие: «Свобода совести и вероисповедания – право человека как быть атеистом, т.е. не верить в Бога, так и верить в Бога в соответствии с учением той или иной свободно выбранной им религии (вероисповедания)» [6, с. 414].

На наш взгляд, «свобода совести» – более широкое понятие, чем «свобода вероисповедания»; они соотносятся как родовое и видовое понятия, как общее и частное. «Свобода совести» основывается не только на религиозных, но и на нерелигиозных убеждениях. В содержательное поле свободы совести наряду со «свободой вероисповедания» входит также понятие «веротерпимость», которое следует рассматривать как начальную низшую ступень в традиции этих категорий. Ибо в требованиях веротерпимости нетрудно разглядеть зародыш будущего требования свободы совести [7, с. 102].

В исследованиях белорусских, российских, украинских учёных присутствует немало определений понятия «свобода совести». Это объясняется многообразием научных подходов и заинтересованностью целого ряда наук, проводящих исследования в данной области, а также сложностью и многогранностью исследуемого феномена, включающего в себя такие составляющие, как политика и право, церковь и государство, экономика и культура и др. В.Н. Савельев трактует свободу совести «как обеспечение в обществе демократических прав и свобод, реально гарантирующих личности свободный выбор между религиозным и атеистическим мировоззрением и возможность проявлять свои убеждения в обществе» [3, с. 97]. Г.Г. Черемных определяет свободу совести как комплексный правовой институт, сочетающий в себе элементы личной и публичной свободы, право исповедовать или не исповедовать религию, отправлять или не отправлять религиозные культы, вести религиозную или атеистическую пропаганду [8, с. 31]. В.В. Старостенко характеризует свободу совести, как «свободу человека самостоятельно определять своё отношение к религии, осуществлять выбор между мировоззренческими альтернативами – быть последователем какой-либо религии либо отвергать религиозную веру, вести религиозный либо безрелигиозный образ жизни, а также свободно выражать и распространять данные убеждения» [9, с. 1]. Т.В. Минченко с целью расширения «свободы совести» предлагает динамическую модель этого понятия, включающую в себя следующие этапы и одновременно составные элементы: 1) религиозная терпимость; 2) религиозная свобода; 3) свобода совести; 4) единая свобода мысли, совести и религии – мировоззренческая свобода [10, с. 22].

В широком смысле феномен свободы совести охватывает всю область духовного, мировоззренческого бытия человека и не сводится к выбору религиозных или нерелигиозных убеждений. М.Ю. Бабий отмечает: «Свобода совести – это один из атрибутов индивидуальности, что характеризует её внутреннюю способность к осмыслению, оценке разных мировоззрений, в том числе и религиозных парадигм; способность свободно без внешнего принуждения делать выбор, определяться, переводить их ценност-

но-смысловые параметры в плоскость собственных убеждений, а также реальная возможность самоутверждения и самореализации на их основе» [11, с. 6].

На наш взгляд, свобода совести – это системообразующее право в системе прав человека, основополагающее неотъемлемое право каждого на свободный мировоззренческий выбор, не влекущий за собой ограничения в других гражданских правах и свободах или их утрату.

Теоретики и практики прав человека часто предполагают, что концепция прав человека носит светский характер и что она обычно имеет приоритет перед другими ценностями. Эти предположения являются спорными для тех, кто обращается к правам человека с точки зрения религиозных убеждений. Право на свободу совести как свободу мировоззренческого выбора относительно религиозного либо нерелигиозного восприятия действительности определяет выбор индивидом не только мировоззренческой позиции (своего социального статуса), но и социально значимого поведения (своей социальной роли) [12, с. 6]. От реализации этого системообразующего права зависят способность индивида самореализоваться в личность; возможность преодолеть противоречия между тенденциями, обусловленными опережающим развитием цивилизации и природой человека; способность государства к устойчивому развитию без политических взрывов и потрясений. Свобода совести неразрывно связана с понятием индивидуальной свободы, которая, в свою очередь, является важнейшей составляющей свободы личности, характеризует степень демократичности политико-правовой системы. «Свобода совести есть, прежде всего, естественное право человека, право, в котором органично соединяются политический, нравственный, религиозный аспекты самораскрытия человеческой свободы» [13, с. 16].

В современной научной литературе существуют различные варианты отнесения свободы совести к определённому типу прав человека. В.С. Нерсисянц утверждает, что свобода совести и вероисповедания входит в число личных (индивидуально-человеческих) прав и свобод, признающих и защищающих человека как отдельное природное и духовное существо, как свободную личность [14, с. 336–337]. А.И. Ковлер относит право на свободу мысли, совести и вероисповедания к категории гражданских и политических прав [15]. А.И. Соловьёв, Э.П. Григонис, В.П. Григонис относят свободу совести к политическим правам (большинство советских учёных также причисляли свободу совести к категории политических прав) [16; 17].

Понятие свободы совести закреплено в ряде международных документов: Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека (10 декабря 1948 г.), Международном пакте о гражданских и политических правах (16 декабря 1966 г.), Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1 августа 1975 г.), Парижской партии для Новой Европы (21 ноября 1980 г.), Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений (25 ноября 1981 г.), Итоговом документе Венской встречи представителей государств-участников совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (15 января 1989 г.), Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (26 мая 1995 г.). Вышеназванные международные нормативно-правовые акты провозглашают право каждого на свободу совести и религии. Однако имеются и некоторые отличия. Например, Международный пакт 1966 г. не содержит положения о том, что можно менять религию, что связано с реакцией некоторых стран, прежде всего мусульманских, при подготовке и подписании Пакта. Кроме того, Международный пакт, Европейская конвенция и Конвенция СНГ содержат положения о возможностях ограничения свободы исповедовать религию.

В основе современных международных стандартов в области свободы совести заложены следующие базовые политические ценности:

1. Внутренняя свобода. Основные международные документы утверждают, что каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии. В отличие от религии право

на свободу совести в рамках внутренней свободы является абсолютным правом и не может быть подвергнуто никаким ограничениям. Т.е. право «выбирать (менять)» и «иметь (принимать)» религию или вероисповедание является частью абсолютного права внутренней свободы, и любые законодательные положения, устанавливающие какие-либо ограничения в этой области, несовместимы с природой требований права внутренней свободы. Поэтому посягательство на внутреннюю свободу человека составляет отрицание коренного источника всякой нравственности, а вместе с тем нарушение первого и священнейшего из человеческих прав. В области совести человек один – хозяин; здесь господствует прирожденное ему право, которое не подлежит никаким внешним ограничениям [18, с. 5].

2. *Внешняя свобода.* Часть 1 ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах гласит: «Каждый имеет право свободно, как единолично, так и сообщая с другими, публично или в частном порядке исповедовать свою религию и убеждения». Это предполагает, что спектр защищаемой деятельности достаточно широк: защите подлежат не только права отдельных лиц, но и права целого сообщества. Раньше считалось, что свобода совести является исключительно индивидуальной свободой, она присуща индивидууму, взятому самому по себе, но теперь всё более очевидным становится, что осуществление этого права имеет смысл только в сообществе людей [19, с. 51]. Однако выражение религиозных убеждений или верований в отличие от внутренней свободы может быть ограничено при строго определённых обстоятельствах.

3. *Равенство и недискриминация.* Данное положение налагает на государства обязательства создавать условия для реализации и обеспечения свободы совести всем, кто является субъектом их юрисдикции, вне зависимости от расы, цвета кожи, пола, религии или убеждений, политических или иных взглядов, любых иных возможных дискриминационных факторов. При этом законодательство, признающее исторически обусловленные роли определённых религий в формировании истории конкретного государства и народа, допускается при условии, что данное положение не является поводом для дискриминации.

4. *Нейтралитет и объективность.* Данные ценности предполагают, что государство должно воздерживаться от принятия чьей-либо стороны при возникновении каких-либо религиозных споров. В процессе разрешения подобных конфликтов государство должно создать все условия для того, чтобы стороны смогли договориться.

5. *Неприменение силы.* В некоторых политических сообществах право «выбирать (менять)» или «иметь (принимать)» религию или вероисповедание подвергается давлению со стороны государства и/или общества. Законодательная база современного государства должна быть направлена на защиту индивида (группы) от недопустимого давления в области свободы совести. При этом неприменение силы (непринуждение) может распространяться и на такие требования, как воинская служба, принятие присяги, иные виды деятельности, регулируемые государством, которые побуждают индивида принимать другие убеждения. Так как всё, что связано с принуждением государства, должно рассматриваться и применяться с особой тщательностью.

6. *Веротерпимость и уважение.* В современном мире политические конфликты приобретают религиозную окраску и характер межконфессионального и межэтнического противостояния. Эти проявления характерны и для современных России и Украины. Одной из причин международного терроризма также является религиозный экстремизм. Спецификой этих процессов является «аморальный симбиоз религии и политики, который всё более обостряет и затягивает конфликты в межэтнических межконфессиональных отношениях» [20, с. 108]. Современное демократическое государство должно создавать условия для формирования толерантности и веротерпимости, взаимоуважения между представителями различных конфессий, а также верующими и неверующими

ми. Требований по обучению веротерпимости, включённой в какой-либо нормативно-правовой акт, не существует, но возможно, что предложение ввести такое положение будет уместно.

7. Право на объединение. Важным компонентом прав индивида, указывающих на свободу совести и религии, является разрешение на создание общественных организаций в целях развития религиозных убеждений. Это право вытекает из природного достоинства человеческой личности [21, с. 76]. В современных политико-правовых условиях большинство религиозных групп (объединений) предпочитает приобретать правосубъектность для того, чтобы осуществлять свою деятельность в полном объёме. Приобретение правосубъектности является одним из наиболее важных аспектов на правообъединение.

8. Право на эффективные средства политико-правовой защиты. Стороны, отстаивающие свои религиозные права и убеждения на основе верховенства закона, имеют право на эффективные средства судебной защиты, в том числе право на апелляцию и восстановление в правах.

Свобода совести нашла своё отражение в документах Русской православной и Римско-католической церкви. В «Основах социальной концепции Русской православной церкви», принятых Юбилейным Архиерейским Собором в 2000 г., говорится: «Утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей. Но этот принцип оказывается одним из средств существования Церкви в безрелигиозном мире, позволяющим ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих или неверующих слоев общества» [22, с. 55–56].

В Декларации «О религиозной свободе» Римско-католической церкви, принятой на II Ватиканском Соборе в 1965 г., отмечается, что человеческая личность имеет право на религиозную свободу. Эта свобода состоит в том, что все люди должны быть свободны от принуждения со стороны как отдельных лиц, так и социальных групп, а также какой бы то ни было человеческой власти, дабы благодаря этому в религиозных вопросах никого не заставляли действовать против своей совести и не препятствовали действовать в должных пределах согласно своей совести: как в частной, так и в общественной жизни, как в одиночку, так и в сообществе с другими людьми [23, с. 283–295].

Свобода совести не является исходной особенностью (качеством) ни одного государства, ни одной политической системы. В современном мире многие меньшинства, в том числе и религиозные, страдают от различных форм дискриминации и сегрегации. Эта проблема особенно характерна для несветских государств, которые вынуждены поддерживать главную религию. В современном мире государство отвечает за разработку механизмов защиты индивидуального выбора. Лучший результат достигается только тогда, когда государство и его органы не делают разницы между теми, кто исповедует определённую религию, и теми, кто не исповедует никакой, не говоря уже про отличие верующих различных конфессий. Таким образом, системообразующим элементом политико-правового института светскости государства является свобода совести. В условиях многоконфессиональной структуры современных государств только секуляризованные демократические государства являются более способными эффективно реализовывать политику в области свободы совести в силу того, что эти государства обеспечивают разумные возможности для различных религиозных течений, а все религии одинаково соотносятся с государством, которое, в свою очередь, обеспечивает на основе равенства права и свободы человека.

Нельзя, правда, сказать, что та или иная модель секуляризма будет лучшей в определённых обстоятельствах. С мнением о том, что наилучшую защиту прав человека обеспечивает демократический режим, согласны почти все. Следует, однако, огово-

риться, что это утверждение справедливо лишь тогда, когда выработана система, защищающая меньшинство от произвола большинства. В противном случае права слабого, непохожего, несогласного будут ущемляться самым демократическим способом [24, с. 4]. Со временем между государством и религиозными организациями налаживаются определённые связи. Светские государства делают это по-разному в теории и на практике. И эти отличия имеют влияние на возможность государства защитить выбор индивида и в полной степени обеспечить выбор свободы совести. Наличие в государстве политически доминантных религиозных (нерелигиозных) элит не способствует созданию атмосферы веротерпимости. Одним из элементов интерсекциональности (множественная дискриминация) является чёткая связь между недискриминацией по признаку расовой и этнической принадлежности и свободы вероисповедания. Хотя право на свободу вероисповедания – это важное автономное право, опыт показывает, что наиболее всего нуждаются в защите этого права представители религиозных меньшинств, принадлежащие зачастую также к расовому или этническому меньшинству [25, с. 99].

С точки зрения характера и степени влияния религии и религиозных организаций на принятие политических решений и государственную политику в целом государства (политические системы) можно разделить на несветские и светские. В свою очередь, несветские – на теократические, альянсные и формально светские; светские – на антирелигиозные, нейтральные и партнёрские.

Теократические. Государства (Исламская Республика Иран, Мавритания, Афганистан и др.), в которых политическая власть принадлежит церковным иерархам либо эти лидеры оказывают определяющее влияние на государственную политику.

Альянсные. (Бангладеш, Ливия, Непал, Аргентина, Бирма, Бутан и др.); одна религия здесь имеет приоритет над другими.

Формально светские. Государства, в которых действует одна официальная церковь или религия, но при этом принимаются и признаются другие религии (Великобритания, Швеция, Дания, Исландия, Норвегия, Греция, Болгария и др.); такие государства официальную религию имеют только формально.

Антирелигиозные. (СССР и страны советского блока, Китай и др.). В этих государствах реализация права на свободу совести довольно ограничена. Государство отделяет религию от государства, но при этом систематически вмешивается в дела религиозных организаций, в религиозные свободы и культуры.

Нейтральные. (США после 1791 г. – после принятия Первой поправки к Конституции; Франция после 1905 г. – после принятия Закона об отделении церкви от государства). Государства, в которых проводится политика отделения религии от государства, но при этом церковь не вмешивается в дела государства, при этом и государство избегает вмешательства в религиозную деятельность.

Партнёрские. К ним можно отнести большинство стран современного мира.

К светским государствам относятся страны, которые не имеют государственной религии, но при этом сохраняют равное отношение ко всем религиям и атеистам. Такие государства обеспечивают реализацию общих принципов прав человека, сохраняя за собой право вмешиваться при необходимости во внутренние дела религиозных групп. Формы подобного вмешательства могут быть разными: государственное принятие соответствующих нормативно-правовых актов, контроль за религиозными учреждениями образования, равная помощь религиям и т.д. Государство может неодинаково относиться к той или иной религии, однако оно обеспечивает то, что связи между религиозными и политическими институтами регулируются устойчивыми принципами прав человека. К данному типу государств, на наш взгляд, можно отнести Республику Беларусь.

С точки зрения существующих политико-правовых условий для реализации свободы совести государства (политические системы) можно разделить на дискриминационные и недискриминационные.

Дискриминационные характеризуются дискриминационными проявлениями по отношению к представителям «недоминирующих» религий (конфессиональных групп), а также сложившимися в государстве и обществе официальными и неофициальными условиями (законодательная база, общественное мнение, религиозный фанатизм и др.), способствующими дискриминации в области свободы совести. Недискриминационные – отсутствием дискриминации и благоприятными политико-правовыми условиями для обеспечения свободы совести.

Оделение церкви от государства не является гарантом реализации и обеспечения свободы совести. Важность свободы совести тесно связана с потребностью равного отношения к защите прав и свобод разных людей. Это обеспечивает реализацию принципа равенства и равноправия. Нарушения свободы совести могут иметь различные причины и принимать различные формы дискриминации, политически, социально-экономически и культурно влияя на качество жизни индивида. Свобода совести не обеспечивается сама по себе. Её обеспечение должно быть одной из фундаментальных задач международного сообщества и правительств даже тех государств, в которых не отмечаются явные проявления дискриминации в данной области.

Очевидным остаётся и тот факт, что «западный характер прав человека» не находит в ряде стран современного мира политических, цивилизационных, социальных и экономических условий для их восприятия, что порождает новые противоречия в данной области. Каждая нация обоснованно убеждена, что основы прав человека органически заложены в местных культурах и религиях, которые и должны использоваться как первичные интерцивилизационные ориентиры в универсальной международной концепции прав. Несомненно, что культуры и религии изменяются с течением времени, однако, например, тысячелетние ценности буддизма, даосизма и конфуцианства остаются важнейшими факторами, объясняющими способ мышления и поведения китайцев, японцев, корейцев и индусов [26, с. 17]. Вместе с тем именно свобода совести способствуют консолидации современного политического мира в борьбе с нарушениями прав человека. Как социально-политическое явление свобода совести ориентирована на терпимое восприятие оппонента, его мировоззрения и мнения ориентированного на общечеловеческие ценности; склонность к консенсусному разрешению назревших проблем и бесконфликтному характеру политической деятельности.

Учет ценностей традиционных культур позволяет расширить и активизировать деятельность по защите прав человека. При этом учитывается, что все культуры пронизаны определенными общими принципами: ни одна культура не допускает эксплуатации человека; ни одна религия не разрешает убивать невиновных; ни одна цивилизация не принимает издевательств и террора; издеательства противостоят естественны человеческому сознанию; жестокость и беспощадность считаются неприемлемыми явлениями в любой культурной традиции [27, с. 261].

Политическая функция прав человека реализуется в возможности участия (как индивидуально, так и коллективно) в общественно-политической жизни, распределении и ограничении государственной власти, непосредственном участии в управлении государством и др. Вместе с тем существует опасность установления диктатуры большинства, возможной в любой демократической политической системе. И здесь определяющее значение имеет свобода совести, призванная исходить из разнообразия мировоззренческих позиций. Тесно связанная со свободой мысли и убеждений, она выступает в роли третьей стороны при конфликте этих интересов, не допуская нарушений интересов меньшинства, прав человека в целом.

Заклучение

Диапазон функционирования свободы совести в политической действительности охватывает вопросы обеспечения конструктивного взаимодействия между разными субъектами политики, цивилизационными, конфессиональными и иными социальными общностями, дипломатические вопросы, проблемы нахождения компромисса и политических союзников, разрешения политических конфликтов, политического плюрализма.

Политическая составляющая содержания свободы совести определяется характером политической системы того или иного государства, ролью религии и религиозных организаций в политической и духовной жизни общества, уровнем развития науки и культуры, историческими традициями, рядом других факторов. С точки зрения историко-политического развития свобода совести стала основой протестантизма, итогом общеевропейского процесса Реформации, инициировала появление светского источника прав человека. Само существование принципа свободы совести делает возможным и обоснованным существование различных источников (достоинство, природа человека, Бог и др.) и концепций прав человека (светские, теологические концепции).

Таким образом, свобода совести – это системообразующий феномен в системе прав человека, определяющий специфику взаимодействия различных субъектов политики, конфессиональных, этно-национальных, иных социальных общностей и индивидов, проявляющийся в терпимости и взаимопонимании и оказывающий стабилизирующее влияние на существование и развитие личности, институтов гражданского общества, государства и политической системы в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пчелинцев, А. Религия и права человека / А. Пчелинцев // Религия и права человека: На пути к свободе / сост. Л. Воронцова, А. Пчелинцев, С. Филатов ; под общ. ред. С. Филатова. – М. : Наука, 1996. – С. 7–11.
2. Political Culture and Freedom of Conscience: A Case Study of Austria [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.iclrs.org/docs/austriaaust>. – Date of access : 23.08.2014.
3. Савельев, В.Н. Свобода совести: история и теория / В.Н. Савельев. – М. : Высш. школа, 1991. – 143 с.
4. Локк, Дж. Послание о веротерпимости / Дж. Локк // Соч. : в 3 т. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 91–134.
5. Арсеньев, К.К. Свобода совести и веротерпимость / К.К. Арсеньев – СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1904. – 292 с.
6. Баглай, М.В. Малая энциклопедия конституционного права / М.В. Баглай, В.А. Туманов – М. : Бек, 1998. – 519 с.
7. Земляков, Л.Е. Религиозные процессы в Беларуси. Проблемы государственно-правового регулирования / Л.Е. Земляков. – Минск : РИВШ, 2001. – 207 с.
8. Черемных, Г.Г. Свобода совести в Российской Федерации / Г.Г. Черемных ; под ред. Ю.А. Дмитриева. – М. : Манускрипт, 1996. – 184 с.
9. Старостенко, В.В. Свобода совести в международных документах о правах человека и её законодательное закрепление в Республике Беларусь : метод. рекомендации / В.В. Старостенко. – Могилёв : МГУ имени А.А. Кулешова, 2005. – 16 с.
10. Минченко, Т.В. Проблема свободы совести в эпоху постсекулярности: истоки и перспективы : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01 / Т.В. Минченко ; Томск. гос. ун-т. – Томск, 2011. – 40 с.
11. Бабій, М.Ю. Свобода совісті: сутність і структура / М.Ю. Бабій // Релігійна свобода: гуманізм і демократизм законодавчих ініціатив в сфері свободи совісті (міжнародний і український контекст) / За заг. ред. А. Колодного, О. Сагана. – Київ : Відділення релігієзнавства Ін-ту філософії імені Г.С. Сковороди НАН України, 2000. – С. 6–9.

12. Алейникова, С.М. Государственное регулирование социальных отношений в сфере реализации свободы совести : автореф. дис. ... канд. социолог. наук : 22.00.08 / С.М. Алейникова ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2008. – 22 с.
13. Акопян, Г.А. Свобода совести: философско-антропологическое измерение : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Г.А. Акопян ; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2009. – 22 с.
14. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства : учебник для юрид. вузов и факультетов / В.С. Нерсесянц. – М. : НОРМА-ИНФРА, 1999. – 552 с.
15. Ковлер, А.И. Антропология права : учебник для вузов / А.И. Ковлер. – М. : НОРМА, 2002. – 480 с.
16. Соловьёв, А.И. Политология. Политическая теория, политические технологии : учебник для студентов вузов / А.И. Соловьёв. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 559 с.
17. Григонис, Э.П. Конституционное право зарубежных стран : курс лекций / Э.П. Григонис, В.П. Григонис. – СПб. : Питер, 2002. – 416 с.
18. Скобельцына, Ю. Свобода совести / Ю. Скобельцына ; под ред. И.И. Ивановова. – СПб. : Тип. С.М. Проппера, 1906. – 23 с.
19. Сабо, И. Идеологическая борьба и права человека / И. Сабо. – М. : Юрид. лит., 1981. – 136 с.
20. Медведко, Л.И. Россия, Запад и ислам (диалектика и синергетика в «интегральном сопряжении» войны и мира) / Л.И. Медведко // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 1. – С. 106–117.
21. Matvejuk, G. Konstytucyjno-ustanowa regulacja wolności zrzeszania się w celach religijnych w Polsce / G. Matvejuk // Конституционно-правовое регулирование общественных отношений в Республике Беларусь и других европейских государствах : сб. науч. ст., посвященный 20-летию кафедры государственного, трудового и сельскохозяйственного права ГрГУ имени Я. Купалы. – Гродно : ГрГУ имени Я. Купалы, 2009. – С. 76–90.
22. Церковь и мир. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru>. – Дата доступа : 02.08.14.
23. Документы II Ватиканского собора. – М. : Паолине, 1998 г. – 589 с.
24. Зисерман, Д. Права человека в Израиле / Д. Зисерман. – Иерусалим : Тезна, 2001. – 40 с.
25. Борьба с терроризмом и защита прав человека. – БДИПЧ ОБСЕ, 2009. – 312 с.
26. Божанов, В.А. Права человека: новые мировоззренческие подходы и преподавательская практика / В.А. Божанов // *Преподавание прав человека в высших учебных заведениях: опыт, проблемы, перспективы* : сб. материалов межвуз. науч.-метод. семинара ; Брест, 8 дек. 2009 г. / науч. ред. И.И. Котляр. – Брест : БрГУ, 2010. – С. 12–22.
27. Котляр, И.И. Республиканский научно-методологический семинар по правам человека и гражданскому обществу как явление научной жизни страны / И.И. Котляр // *Вучон. запіскі Брэсц. ўн-та. Ч. 1. Гуманіт. і грамад. навукі*. – Вып. 9. – 2013. – С. 259–261.

Severin E.N. Freedom of Conscience as the Political and Legal Phenomenon

Comparative analysis of Freedom of Conscience in different countries and regions of the world shows that this phenomenon has a variety of meanings and perception in the theory and practice. Directory of Human Rights will never be final and complete. In the modern scientific and political world the range of problems connected with Freedom of Conscience, has also significantly increased. Religious extremism and religious fundamentalism have become synonymous with international terrorism, sources of destabilization of the state, regional political systems and international law in general. In this context, of particular urgency has become the Freedom of Conscience that is supposed to come from a variety of ideological positions. In the proposed study special attention is paid to the problem of political and legal understanding of Freedom of Conscience, the author's approach to the definition of this notion is reflected.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.09.2014

УДК 316 (1-87)

Л.Г. Титаренко

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ТИПЫ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА МИНСКА)

В статье рассматриваются проблемы формирования экологически ориентированного типа поведения населения Минска в современных условиях общества риска. На материалах эмпирического исследования автор анализирует уровень экологических знаний, информированности разных групп горожан по проблемам экологии, выявляет приоритетные экологические ценности и сопоставляет их с конкретными типами поведения в повседневной жизни. К активному типу отнесено 10–11% респондентов, к экологически информированному пассивному типу – 50%, безразличному типу – 28%, 11% – к типу активных, но неинформированных. Делается вывод об общем низком уровне развития экологического активизма жителей Минска независимо от возраста и образования.

Введение

Актуальность проблемы исследования экологического поведения населения Беларуси в условиях современного общества, называемого «обществом риска», связана с избранным страной путем устойчивого развития, а также необходимостью воспитания у населения соответствующих моделей и типов поведения. В частности, речь идет об осознании населением остроты глобальных экологических проблем, формировании соответствующих экологических ценностей и типов повседневного поведения, соответствующих принципам и целям устойчивого развития общества – гармоничным отношениям общества с природой, бережного отношения к окружающей среде, внедрения природосберегающих технологий и т.п. Экологическая составляющая устойчивого развития ориентирует общество на поддержание жизнеспособности экосистемы, на защиту окружающей среды и формирование у граждан экологически ориентированного образа жизни наряду с глубоким осмыслением ими экологических проблем и угроз, отказом от потребительски-утилитарного отношения к среде обитания и утверждением экоцентристского подхода к развитию общества. Поэтому формирование типа поведения, «дружественного» по отношению к природе, соответствующего экологическим ценностям, является актуальной научной и практической проблемой. В урбанизированной Беларуси она особо важна для горожан. Целью эмпирического исследования, проведенного под руководством автора, было конструирование базовых типов поведения минчан в их отношении к природной среде. Основные задачи включали выявление динамики экологических ценностей населения города в условиях нарастания глобальных рисков, уровня информированности граждан, мотивация их поведения. Для этого были выделены две целевые группы: студенчество (молодое образованное поколение горожан, обучающихся в вузах) и жители Минска 40–59 лет с высшим образованием (условно – поколение «родителей» этих студентов). Гипотеза состояла в том, что эти две группы ввиду высокого уровня образования могут быть наиболее «продвинутыми» в экологических проблемах и демонстрировать оптимальные типы экологического поведения. Исследование проходило в несколько этапов, общая выборка составила по 1 000 человек для каждой возрастной группы, что позволило нам сравнивать группы между собой, а также сконструировать типы экологически ориентированного поведения, характерные для каждой возрастной группы. Предполагалось, что различия в знаниях и ценностях между поколениями не будут велики, т.к. условия жизни в большом городе сглаживают возможные различия, а высокий уровень образования обеих групп позволяет сознательно

формировать свой образ жизни, руководствуясь экологическими ценностями. Ожидалось, что достаточно большое число молодежи будет включено в экологические групповые практики, а среднего поколения – в индивидуальные действия экологического характера.

Глобальные риски и экологические ценности

В современном обществе, которое называют «обществом риска» [1] и «обществом всеобщего риска» [2, с. 50], резко возрастает число угроз и факторов, которые оказывают (или могут оказать) негативное воздействие на жизнь человека. Среди них важное место занимают экологические факторы: глобальное потепление, загрязнение среды обитания, истощение природных ресурсов, а также экологические и техногенные катастрофы, время от времени (но достаточно регулярно) возникающие в разных точках земного шара. Это и Фукусима, повторившая во многом Чернобыльскую катастрофу, и пожары и наводнения в ряде регионов Европы, и применение химического оружия в локальных войнах, ведущихся по всему миру, и захоронение ядерных отходов. Есть и другие рискогенные факторы, увеличивающие глобальную нестабильность и непредсказуемость: военные конфликты, вплоть до гражданских войн, голод в ряде развивающихся стран, политические перевороты, и т.д. Вместе взятые, эти факторы по-разному влияют на каждое конкретное общество, однако ни одно из них не может избежать в той или иной мере их влияния.

В Беларуси, ориентирующейся на концепцию устойчивого развития, экологические ценности выдвигаются в число приоритетных наряду с ценностями социально-экономической стабильности и роста благосостояния населения. Устойчивое развитие диктует необходимость поддержания жизнеспособности экосистемы, в связи с чем защита окружающей среды и формирование экологически ориентированного образа жизни населения, наряду с глубоким осмыслением экологических проблем и угроз, а также отказом от потребительски-утилитарного отношения к среде обитания человека, становятся экологическими императивами [3; 4]. Распространение в массовом сознании граждан экологических ценностей, перестройка образа жизни населения на экологический лад, активная защита окружающей среды, формирование экологической культуры – необходимые условия дальнейшего устойчивого существования белорусского общества [5]. В то же время это и обязательное условие роста качества жизни населения нашей страны и мира в целом [6; 7].

Прочное закрепление экологических ценностей в массовом сознании невозможно без улучшения экологического информирования, которое может обеспечить население научно обоснованными знаниями и рекомендациями экологического характера, необходимыми для перевода образа жизни граждан на экологический лад. Целью информирования является формирование такого уровня экологических знаний населения, который бы соответствовал уровню экологической культуры, адекватному (с точки зрения современной науки) для понимания важности экологических проблем, и помогал выбору адекватных экологических действий как на уровне общества, группы, территориального сообщества, так и на индивидуальном уровне. Процесс информирования должен опираться на государственную политику, предполагающую наличие экологической идеологии и программы действий, выработанной совместно с организациями гражданского общества [8, с. 5].

Индивидуальные и коллективные экологические ценности и практики являются важными индикаторами перестройки образа жизни населения (хотя они представляют лишь часть индикаторов устойчивого развития общества). Экологически ориентированный образ жизни, основанный на приоритете экологических ценностей, должен стать

нормой в обществе: люди должны заботиться о чистоте окружающей среды, защищать природу, отказываться от излишнего потребления природных ресурсов.

Тот факт, что эгоцентристский подход обуславливает набор гуманистических ценностей, имеющих коллективную природу, поддержание которых предполагает участие в коллективных действиях, не отменяет необходимости активных экологически ориентированных действий отдельного индивида. Поэтому на повседневном уровне в качестве эмпирических индикаторов экологически ориентированных типов поведения населения будут индивидуальные акты поведения (например, использование энергосберегающих технологий в собственном доме), а также участие граждан в коллективных действиях (подписание коллективных петиций экологического характера, совместные акции экологического характера и пр.). Основа такого поведения – экологические ценности и установки на экологизацию образа жизни.

Для выделения тех или иных типов поведения, соответствующих либо не соответствующих экологически ориентированному образу жизни, на эмпирическом уровне социолог комбинирует несколько показателей: уровень экологических знаний граждан (информированность), степень осознания ими актуальности экологических проблем (понимание), внутренней готовности к решению экологических проблем (мотивация), ценности, а также индивидуальные действия, соответствующие экологическим ценностям, участие в коллективных действиях (или хотя бы готовность к участию). Конструирование различных типов экологического поведения осуществлялось в нашем исследовании исходя из того, что оптимальные типы будут характеризоваться высоким уровнем развития всех составляющих образа жизни, тогда как их альтернативой будут типы поведения, отличающиеся низким уровнем экологических знаний, слабым пониманием важности проблем экологии, неучастием в их практическом решении, при доминировании потребительских ценностей и ориентаций.

Экологические приоритеты двух поколений

Важным показателем сформированности экологического сознания граждан является наличный уровень знаний относительно экологической проекции жизни. Информированность населения является гносеологической основой формирования экологической культуры и ценностных ориентаций горожан. По результатам наших исследований был выявлен средний уровень знаний в обеих группах. Оба поколения практически одинаково критически оценили важность различных экологических проблем Минска (выделяют загрязнение воздуха выхлопными газами), республики (радиоактивное загрязнение, загрязнение сточных вод и т.п.). Что касается источников информации, то у студентов на первом месте оказался Интернет, затем – вуз и школа; у поколения родителей – телевидение, затем школа и вуз и чуть меньше остальные СМИ. Очевидно, что оба поколения потребляют не только объективную информацию при обучении в школе и вузе, но и стереотипы массового сознания об экологии, транслируемые в СМИ и Интернете. Разделить реальные знания, базирующиеся на научных данных, и массовые стереотипы (например, порожденные чернобыльским синдромом) в исследовании не представлялось возможным. Отметим, что средний уровень знаний о проблемах экологии недостаточен для продвижения модели устойчивого развития общества и мотивации активного экологического поведения.

Недостаточно высокий уровень знаний свидетельствует о низкой эффективности мер экологического просвещения и низких качественных или количественных характеристиках распространяемой массовой информации, либо о немотивированности населения на усвоение экологических знаний (т.е. о приоритете иных ценностей). Поэтому улучшение информированности населения по проблемам экологии (увеличение числа статей в СМИ по экологической тематике, регулярная публикация материалов на веб-

сайтах, обсуждение экологических проблем в воспитательной работе с молодежью) – задача первой необходимости и с точки зрения рационализации общественного мнения горожан по проблемам экологии, и с точки зрения их последующего включения в экологические действия (сначала хотя бы на уровне двора, квартиры, учебного заведения, а затем и района, города), и формирования гражданской ответственности у молодежи.

Экологические ценности, судя по исследованию, не входят в число приоритетов населения. Из всех перечисленных в анкете экологических ценностей самое высокое место заняли «благоприятные экологические условия жизни» (45%) и «забота об окружающей среде» (40%). Однако аналогичная ценность «сохранение природы» была отмечена лишь третью всех опрошенных, а участие в конкретных экологических действиях принимают 30% студентов и менее 10% лиц среднего поколения. В целом экологические ценности значительно уступают материальным и антропоцентристским приоритетам респондентов. Ценностные приоритеты горожан подтверждают, что, во-первых, уровень наличных экологических знаний населения и принятия ответственности за окружающую среду недостаточно высок, во-вторых, знания далеко не всегда мотивируют горожан на действия, соответствующие этим знаниям, и поэтому не всегда оказывают влияние на их повседневные практики.

Половина опрошенных считала свой уровень знаний достаточным для того, чтобы сделать образ жизни более экологически ориентированным. Лишь пятая часть признала свой уровень знаний по экологическим вопросам недостаточным. И все же не в недостатке знаний кроется проблема. На первом месте среди причин оказались отнюдь не низкие знания, а отсутствие собственной инициативы. Для среднего поколения этот показатель ответов был выше 50%, для студентов – чуть ниже. Иначе говоря, пассивность населения, его практическое безразличие к проблемам экологии – это главный тормоз на пути практической экологизации образа жизни города.

Вторым по важности препятствием экологизации образа жизни было названо отсутствие поддержки и конкретных мер экологического характера со стороны государства (четверть опрошенных). По мнению населения, именно этот институт должен взять на себя инициативу даже в том, чтобы заставить (или мотивировать) граждан перестроить их собственную жизнь на экологический лад. Патернализм глубоко укоренен в сознании населения: за пять лет, прошедших с 2010 г. – начала исследования, как свидетельствует сравнение результатов опроса, картина не изменилась [9, с. 36]. Инертность массового сознания, практическая неготовность населения к самостоятельным реальным действиям по-прежнему мешает горожанам изменить жизнь на экологический лад.

В обществе, ориентированном на модель устойчивого развития, не только социально-экологические движения и организации, но и государство через подчиненные ему СМИ должны постоянно доводить до населения объективную информацию экологического мониторинга экологического состояния среды обитания (в нашем случае – города Минска), рассказывать о долгосрочных (а не сиюминутных) последствиях перехода к экологическому образу жизни. Такая информация должна появляться в СМИ постоянно, в разных стилевых формах, включая рекламу.

Типы экологического поведения

Более половины респондентов на прямой вопрос анкеты ответили, что считают свой образ жизни в той или иной мере экологически ориентированным. Теоретически это означает, что и их поведение экологически ориентировано. Около пятой части опрошенных указали, что за последние пять лет их образ жизни стал более экологичным. Однако эти самооценки не совпадают с ответами респондентов на конкретные вопросы о том, какого рода практики у них преобладают: ориентированные на сохранение среды обитания, бережное расходование ресурсов или расточительство и потребительское от-

ношение к природе. Для оценки экологически ориентированного поведения респондентам были предложены шесть пар высказываний: одно из высказываний в каждой паре соответствовало экологически ориентированному образу жизни, другое – нет. Ответы показали, что более половины всех опрошенных: 1) по возможности выбрасывают мусор в отдельные контейнеры, 2) выбрасывают мусор только в урны и специальные контейнеры, а не куда попало, 3) используют энергосберегающие лампочки вместо обычных, 4) отключают из розетки электрические приборы, которые долго не используются. На два оставшихся вопроса (покупка генно-модифицированных продуктов питания, а также приобретение товаров в упаковке из переработанных материалов) ответы студентов были положительными в 3–4 случаях из 10, тогда как ответы поколения «родителей» – на том же уровне, что и другие их ответы (т.е. более 50% положительных). Исходя из полученных ответов был рассчитан интегральный показатель экологического поведения: он составил для обоих поколений менее 4 баллов из 6 возможных, т.е. на среднем уровне. При этом интегральный показатель экологического поведения молодежи оказался ниже, чем «родителей», прежде всего за счет низкого процента ответов на вопрос о приобретении товаров в упаковке из переработанных материалов. Видимо, студенты не обращают на это внимания либо не считают, что упаковка товаров может повлиять на сохранение природных ресурсов. Так или иначе, по интегральному показателю экологического поведения поколение «родителей» несколько обогнало поколение «детей», хотя обе группы не достигли высокого уровня по этому показателю. Этот результат (средний уровень индивидуальных экологически ориентированных повседневных поступков обоих поколений) может быть обусловлен невысокими показателями уровня информированности населения, неукорененностью их экологических ценностей в качестве базовых и, как следствие, ограниченностью гносеологической базы для реализации знаний на практике, а также отсутствием инициативы со стороны граждан, которое отмечалось самими респондентами.

Говоря об участии респондентов в городских экологических акциях (голосование за кандидата в депутаты с программой действий по защите окружающей среды; обращение в органы власти с заявлением, жалобой по поводу нарушения природоохранного законодательства; финансовая поддержка акций по охране окружающей среды) либо в коллективных акциях экологического характера (уборке территории, посадке деревьев), отметим, что общий уровень активности обеих групп горожан оказался ниже 10%, а по отдельным видам действий – вообще почти на нуле. Однако на прямой вопрос, предпринимали ли граждане какие-либо конкретные действия для решения экологических проблем, 18–19% ответили положительно. Такой ответ соответствует реальности лишь в том случае, если все респонденты принимали участие в разных видах акций, т.к. сумма ответов на все предложенные варианты как раз и дает эту цифру. Если же это были одни и те же активисты, тогда их число не должно было превысить 7–8%. Только эта часть респондентов может быть названа экологическими активистами; скорректированная по другим индикаторам, она составляет примерно 11–12% от числа опрошенных. Это не так мало, учитывая тот факт, что в Беларуси вообще отмечается низкий уровень социально-экологической активности населения. Например, по данным международного исследования ценностей (2011 г., национальная выборка), активное членство в экологических организациях отметило 0,3% респондентов. Такая ситуация типична и для других постсоветских стран: согласно данным того же исследования, показатели для России и Украины были тоже крайне низкие, хотя на участие в экологических демонстрациях указали около 1% в Беларуси, 2% в России и 3% в Украине, а на пожертвования денег экологическим организациям – соответственно 7,9%, 3,7% и 5,2% [10].

Респонденты, не вошедшие в число экологических активистов, не образуют единой пассивной группы: корреляция ответов респондентов об уровне их знаний, устано-

вках на экологические действия, экологических ценностях и участии в конкретных действиях позволяет выделить, кроме уже упомянутого активного типа, собственно пассивный и два промежуточных типа поведения: а) «экологически информированные пассивные граждане», т.е. лица, имеющие достаточный уровень знаний и понимающие важность экологических проблем (судя по их ценностям), но не предпринимающие личных действий экологического характера (48–50%). Возможно, они скептически относятся к экологизации образа жизни, либо не нашли приемлемых для них способов реализации экологических знаний, либо их экологические ценности неустойчивы, б) «неинформированные активные» – лица, плохо информированные по проблемам экологии, но желающие приобрести больше знаний и перестроить свой образ жизни на более экологический (10–11%). Респонденты, попавшие в собственно пассивный тип поведения, отличаются низким уровнем экологических знаний и понимания экологических проблем, отсутствием экологических ценностей, у них нет мотивации к конкретным действиям по перестройке своего образа жизни или же они вообще безразличны к этим проблемам (25–28%). Конкретные цифры, соответствующие тому или иному типу поведения каждого поколения, год от года несколько различались, но тенденция преобладания промежуточного типа при минимальной представленности в обществе экологических активистов сохранялась и в поколении студентов, и в поколении «родителей». Четкой динамики в изменении экологических ценностей, равно как и в типах поведения, зафиксировано не было.

Так или иначе, говоря об экологической активности респондентов и тех мерах и шагах, которые принимаются ими в ответ на возникающие проблемы окружающей среды, необходимо констатировать их низкую экологическую вовлеченность в конкретные практики. И если на групповом уровне это можно объяснить общей социальной пассивностью белорусского населения (во всем, что не касается непосредственно его кошелька), то на уровне индивидуальных действий главная причина кроется в сознании и культуре людей. Очевидно, что большинство жителей Минска (включая студентов) остается на созерцательно-пассивном, т.е. самом низком уровне экологического поведения: люди знают о наличии экологических проблем, хотели бы сделать свой образ жизни более экологичным, но не мотивированы принимать деятельное участие в решении реальных экологических проблем, а их экологическое поведение не выходит за рамки повседневных практик (в лучшем случае). Полагаем, что их экологические ценности так и не стали доминантными, при том что в опросе респонденты это декларируют.

Таким образом, поведение студенчества судя по его практической вовлеченности в экологические акции свидетельствует о высоком уровне экологического безразличия и, скорее, затрудняет переход общества к модели устойчивого развития. Студенты ничем качественно не отличаются от среднего поколения ни в знаниях, ни в предпочитаемых ценностях, ни в уровне экологической активности. Однако, поскольку студенчество выражает заинтересованность в изменении своего образа жизни на экологически ориентированный, государство должно разрабатывать более эффективные меры воздействия на молодое поколение. Продуманный комплекс мотивационных мероприятий (включая экологическое просвещение и образование) на основе экологической идеологии, зафиксированной в государственной экологической политике, поможет перевести данный процесс с уровня намерений на уровень конкретных действий, что может существенно повлиять на экологическое сознание и поведение населения.

Заключение

Существуют объективные условия, затрудняющие переход населения к проэкологическому поведению. Прежде всего, это ситуативное внимание к экологической проблематике (рост экологической обеспокоенности лишь в ситуации реальных эколо-

гических угроз жизнедеятельности населения). Когда интерес к вопросам окружающей среды имеет дискретный характер, внимание людей легко переключается с экологической проблематики на более злободневную в контексте Беларуси экономическую сферу. Игнорирование экологической проблематики негативно отражается на функционировании всего общества в целом. Однако недостаток знаний не является главным препятствием для формирования экологического сознания и поведения жителей Минска. Главное – неготовность граждан перейти к экологически ориентированному образу жизни, массовая ориентация на потребительский тип поведения в повседневной жизни. Перелом сложившейся ситуации требует целенаправленных действий системы образования, ее переориентации на формирование активной экологической позиции граждан, а не информированности как таковой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Beck, U. Risk Society. Toward a New Modernity / U. Beck. – London : SAGE, 1992.
2. Яницкий, О.Н. Социальные движения в современном обществе: вопросы теории / О.Н. Яницкий // Социс. – 2013. – № 3. – С. 50–59.
3. Гвишиани, Д.М. Мосты в будущее. Институт системного анализа / Д.М. Гвишиани. – М. : УРСС, 2004.
4. Медоуз, Д. Пределы роста. 30 лет спустя / Д. Медоуз, Й. Рандерс. – М. : Академкнига, 2007.
5. Устойчивое развитие и социально-экологические параметры качества жизни / под ред. А.И. Зеленкова. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2011. – 292 с.
6. Гирусов, Э.В. Экологическая культура как высшая форма гуманизма / Э.В. Гирусов // Философия и общество. – 2009. – № 4. – С. 74–92.
7. Яницкий, О.Н. К вопросу о концепции экосоциального знания / О.Н. Яницкий // Социс. – 2013. – № 4. – С. 3–13.
8. Яницкий, О.Н. Пожары 2010 г. в России: экосоциологический анализ / О.Н. Яницкий // Социс. – 2011. – № 3. – С. 3–12.
9. Титаренко, Л.Г. Экологический образ жизни минчан / Л.Г. Титаренко // Социс. – 2011. – № 3. – С. 32–37.
10. World Values Survey. Data and documentation. – [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.worldvaluessurvey.org>. – Date of access : 03.06.2014.

Titarenko L.G. Ecological Behavior in a Risk Society: Empirical Types (Case Study of Minsk)

The article discusses the problems of formation of the ecologically oriented types of behavior of Minsk dwellers under the modern conditions of risk society. On the basis of empirical survey the author analyzes the level of ecological knowledge and information of different groups of the city dwellers, discovers the priority ecological values and compares them with the types of behavior in the everyday life. Active type of behavior includes 10–11% of the respondents, ecologically informed but passive type – 50%, indifferent type – 28%, and the rest 11% belong to the type of non-informed but active citizens. The author concludes that the level of ecological activism of the Minsk dwellers is rather low regardless of their age and education.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2014

УДК 316.334.55(476)

Р.А. Смирнова**МАЛЫЙ ГОРОД КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ РЕГИОНОВ**

В статье анализируется роль малых городов в экономической, социально-политической и культурной консолидации населения прилегающих сельских поселений. Обосновывается идея, что одним из ключевых факторов, определяющих социокультурную специфику малых городов и сел, является степень урбанизированности территорий, удаленность той или иной территории относительно крупных городов, экологические и природные особенности. В связи с этим в статье выделяются три типа регионов, включающих малый город и окружающие его сельские поселения: экономически интегрированные регионы, средние или промежуточные регионы, отдаленные регионы. Выделение и анализ социальных проблем сельских поселений и малых городов Беларуси позволили в статье выявить факторы, влияющие на экономическое и миграционное поведение населения сельских регионов и малых городов, способствующих «утечке мозгов» и обеднению человеческого потенциала сельских регионов, усиливающих провинциальность их социальной жизни. Для характеристики трансформаций в жизни малых городов и окружающих их сельских поселений, их специфики в отношении локальных социально-территориальных образований в статье используются понятия образа жизни и менталитета.

В данной статье малые города рассматриваются в сугубо определенном аспекте, а именно как места концентрации социокультурной, хозяйственной и организационной деятельности и общения всех окружающих их сельских территорий, центры социального воспроизводства, нормативно-ролевой регуляции и притяжения сельского населения. Положение малого города и его жителей определяется ситуацией обоюдного влияния как сельского типа образа жизни, так и крупногородского, а эти типы отличаются совершенно разными по свойствам и механизмам воздействия характеристиками. Большинство таких городов выполняет в системе поселений роль связующего звена между сельским районом и крупным городом, прежде всего областным центром. Имея очень тесные и постоянные связи в административно-хозяйственном и культурно-бытовом отношении, а также по линии семейно-родственных отношений с окружающими сельскими поселениями и выступая чаще всего центром местного района, малый город оказывается неразрывно, органически связанным с сельской территорией. Село как разновидность населенного пункта или поселения отличается от городских поселений отсутствием урбанизированной экономики и малой степенью людности. Обычно к сельским поселениям относят населенные места, в которых жители заняты главным образом сельским или лесным хозяйством, промысловой охотой, рыбным промыслом, а также поселения, связанные с другими видами деятельности (обслуживание промышленности, транспорта, строительства, если они имеют малочисленное население и расположены в сельской местности). Однако спецификой крестьянской жизни является не только экономическая сельскохозяйственная деятельность и природопользование (земли, животных, растений) как средства производства, но и особый сельский образ жизни (традиционный уклад, достаток, семейное хозяйство и др.), а также саморефлексия, связанная с самоидентификацией селянина с сельскохозяйственной деятельностью и сельским образом жизни. Поэтому единство производственной деятельности, жизни людей, повседневности существования и восприятия себя частью этого мира является основой функционирования и развития сельских поселений.

В этой связи каждый малый город выполняет свою определенную функцию в административно-хозяйственном и культурно-бытовом отношении в системе сельского региона. Благодаря связям с крупным городом (областным центром) и другими городами он испытывает влияние не только прилегающего сельского района, но и других городов, в первую очередь, более развитых. Подобное (двувекторное) положение малых

городов не может не сказаться на процессе самоидентификации его жителей. Рассматривая фактически любой фактор развития человека в таком городе, можно выделить элементы воздействия, присущие и селу, и большому городу. Данное положение малых городов в отношении сельских поселений обусловлено особой ролью их в экономическом и социокультурном развитии села.

В данной статье малые города и сельские поселения рассматриваются с социологической точки зрения, т.е. не столько как территориально-административная или производственно-экономическая единица, сколько как социокультурное сообщество людей, живущих в данных поселениях. Одним из ключевых факторов, определяющих социокультурную специфику этих населенных пунктов (малого города и села), является степень урбанизированности территорий, удаленность той или иной территории относительно крупных городов, экологические и природные особенности. Близость к городу определяет успехи сельского хозяйства, численность поселений, общий ритм человеческой деятельности, выражающийся среди прочего в больших возможностях для реализации крупных инфраструктурных, производственных и социальных проектов. Мы используем принятую в международной практике типологизацию сельских регионов, модифицированную с учетом национальных, социально-экономических и природных условий Беларуси: по критерию пространственно-территориального расположения и интегрированности в урбанизированную экономику. В связи с этим выделяются три типа регионов, включающих малый город и окружающие его сельские поселения.

1. Экономически интегрированные регионы, располагающиеся вблизи экономических центров и характеризующиеся растущей численностью населения, разнообразным предложением рабочих мест, а также высокоразвитой инфраструктурой. Первоочередными требованиями в таких регионах становятся обеспечение экологического равновесия и защита природного и культурного слоя. В сельском хозяйстве таких регионов часто возникает следующая проблема: на фоне оптимальных условий в сфере занятости (жители могут выбрать работу и в ближайшем городе, и в селе; есть условия для производства и сбыта выращенной продукции; есть возможности получить высшее и среднее образование, живя в сельской местности; благоприятные условия для культурного досуга), растет отчужденность от сельскохозяйственного труда, преступность, алкоголизм, происходит потеря самоидентификации и маргинализация сознания.

2. Средние или промежуточные регионы, которые часто имеют сравнительно благоприятные экономические перспективы развития, особенно если у них центральное местоположение и хорошая транспортная сеть. Кроме того районные органы власти, как правило, ориентируются преимущественно на определенные виды сельского хозяйства и связанные с ними отрасли экономики. Перспективы развития средних регионов определяются прежде всего двумя факторами: во-первых, ритмом, с которым будут проводиться структурные преобразования в приоритетном секторе, особенно в сельском хозяйстве, и во-вторых, темпом, с которым могут быть созданы альтернативные возможности занятости.

3. Отдаленные регионы, включающие малые города и села и характеризующиеся, как правило, низкой плотностью населения, неблагоприятной демографической структурой, низкими доходами и высокой зависимостью от сфер занятости. С их периферийным местоположением и зачастую неблагоприятной экологической ситуацией, а также сравнительно отсталой инфраструктурой, экономические перспективы развития наименьшие, что относит их к регионам с особенно невыгодным положением. Неблагоприятные экологические условия производства и удаленность от рынков сбыта характеризуют неблагоприятные условия для ведения личного, крестьянского и фермерского сельского хозяйства. Таким образом, отдаленные регионы предъявляют наибольшие требования к политике развития сельских регионов. Первоочередной целью

здесь является нахождение соответствующего равенства между экономическим предоставлением услуг, достижением приемлемого стандарта жизни, экономической эффективности и долгосрочной рекультивации окружающей среды.

Отнесение симбиоза «малый город и окружающие его села» к тому или иному типу регионов свидетельствует о его специфических особенностях, выражающихся не только в уровне социально-экономического развития, но и в образе жизни, отражающем специфические ценностные ориентации людей, их жизненные установки и стереотипы поведения, условия жизни, в том числе особенности проживания, социального контроля и партнерства, взаимодействия с природой и др. В Беларуси современные малые города являются не только центрами обширной сельской периферии и концентрации производства (переработка сырья и продукции агросферы, многопрофильные отрасли, локальные рынки, экономический, научный, технический, рекреационный, демографический потенциалы), но и выступают культурно-деловыми, научно-исследовательскими центрами, центрами туризма, услуг. Особое положение занимают города с градообразующим, как правило, ориентированным на переработку сельхозпродукции предприятием пищевой или легкой промышленности. Жизнь в каждом из них имеет свои особенности, но в общем все они характеризуются невысоким уровнем доходов населения, определенной степенью застойности в социально-политической и культурной сферах. В других малых городах, не очень отличающихся от деревень, социальные проблемы выражены не так остро. Жизнь горожан в них не отличается от жизни деревенских жителей. Малые города – «пригороды» – полностью ориентированы на районные и областные центры. Население такого города продолжает поддерживать связь с деревней, но получает городские профессии, адаптируется к городской жизни. Социальные проблемы таких городов обусловлены зачастую маргинальной (полудеревенской/полугородской) культурой населения. Сельский образ жизни напрямую связан с особенностями экономики (отсутствие диверсифицированной экономики и, соответственно, возможности выбора рабочих мест, низкий уровень мобильности рабочей силы), культуры (традиции, народные промыслы, фольклор), экологии, менталитета и т.п. Он характеризуется тесными взаимосвязями людей и их семей в жизни и работе, неприятием взаимоотношений, основанных на принципах индивидуализма, взаимным влиянием в повседневной и гражданской жизни, ценностью семьи и семейной жизни, умением самостоятельно выполнять разные виды работ, обеспечить себя и свою семью минимумом для проживания в сельской местности в любых климатических и природных условиях.

Вместе с тем образ жизни современных селян постепенно меняется, и не только в силу общецивилизационных процессов, но и в результате целенаправленной деятельности государства по обеспечению устойчивого развития села. В частности, это выразилось в создании в сельской местности агрогородков – базовых населенных пунктов, объединяющих окружающие их малые деревни и села. В Беларуси уже создано около 1 500 агрогородков, по уровню жизни и социальным условиям приближенным к городским. Создание агрогородков в качестве сельских поселений нового типа связано прежде всего с необходимостью совершенствования производственной и социальной инфраструктуры с целью улучшения труда и быта сельских жителей, повышения эффективности сельскохозяйственного производства и решения продовольственной безопасности страны. Так как агрогородок – сельское территориальное поселение, то эволюция происходит под воздействием экономического функционирования сельскохозяйственных производств, являющихся градообразующими для их формирования и развития.

Рассмотрение специфических социокультурных особенностей сообществ малых городов и сельских поселений с социологической точки зрения необходимо осуществлять исходя из анализа объективных параметров местного сообщества – микросоциума, границы которого, по мнению специалистов, совпадают с границами самого населенно-

го пункта. Микросоциум – это действующая общность, включающая семью, соседство, группы сверстников, различные общественные, государственные, религиозные, частные, воспитательные организации и контркультурные организации, а также различные неформальные группы жителей. Изменения, происходящие на макроуровне (в мире, стране) актуализировало научный и практический интерес к проблемам, связанным с ценностной трансформацией белорусского социума, ее спецификой и влиянием на состояние и специфику местных сообществ. Для характеристики этих трансформаций и их специфики в отношении локальных социально-территориальных образований, как правило, используют понятие менталитета. В самом общем виде под менталитетом понимают целостную совокупность социально-психологических и духовно-нравственных качеств индивидов и социальных общностей, определяющих их предрасположенность мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом, готовность определенным образом действовать, вырабатывать и защищать определённые ценности, культурные нормы и т.д. В этом смысле менталитет выступает как выражение повседневного облика коллективного сознания. Он отражает связь мировосприятия, совокупности представлений человека о мире и стиля мышления с образом его жизни и поведения, выступает способом ориентации человека в социальном пространстве.

При исследовании менталитета человек рассматривается во взаимодействии с той социокультурной средой, внутри которой он живёт. Малые города и села представляют особый интерес для изучения процесса трансформации ментальности белорусского общества, поскольку здесь выкристаллизовываются все основные проблемы адаптации белорусской провинции к новым социальным условиям. Ядро менталитета – сложный комплекс базовых, фундаментальных, всеобщих, доминирующих потребностей, мотивов и ценностных ориентаций личности в социальном пространстве. Одним из основных способов характеристики менталитета членов того или иного сообщества является анализ предметного содержания ценностей. Трансформация белорусского общества не могла не затронуть систему ценностей и ценностных установок граждан. Эта проблема расценивается многими современными социологами как структурный кризис ценностей. Много говорится и пишется о сельской и городской провинции и как хранильнице исконно национального, самобытного духа, и о разрушении традиционной для белорусской культуры системы ценностей, вестернизации общественного сознания, маргинализации культуры. Отделом социологии регионального развития Института социологии НАН Беларуси ежегодно по республиканской выборке проводятся исследования сельских регионов, включая малые города, в ходе которых изучается динамика ценностных ориентаций населения, особенности менталитета и трудового поведения людей, проживающего в них.

В целях выявления ценностных ориентаций населения малых городов и белорусских сел в соцопросе 2011 г. респондентам было предложено выбрать наиболее значимые для них жизненные ценности. В системе терминальных ценностей населения малых провинциальных городов доминирующими оказались ценности человеческой жизни (93,6%), здоровья (52,2%), семьи (77,1%) и детей (81,3%). Вместе с ними в группу предпочитаемых ценностей вошли любовь (39,4%), материально обеспеченная жизнь (32,2%), работа (31,4%), самореализация (30,6%), благополучие страны (24,8%) и душевный покой (30,3%). К ценностям, имеющим среднюю по уровню значимость, респонденты отнесли образование и знания (21,8%), дружбу (17,4%), помощь людям (19,3%) и самоуважение (18,7%). Низший статус (менее 15%) получили такие ценности, как вера (14,9%), свобода и независимость поступков и суждений (10,5%), карьера и высокое положение в обществе (7,2%), возможность получать удовольствия и развлекаться (5,8%), творчество (5,5%), богатство (3,6%), общественное признание, известность, репутация (3,6%). Структура наиважнейших ценностей весьма незначительно

коррелируется в зависимости от пола и возраста респондентов. Полученные результаты согласуются с данными социологических исследований по всем регионам, что свидетельствует об общих для страны тенденциях в сфере ценностных ориентаций белорусов. Анализ структуры наиважнейших ценностей показывает, что происходит движение ценностной структуры «простого человека» в сторону преобладания ценностей личной жизни и физической выживаемости над всеми остальными. Ценности группы социальных связей, которые должны занимать одно из главенствующих мест в диспозиционной структуре личности, отступили по сравнению с советским периодом на второй план, но значительно повысилась их значимость по сравнению с 2000-ми гг. В результате наблюдается средний уровень значимости таких ценностей, как дружба, интересная работа, самоуважение, вера, взаимопонимание. Рост на этом фоне важности физической выживаемости семьи, сохранения здоровья можно рассматривать как признак некоторой трансформации мировоззренческих и социальных установок людей, самого менталитета жителей малых городов в сторону индивидуализации.

В то же время социальное взаимодействие, которое проявляется в крепких соседско-родственных связях, общих правилах и нормах поведения, в производственной деятельности и т.п., является важным элементом бытия сельских поселений и малых провинциальных городов. Для местных сообществ данного типа поселений характерна эмоциональность социальной жизни вместо нейтральности и безразличия, свойственной большим городам. Эти эмоциональные связи между людьми, существующие в малых локальных сообществах, являются ценным культурным достоянием. И действительно, результаты исследования подтверждают устойчивость принципов естественной солидарности в отношениях между людьми в селах и малых городах. Объединение людей требует реального участия в судьбе другого. Поэтому 90,6% опрошенных жителей малых городов утверждают, что в жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения, а 59,5% считают, что нравственный человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится оторвать что-то от себя. И действительно, 53,2% респондентов указали, что постоянно оказывают своим соседям финансовую помощь, 44,1% – помогают продуктами, одеждой, вещами, 51% – работой в хозяйстве, 31,1% – присмотром за детьми, больными и престарелыми. Тех, кто не оказывает никакой помощи, – меньшинство (3,9%). И хотя каждый пятый респондент заявляет, что им никто не помогает по хозяйству и приходится полагаться только на себя, эти данные не являются, на наш взгляд, свидетельством разрушения идеала взаимовыручки, взаимопомощи или того, что эта помощь и поддержка не будут оказаны. Они скорее свидетельствуют о незначительности тех изменений, которые происходят в менталитете жителей малых городов, о наличии у большинства жителей естественной установки не только полагаться на собственные силы, но и рассчитывать на помощь друзей и знакомых. В целом же можно говорить, несмотря на некоторые изменения, о слабой степени индивидуализации провинциального населения, понимании того, что в жизни всегда помогут, что свидетельствует об общности основных принципов жизнеустройства жителей малых городов и сел Беларуси.

Однако преобладавшие в прошлом ценности интересной работы, самореализации, самоуважения, творчества, общего блага и т.п. во многом оказались вытесненными индивидуально-семейным выживанием. Общим для всех групп опрошенных стал рост значимости семьи (76% респондентов выразили согласие с утверждением, что главное в жизни – забота о здоровье и благополучии, а 86,8% – что люди и государство должны больше всего заботиться о детях). Высокая степень идентификации с семьей свидетельствует об аксиологической значимости этого института для населения. В целом можно сделать вывод о том, что в структуре ценностных ориентаций населения малых провинциальных городов наблюдается стремление к сочетанию ценностей, обеспечи-

вающих успешность деятельности, и традиционных ценностей (72,2% респондентов считают, что главное – это уважение к сложившимся обычаям, традициям). Важным признаком трансформации общественного сознания людей являются изменения значимости для большинства тех или иных смыслов жизни, представлений о жизненном успехе и социальном престиже. Появилась и расширяется «мораль успеха», ранее не характерная для белорусов: так, 83,4% опрошенных считают, что они стали такими, какие они есть, главным образом благодаря собственным усилиям; 60,6% утверждают, что главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве; хотели бы заняться предпринимательской деятельностью 14,3% респондентов. Однако пока эта мораль успеха практически реализуется довольно слабо: только 2,5% опрошенных уже занимается бизнесом, 0,3% – фермерством и столько же агротуризмом. В то же время наблюдается доминирование значимости в глазах людей такой социально ориентированной ценности, как «доброта» (90,9% респондентов считают, что в любых условиях доброта делает человека лучше и чище). И хотя большинство людей полагают для себя важнейшими именно индивидуально-семейные цели, нельзя говорить о разрушении традиционной морали и утверждении индивидуалистической «западной морали». Так, весьма незначительны показатели персонального успеха. В представление о жизненном успехе не включаются такие составляющие, как стремление к власти, первенству в жизненно важных сферах (15%), возможность получать удовольствия, развлекаться (5,8%), общественное признание, известность, репутация (3,6%), карьера, высокое положение в обществе (7,2%). Гораздо выше традиционные ассоциации: надежные друзья (17,2%), интересная работа, профессия (31,4%), самореализация (30,6%), материально обеспеченная жизнь (32,2%).

Таким образом, изменения в ценностных установках свидетельствуют не столько о росте индивидуализма, сколько о смене приоритетов, происходящей под давлением и внешних обстоятельств, и давления идеологического, распространяемого через средства массовой информации. Нужно сказать, что в сознании жителей Беларуси (включая самих жителей сел и малых городов) представление о жизни в селе и малом городе утвердилось в двойственное: оно имеет уничижительный оттенок отсталости, застойности, удалённости от центров цивилизаций, но в то же время существует убеждение, что именно там сохранились здоровые традиции белорусского народа. В национальной традиции особенно отчётливо актуализировался тот факт, что смысл понятия «сельский регион» определяется через оппозицию к понятиям «областные центры – столица». Подобные различия приобретают особо значимый характер в условиях разрывов в уровне и качестве жизни, порождая глубокое взаимное недоверие и даже неприятие. Речь прежде всего идет о преимуществах и недостатках проживания в разных типах поселений с точки зрения престижности, доступности жизненных благ, возможностей для реализации собственных жизненных стратегий.

Главная проблема для населения малых городов – возможность самореализации через место работы, учебы, достижения достойного уровня жизни. Об этом свидетельствуют положительные ответы более половины респондентов на вопрос об отношении к переносу в их город заводов, фабрик и крупных предприятий из больших городов. Они считают, что такая акция будет способствовать развитию малого города: 73,3% респондентов уверены, что увеличится число рабочих мест, 49,6% – остановится отток молодежи в другие города, 49% – будет развиваться город в целом, 31,7% – улучшится благосостояние населения, 26,4% – улучшится инфраструктура города. Сегодня демонстрационный эффект большого города усилился многократно. Жители провинции фактически ограничены в возможностях полной реализации своего потенциала. Видимо, поэтому 15% респондентов из малых городов хотели бы уехать в столицу или областной центр, а 5% – из Беларуси. Согласно опросу 2011 г., 42,1% респондентов из малых

городов и 67,5% из сельской местности не хотели бы, чтобы их дети жили и работали в их населенном пункте. По данным опроса 2013 г., эта цифра увеличилась до 72%. Переживание провинциальности как обделенности достаточно сильно среди респондентов в возрасте до 30 лет. Результаты исследований российских социологов свидетельствуют о том, что в провинциальном сообществе складывается новая региональная идентичность на базе крупнейших городов и наиболее образованных и богатых слоев населения. На эту тенденцию российского общества указывали, в частности, В.И. Пантин и В.В. Лапкин. По их мнению, эта тенденция весьма негативна, так как приводит к формированию средовой маргинальности. Средовая маргинальность – это ситуация несовпадения локусов личного бытия и объективных характеристик среды, несовпадение и личностных, и средовых структур; ситуация, когда личностные параметры (мотивы, смыслы, установки) не совпадают с параметрами среды. Одним из следствий средовой маргинальности является разрушение чувства социальной ответственности за территорию проживания и стремление покинуть некомфортную среду. Молодые люди, у кого есть материальные или творческие планы, стремятся или вынуждено покидают провинцию, предпочитая жить и работать в городах – областных центрах или столице. По мнению социологов, подобная «утечка мозгов» чрезвычайно обедняет сельские регионы и усиливает провинциальность социальной жизни малых городов. Проводимые Институтом социологии НАН Беларуси исследования позволили выявить наличие таких проблем сельских поселений и малых городов Беларуси:

- 1) монопрофильная экономика и отсутствие диверсификации сфер производства;
- 2) ограниченность рабочих мест и занятость населения;
- 3) невысокие уровень и качество развития социальной инфраструктуры;
- 4) организация конструктивного использования жизненного времени населения (что влечет за собой миграцию населения в более благополучные в этом отношении территории);

- 5) низкий общий культурный фон в селе (агрогородке) и малом городе: уровень социальной воспитанности и просоциальности поведения, образования, осознания ценности личной принадлежности к населенному пункту (во многом это связано с недостаточной для этого инфраструктурой, финансированием культурно-образовательных проектов и в целом неверной расстановкой приоритетов не в пользу духовности);

- 6) востребованность и ценность образования и воспитания как феноменов социальной практики.

Если сравнить специфику сельских и провинциальных городских сообществ, то ценностные ориентации сельских респондентов, проживающих в агрогородках и селах, существенно не отличаются от ориентаций жителей малых городов (разве только среди селян немного больше тех, кто доволен, что живет в своем населенном пункте, в селе: 31,1% против 26,4% в малых городах, и меньше тех, кто хотел бы уехать из него: 18% против 23%). Нужно отметить, что среди сельских жителей оказалось больше, чем среди жителей малых городов, тех, кто положительно оценил многие позиции социальной инфраструктуры, например, в отношении качества дорог, воды, работы общественного транспорта, освещения и санитарного состояния улиц, качества медицинского обслуживания, работы клубов и других объектов культурного досуга, состояния жилья, работы службы быта. Более негативно в отличие от горожан оценили селяне безопасность передвижения по населенному пункту, связанную с отсутствием обозначенных переходов, тротуаров и дорожек.

Сравнение ответов сельских респондентов с городскими в отношении выбора основных жизненных, а точнее, мировоззренческих принципов, показало, что у этих типов сообществ – сельских и городских – очень много общего: и для тех, и для других главное место в выборе занимают традиционные нравственные и социальные ценности:

человеческая жизнь, доброта, семья, работа и др. Однако у сельских жителей оценки суждений выражены более ярко и интенсивно, или, точнее, эмоционально. Например, полностью согласны с суждениями «доброта делает человека лучше и чище» 79,4% селян и 68% жителей малых городов; «свобода человека – то, без чего его жизнь теряет смысл» – 62,4% и 56,2%, соответственно; «личная безопасность должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами» – 78% и 60,1%; «в жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения» – 70,5% и 60,3%; «нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя» – 45,6% и 36,1%. Как уже отмечалось, сельские респонденты в большей степени ориентируют своих детей на отъезд из села в более крупный город, чем жители из малых городов: до 70% селян не хотят, чтобы их дети жили и работали в их населенном пункте; в малых городах таких меньше – 42,1%. Однако если 84,6% горожан хотят, чтобы их дети получили высшее образование, то среди селян таких 73,4%. Но зато приобрести в ПТУ, техникуме рабочую профессию хотят только 3% горожан, в то время как среди селян об этом мечтают 14,4% респондентов, что свидетельствует о сохранении за селом функции человеко-ресурсного донора для промышленности и экономики страны в целом. Причины миграции по существу одинаковы для тех и других: низкие заработки, малый выбор профессий, сложность поиска подходящей работы. Разве только у сельских жителей наслаиваются на них тяжелый физический труд, плохие условия труда, худшие возможности культурного досуга и др. факторы, усугубляющие миграционные настроения людей.

Что касается особенностей экономического поведения, то в целом оно мало различается у жителей сел и малых городов. Так, на вопрос, какими принципами респонденты руководствуются в решении материальных проблем, 75% респондентов из сел заявили, что хотят быть не хуже других, жить как все, в то время как респондентов, думающих так, из малых городов оказалось на 10% меньше (65,8%). Наряду с этим среди жителей малых городов 24,8% таких, кто решает материальные проблемы, не руководствуясь никакими принципами (в селах таких 16,4%), что, скорее всего, свидетельствует о реакции сельских респондентов на более сильный социальный контроль и более острую естественную конкуренцию между людьми в селе, нежели в городе, где определенная замкнутость и закрытость личного пространства городских жителей позволяет вообще не иметь принципов и не считаться с мнением других (хотя в малых городах данный факт не так ярко выражен, как в областных городах и столице).

То, что сельским жителям приходится реально нести двойную нагрузку (на работе и дома в личных подсобных хозяйствах), заключающуюся в тяжелом физическом труде и худших условиях, сказалось на меньшем числе селян, предпочитающих больше работать и больше зарабатывать (77,9% против 82,6% горожан), и большем количестве тех, кто хочет работать не надрываясь, пусть и жить скромно (19,6% против 13,5% горожан). Видимо, этим объясняется тот факт, что 73,6% сельских жителей предпочитают жить пусть и беднее, но зато с гарантированным уровнем жизни, без риска (в малых городах таких 68,3%). Но не только этот показатель (число желающих для повышения своего материального состояния работать более интенсивно и сверхурочно) ниже в селе, чем в городе. Не очень стремятся сельские жители идти для этого на переобучение, дополнительное обучение (26,5% против 40,8% горожан), что свидетельствует о меньшей степени выраженности, чем у горожан, потребности в трудовой мобильности, как горизонтальной, так и вертикальной. В большей степени выражены у горожан и миграционные намерения: если 26,1% горожан хотели бы решать свои материальные проблемы с помощью работы за границей, то среди селян таких всего 11,8%.

Как уже отмечалось, малые города несут на себе отпечаток и сельского, и городского образа жизни: в малых городах 45,5% жителей имеют приусадебные хозяйства

(в селе – 77,3%), при этом для 23,4% горожан подсобное хозяйство является значимым средством выживания в случае потери работы, невыплат заработной платы и т.п. Тем не менее население малых городов проявляет большую степень рыночной и социальной активности, чем селяне. В частности, среди опрошенных жителей малых городов вдвое больше тех, кто выступает за частную собственность на земли сельскохозяйственного назначения – 33,1% (среди селян так считают 17,4%). Более того, среди горожан вдвое больше желающих стать собственником сельхозугодий. Однако социальная активность жителей малых городов от селян существенно не отличается и остается невысокой. По их мнению, в различных формах местного самоуправления участвуют только наиболее активные люди; объясняют свою пассивность неверием в успех нового дела. В качестве причин, сдерживающих социальную активность местных сообществ, и сельские, и городские респонденты указали отсутствие пользы от такого участия (30%) и неуверенность в успешности общего дела (19%). Важность тех или иных прав и свобод, вошедших в сознание и практику белорусов, горожане и селяне отмечают в зависимости от специфики образа жизни и трудовой деятельности. Для горожан более, чем для селян, значимы право заняться бизнесом или фермерством (31,7% против 20,7% у селян), приватизировать квартиру, дом (83% и 74% соответственно), участвовать в забастовках, митингах, акциях протеста (15,2% и 8%), свободно вступать в разные партии, движения и союзы (34,4% и 20%). Селяне, напротив, предпочитают обладать правом и свободой самому решать, работать или не работать (77,5% против 66,9%), самим определять масштабы хозяйства и цены на продукцию.

Возвращаясь к высказанной в начале статьи идее о зависимости уровня социокультурного развития местных сообществ от пространственно-территориальных характеристик населенных пунктов и степени их урбанизированности, можно отметить, что она вполне подтвердилась. В частности, не только система ценностных ориентаций респондентов поселений, различающихся по данным критериям, но также их экономическое поведение и социальная активность оказались зависимыми от данных факторов. Так, респонденты из сел и малых городов, характеризующихся высокой степенью урбанизированности и близости к крупному городу, проявили более выраженную склонность к таким ценностям, как богатство, деньги, материальная обеспеченность, карьера, общественное признание, творчество. Среди них больше тех, кто руководствуется принципом: «быть богаче других» (8,3% против 0% живущих в отдаленных и слабо урбанизированных поселениях), и тех, кто согласен жить богаче, но рискуя, действуя с инициативой (38,8% против 20,7%). Однако в базовых ценностях мнения респондентов разного типа поселений не расходятся: для всех респондентов главными, жизненно важными ценностями остаются семья, дети, здоровье, любовь, что свидетельствует о цельности и мировоззренческом единстве основной части населения страны.

Smirnova R.A. Small Town as the Organizational, Administrative, and Socio-cultural center of the Development for Rural Regions

The article analyzes the role of small towns in the economic, socio-political and cultural consolidation of the population of the adjacent rural settlements. The article substantiates the idea that one of the key factors determining the socio-cultural specificity of small towns and villages, are: the degree of urbanization of territories, the remoteness of some territory relatively large cities and the ecological and natural features. In this regard, in the article there are considered three types of regions, including small towns and the surrounding rural settlements: economically integrated regions, middle or intermediate regions and remote regions. Identification and analysis of social problems of rural settlements and small towns allowed revealing the factors influencing economic and migratory behaviour of the population in rural areas and small cities, that contributes to the brain drain and to the impoverishment of the human potential of rural regions that reinforces the provincialism of their social life.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.07.2014

УДК 316

Ю.М. Бубнов

СОЦИАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

В статье рассматривается историческая логика изменения социальных образов мужчины и женщины. Показана социальная обусловленность поло-ролевой структуры личности, определены причины феминизации мужчин и эмансипации женщин.

Введение

Одними из самых важных в жизни человека социально значимых нормативных комплексов являются поло-ролевые стандарты поведения. Эти поло-ролевые стандарты вырабатывались на протяжении многих веков, оседая в подсознании людей и во многом определяя не только взаимодействие мужчин и женщин, но и важнейшие надстроечные структуры общества. Эти нормативные комплексы мы и будем именовать термином «социальные образы мужчины и женщины».

Понятие «социальный образ» используется здесь в качестве синонима категории «социальный стереотип». Согласно определению социального стереотипа, данному Е.М. Бабосовым и В.И. Русецкой, он представляет собой «схематичное, стандартизированное и устойчиво выраженное (фиксированное) представление о социальном объекте или явлении, как правило, эмоционально окрашенное... Его социально-психологическая основа – формирование социальной установки, ценностно значимой для данной личности в ее деятельности и общении, субъективно существующей в виде устойчивого образа, нормы поведения» [1, с. 352]. Категория «социальный стереотип» достаточно хорошо разработана в социологии. Однако, на наш взгляд, он оценочно не нейтрален, перегружен таким негативным значением, как «предвзятость» [2, с. 389]. Поэтому мы предпочли родственное ему понятие «образ». Во-первых, потому что оно эмоционально нейтрально, а во-вторых, позволяет соотнести идентичную фактуру «стереотипа» и «образа» по вектору «реальный – идеальный», что для нас, как будет показано ниже, существенно важно. К тому же, на наш взгляд, эвристическая ценность производного понятия «идеальный образ» состоит в том, что оно имеет две взаимообусловленные стороны, фиксируя одновременно и то, чего человеку недостает, и то, к чему он стремится, каким хотел бы видеть себя и других. Это своего рода конкретизация жизненного сценария по половому признаку, модуль социального поведения индивида, с одной стороны, имеющий корни в его прошлом социальном опыте, а с другой – обращенный к идеалу, в будущее.

Зная фактуру и динамику изменения в структуре идеальных образов мужчин и женщин, можно более целенаправленно формировать социальную политику органов власти, точнее адресоваться в различных политических и идеологических акциях, например, строить предвыборную кампанию, определять концепцию средств массовой информации и пропаганды, решать вопросы экономического характера (реклама, маркетинг, управление персоналом на производстве) и т.д., не говоря уже о нашей непосредственной задаче – повышении качества брачно-семейных отношений. В контексте тематики нашей работы особенно важным является то, что категория «идеальные образы мужчины и женщины» может стать действенным инструментом для диагноза, прогноза и корректировки супружеских проблем.

Историческая динамика социальных образов мужчины и женщины

Каждое общество в любую историческую эпоху вырабатывает свои особые стандартные образы, эталоны мужчины и женщины. Эти своеобразные шаблоны поведения,

мышления, психологического склада и даже внешнего облика «вживляются» индивиду методами социализации, посредством воспитания, обучения и подражания. В качестве стимуляторов процесса усвоения индивидом этих выработанных без него и до него норм общество применяло разнообразные средства поощрения и наказания, как моральные, так и более весомые, начиная с экономических и кончая уголовными санкциями.

Народная, а тем более архаичная культура формулировала и затем диктовала новым поколениям определенные нормы поведения мужчин и женщин. Эти нормы, как правило, сочетались друг с другом по принципу дополнительности и составляли в совокупности относительно целостный комплекс социальных ролей, регулирующий индивидуальные ожидания и конкретное поведение сторон. Этнографические исследования свидетельствуют, что на Руси исстари вплоть до середины XX в. в женихе особенно ценились сила, ловкость, умение красноречиво говорить и играть на гармонии. Эталон красоты парня – гордая поступь, смелый вид, высокий рост, кудрявые волосы, разбитной или небрежный характер обращения с девушкой. Не выходили за норму и даже весьма поощрялись питье и готовность к дракам. Невыход юноши, например, на масленичные кулачные бои, полюбоваться на которые (и оценить достоинства будущих супругов-защитников) собиралось все женское население, могло стоить ему семейной жизни. Высшая похвала жениху звучала так: «Какой у тебя, Дуняха, жених-то, ровно бык: здоровый, большой, краснорожий!» [3, с. 240]. В таких высказываниях приоритеты мужского социального образа обозначены совершенно недвусмысленно.

Эталон привлекательной девушки был во многом иной. В потенциальной невесте особенно ценилась плавная походка, скромный взгляд, высокий рост, густые волосы, «полнота, круглота и румянец лица». Крепкое здоровье, необходимое хозяйке большого натурального и полунатурального хозяйства, неслучайно считалось приоритетным преимуществом девушки на выданье. «Красота в девице не главное. Главное – это рост, дородство, толщина девки, потому, чтобы казаться выше и толще, набивают соломы в сапоги, надевают побольше одежды» [3, с. 239–240]. Солидные габариты молодой женщины должны были подчеркнуть также и детородный потенциал будущей матери. Обилие же одежд на невесте свидетельствовало о величине приданого, полагавшегося за нею. Поведение девушки-невесты строилось на сложной и противоречивой комбинации социальных требований. С одной стороны, она должна была держаться скромно и с достоинством, как того требовали общеженские стандарты поведения. С другой стороны, она должна была проявлять темперамент, необходимый для того, чтобы завоевать и сохранить роль «сударушки» парня. Общественное мнение и стандарты будущей семейной жизни требовали от нее сдержанности и моральной чистоты, а нормы внутригруппового поведения молодежи – игровой, часто эротически окрашенной раскованности [4, с. 98]. С вступлением невесты в брак эта противоречивость социальных требований устранялась однозначностью традиционной роли женщины в семье.

Довольно жестко организованная система половых образов почти не оставляла места для значительных индивидуальных вариаций, зато делала брачно-семейное общение жен и мужей взаимно прогнозируемым, что положительно влияло на устойчивость брака в традиционном обществе и в целом на стабильность самого общества.

Коренные изменения в экономическом базисе, а также в политико-правовой сфере общества не могли не сказаться на структуре и содержании социальных образов мужчины и женщины. Общество, девизом которого стала не стабильность, а ускоренное движение, вывело из состояния сбалансированного равновесия и поло-ролевою структуру ценностей. Сегодня она испытывает серьезные деформации, оказывающие огромное (хотя и скрытое) воздействие не только на жизнедеятельность института семьи и брака, но и на все общественные отношения, в том числе на экономические и политические. Особенно быстро и кардинально изменяется женский поло-ролевой образ.

Исследование этой проблематики на конкретном социологическом материале является актуальной задачей науки, поскольку отвечает настоятельным потребностям современной социальной политики.

Поло-ролевая дифференциация на начальном этапе человеческой истории

При анализе социальных фактов, в том числе и социальных образов мужчины и женщины, всегда существует опасность представить быстротекущую изменчивость реки времени в виде стоялого болота привычной сиюминутной реальности. Предлагаемый ниже текст является попыткой борьбы с этим соблазном, проявляющимся в желании наложить свой повседневный опыт и бытующие в окружающей социокультурной среде представления на все разнообразные, часто противоположные цивилизационные формы социальной жизни.

Жизнь в своем неудержимом стремлении к смерти забывает о начале. А в начале, согласно Ветхому Завету, был мужчина – Адам, имя которого, собственно, и означает «человек», «мужчина». Эту ветхозаветную традицию называть мужчину человеком как таковым сохранили, между прочим, и многие современные народы, даже такие во всех смыслах демократические, как французы и англичане. Учитывая то, что Адам был сотворен по образу и подобию Божьему, можно выразить твердую уверенность в принадлежности к мужскому полу и самого Бога, на что указывают соответствующие местоимения в библейских текстах, а также канонические изображения Создателя. Откуда взялась и кто такая в этом случае женщина? Отраженные в Библии факты сотворения мира свидетельствуют о следующем. Бог каждую тварь создал по паре, чтобы веселились они и плодились человеку на пользу. Единственное исключение составил сам человек, которому после его справедливого упрека в скуке одинокого существования все же была вырезана из его же ребра искомая спутница жизни Ева. Если к этому присовокупить еще и зафиксированную в Библии склонность Евы к непослушанию и греховности, то значение женщины в обществах, воспитанных на этой книге, можно определить однозначно. Мужчина и есть человек в полном смысле этого слова, он самодостаточен и первичен. А женщина вторична, производна от мужчины, а потому и зависима от него во веки веков. Такие идеологические образы мужчины и женщины и основанное на них распределение социальных функций, ролей, статуса стали нормой общественной жизни всей обозримой истории так называемого цивилизованного мира.

Однако, как свидетельствуют археологические раскопки, самые первые изображения богов, которые первобытный человек рисовал на скалах, вырезал из дерева или лепил из глины, представляли собой вовсе не мужчин, а женщин [5, с. 26–27]. Более того, к примеру, на критских (середина II тысячелетия н.э.) и месопотамских (середина III тысячелетия до н.э.) печатях изображались лишь женские божества и жрицы; единственное существо мужского пола имеет вид полужверя-демона [6, с. 11–19]. Самуэль Крамер – исследователь самой древней письменной цивилизации – прочитал на шумерских глиняных табличках историю сотворения мира, богов и первого человека. Оказывается, всех богов сотворила богиня-мать, которую звали Мама. Она же вылепила из глины и первого человека, разумеется, по образу и подобию своему, и назвала его (ее) Лулла. Составители Библии, позаимствовав из шумерских текстов этот, равно как и многие другие мифы, отредактировали их в соответствии с новой социальной реальностью. Что же касается ветхозаветной легенды о создании женщины из ребра мужчины, то она, как выяснил С. Крамер, оказалась результатом лингвистической ошибки при переводе древними переписчиками имени шумерской богини, ответственной за лечение болезни ребер [7, с. 152].

Этнографические факты также сильно расходятся с привычными социальными образами мужчины и женщины, с традиционным распределением ролей между ними.

Еще великий историк древности Геродот (484–425 гг. до н.э.) упоминал народы, поклонявшиеся женским божествам, где мужья во всем подчинялись своим женам. Описывая, в частности, нравы египтян, он подчеркивал, что «египетские женщины занимают выдающееся и почетное место, а их сыновья предпочитают именоваться по матери, а не по отцу» [6, с. 21]. В 1859 г. швейцарский историк Иоганн Якоб Бахофен опубликовал исследование под названием «Матриархат». Эта книга потрясла религиозные и социальные основы, за что ее автор получил от клерикалов имя «мерзкого проповедника материнского права». Бахофен собрал и исследовал доказательства женской власти (материнского права) и политического господства женщин (гинекократии) у критян, греков, египтян, у многих восточноазиатских наций. Оказывается, стадию матриархата прошли все известные ныне народы. Даже в наши дни по законам матриархата живут 30 миллионов жителей острова Суматра, несмотря на укоренившееся здесь впоследствии мусульманство. До сих пор только женщины имеют право выбора супруга (или сразу нескольких супругов) в некоторых районах Тибета, Индии и Китая, в племенах африканских скотоводов-кочевников и австралийских аборигенов. Для большинства же народов в память о тех далеких матриархальных временах сегодня остался лишь всемирный праздник 8 Марта, когда почти в каждой семье в сентиментально-карикатурном виде воспроизводятся порядки женского господства.

Почему же матриархат, просуществовавший многие тысячелетия, уступил место патриархату? Знаменитый исследователь древнего общества и древней семьи Льюис Генри Морган основой матриархата считал «род в его архаической форме». «Общинное землевладение и коллективная обработка земли, – писал он, – должны были привести к общинным домам и коммунизму домашней жизни» [8, с. 199]. Дело в том, что существование рода как единой полигамной семьи делало возможным учет родства только по материнской линии. Отсюда и повышенный социальный статус женщины-прародительницы в древние времена. Тысячи лет жили наши предки под мягким женским владычеством. О том, что оно было мягким, как бы мы сейчас сказали, гуманным, свидетельствует словосочетание «золотой век», данное эпохе материнской власти современниками несравнимо более жестоких патриархальных времен. Да и сам миф о рае земном, уходящий своими корнями в самую седую древность практически всех народов, не может не иметь реальной основы. Подобно тому, как осененное теплой материнской заботы младенчество оставляет в подсознании человека неизгладимый след, так же и социальная память народов тоскует по простым и безмятежным временам матриархата. Но, как это часто бывает, погубил человечество совершеннейший, на первый взгляд, пустяк. На одной из древних греческих ваз изображена сцена передачи богиней Деметрой людям плуга. Изобретение сохи, а затем и плуга привело к обособлению от первобытного рода малой семьи, возглавляемой способным прокормить ее мужчиной. Теперь мужчина захотел контролировать появление на свет своих прямых потомков, дабы передавать только им нажитые избытки пропитания и имущества. Это, в свою очередь, подстегнуло развитие частной собственности, которая окончательно разрушила родовой коммунизм, а вместе с ним и матриархат. Наступила эпоха патриархата – жестокого, кровавого и алчного господства мужчин. Богиня, дающая жизнь, была оттеснена на вторые роли. Олимп захватил суровый Бог-отец, карающий смертью. Сила стала высшей властью. По миру рассеялись вооруженные мужские ватаги, которые добывали себе уже не столько одежду и пропитание, сколько неизвестные встарь блага: эфемерную власть и несъедобные драгоценности. Захватывая земли и покоряя населяющие их племена, эти чисто мужские коллективы образовывали государства, простиравшие свое господство на целые народы. Так возникли Рим и Киевская Русь, империя Моголов и Золотая Орда. Женщины в таких мужских компаниях были обузой в битвах, но ценной добычей и средством улады в перерывах между боями. При переходе мужчины-

воина с походного образа жизни на оседлый естественный недостаток женщин восполнялся, как и любой другой, грабежом, воровством или выкупом. Известная легенда о массовом похищении истосковавшимися по женщинам римлянами проживающих по соседству сабинянок имеет под собой вполне конкретное историческое основание. Впрочем, отголоски тех варварских обычаев живы до сих пор, хотя и приняли вид формальности, архаичного ритуала или криминального эксцесса. Красивый обычай внесения женихом невесты на руках в свой дом или, например, расположение женщины слева от мужчины (чтобы иметь правую руку свободной для её защиты) имеют в основе всё ту же древнюю практику умыкания женщин.

В обществах сословно-патриархального типа к мужчинам и женщинам стали предъявляться довольно жесткие нормы статуса, прав и обязанностей, резко различавшиеся по половому признаку. Причем если восточные религии Древней Индии и доконфуцианского Китая рассматривали мужчину и женщину в качестве двух взаимодополняющих полюсов единого целого на пути постижения Бога, то европейская христианская традиция развела мужское и женское начала в состояние антагонистического противоречия борьбы «за» и «против» Бога. Дошло даже до обсуждения католиками на соборе 1555 г. вопроса «А человек ли женщина?». Впрочем, вопрос этот был актуален и для исламских теологов. Дальневосточная традиция говорит о «Восточном Рае», где вообще не будет женщин; достойные женщины там станут мужчинами [9, с. 233]. Религиозное отвержение женщины в средневековой культуре являлось отражением ее социальной дискриминации. На протяжении многих веков женщина была желанной добычей мужчины-воина в его битвах, послушной служанкой в его доме и матерью наследников его имущества.

Справедливости ради следует сказать, что даже в условиях самого строгого патриархата значение женщины во внутрисемейных, домашних делах было далеко не ничтожным. Неспроста те же сабинянки, когда сородичи наконец-то пришли выручать их из патриархального римского супружества, воспротивились этому, встав между обнажившими мечи мужчинами, и пожелали остаться со своими суровыми мужьями. Патриархат вовсе не отрицал традиционно важной роли женщины в семье. Вся загвоздка состояла в том, что семейно-брачные отношения перестали быть главной сферой жизнедеятельности человека, они отошли на второй и третий план. А вместе с семьей покинула историческую авансцену и женщина, уступив место у рампы мужчине – активному субъекту общественно-политического процесса. Еще в знаменитом «Домострое» Ксенофонта, написанном на рубеже V и IV вв. до н.э. и очень популярном в средневековой Европе, говорится о том, что сам Бог приспособил «природу женщины для домашних трудов и забот, а природу мужчины – для внешних», общественно-государственных, т.е. вне дома [10, с. 220]. Однако общее руководство оставалось все же за женщиной. Популярный древнеиндийский афоризм гласит: «Женщина всегда остается несамостоятельной: до брака она находится под опекой отца, после брака – мужа, в старости – сына». Женщина рассматривалась как существо, нуждающееся в воспитании наравне с детьми и учениками. Поэтому лучше, наставлял тот же Ксенофонт, брать жену помоложе, еще ребенком, чтобы воспитать из нее хорошую супругу, мать своих детей и хозяйку дома. Мужчине же неприлично заниматься домашними делами, его прищем являются торговые, ремесленные и государственные дела.

Такое распределение ролей мужчины и женщины оставалось господствующим (за очень редким исключением) социальным правилом на протяжении всей всемирной истории вплоть до XX в. Случались, конечно, даже в сугубо патриархальные времена прецеденты женского влияния на судьбы народов и государств. Но тогда, как правило, имела место, в той или иной степени выраженная половая инверсия тех немногих жен-

щин – творцов истории. Дело не всегда было в физиологических предпосылках трансформации пола, однако смена социального полового образа оставалась правилом практически для всех исторических персонажей женщин-воительниц и предводительниц родов. Яркий пример такой социальной инверсии – Жанна д'Арк, отказавшаяся от своей довольно женственной внешности. Интуитивно она поняла, что как женщина она не могла рассчитывать на успех своего общенародно значимого предприятия, поэтому была вынуждена по сути поменять свой половой статус, сменив прическу, одежду и манеры поведения на мужской тип. Показательно, что именно это и стало непосредственным поводом для инквизиции к осуждению Орлеанской Девы на смерть посредством сожжения, что в те времена было «привилегией» лишь злейших врагов установленного Богом миропорядка [11]. Никто и ничто не должно было нарушать незыблемость мира, в котором верховная власть принадлежит мужскому началу, а в распоряжении женщины оставались кухня, церковь и дети. Долг женщины – во всем повиноваться мужу и разделять с ним все тяготы и лишения вплоть до самой смертной муки. В Индии вдовы нередко добровольно восходили на погребальный костер мужа. Лишь беременным запрещалось отдавать этот последний долг супружеской любви и верности [12, с. 328]. Из века в век передавались случаи женской самоотверженности, призванные воспитывать в должном патриархальном духе все новые и новые поколения женщин. Аррия, жена римского консула Цецины Пета, собственным примером придавшая супругу решимость с честью уйти из жизни, и благородная Паулина, пожелавшая разделить с опальным Сенекой его злую участь, своими поступками укрепляли устои патриархата [13, с. 643–654]. Символом Средних Веков стала Богоматерь, вскармливающая грудью младенца – своего будущего Бога. Культ прекрасной дамы, дошедший до нашего времени в рыцарских романах, отражал скорее не реальность, а идеал верной супруги, годами ожидающей своего странствующего мужа. Реальным же жёнам благочестивые рыцари перед походом на всякий случай одевали «пояса верности», ключи от которых увозили с собой.

Зарождение тенденции сближения социальных образов мужчины и женщины

Патриархат, выросший на войнах и насилии, в условиях расслабляющего мирного времени начинал добреть и либеральничать. Именно в такие периоды относительно длительного затишья на полях битв и стали постепенно появляться первые ростки женской эмансипации и мужской феминизации. Локальный, социально ограниченный феминизм существовал, по-видимому, во все времена. В глубинах истории при желании всегда можно обнаружить различные секты, общества и партии, начиная с полумифических амазонок и кончая тайными сообществами древних китайок «Золотая орхидея» или «Красная лампа», которые отвергали господствовавшие патриархальные нормы, провозглашая равенство полов и свободу сексуальных отношений.

Динамика социальных образов мужчины и женщины происходит по типу сообщающихся сосудов с соблюдением своеобразного закона сохранения континуума влияния в обществе. Чем больше эмансипируются женщины, тем менее мужественными становятся мужчины и наоборот. Первая волна этого обоюдонаправленного движения прошла по Европе в середине XVII в. Между прочим, немаловажную роль здесь сыграл и героический образ Жанны д'Арк, в памяти народной все-таки оставшейся женщиной. В самых либеральных по тем временам Франции и Англии появились скандальные группки «жеманниц» и «жеманников». Они выступали за новый идеал женщины, свободной от оков брака и общественных предрассудков, коими считали домашнее затворничество, заботу о детях, верность мужу и тому подобные пережитки патриархата. Жеманницы претендовали на возможность общественной деятельности, полное социальное и сексуальное равенство. Они ратовали за «пробную связь» и за ее разрыв по рож-

дении наследника, который должен, по их мнению, оставаться на попечении отца. Подлежал пересмотру и опостылевший образ мужчины-грубияна и деспота. От мужчин жеманницы требовали возвышенной, платонической любви и бесконечной верности, граничащей с мазохизмом. История знает много примеров того, как вчерашние рабы после удачного восстания становились еще более жестокими истязателями своих обращенных в рабство хозяев. Женские притязания на абсолютную власть над мужчинами были всего лишь зеркальным отражением жестокой по отношению к ним патриархальной реальности.

Но как маятник приходит в равновесие, раскачиваясь в крайние точки амплитуды, так же и экстравагантность жеманниц в какой-то степени сгладила крайности патриархального деспотизма средневековья. Комичные выходки жеманниц и жеманников имели, однако, самые серьезные последствия в деле пересмотра половых ролей и социального статуса мужчины и женщины. К началу XVIII в. в «высшем свете» у мужчин уже считались нормой женоподобные манеры и одежда. Они научились носить длинные парики, наводить румяна, ставить на щеках «мушки» и пользоваться духами. Мужской стандарт поведения стал включать в себя такие ранее несвойственные мужчинам черты, как изысканность, учтивость и утонченность манер. Проявление физической силы стало считаться неуместным и вульгарным; в моду вошли бледный цвет лица и худосочность. Даже мужчины-воины (речь идет, конечно же, об аристократах) искали и находили больше удовлетворения в будуарах дам, нежели в военных походах. Сексуальная свобода все чаще касалась уже не одних только мужчин, но и женщин, так как желавшие прослыть современными мужья из «высшего света» старались воздерживаться от проявлений ревности. Переворот социальных поло-ролевых образов затронул мужчин в гораздо большей степени, чем женщин. Эмансипация женщин не была столь заметной, как феминизация мужчин. Унификация полов в XVII–XVIII вв. осуществлялась под доминирующим знаком феминных ценностей. Столь необходимое Европе смягчение нравов проходило не без крайностей и излишеств морального свойства, которые справедливо возмущали ориентированное на традиционные ценности большинство. Эмансипация женщин, не выходящая тогда за пределы сферы чувств и сексуальных отношений, разрушала оплот нравственности, которым были брак, семья, верность жены супружескому долгу. Подвергался сомнению и растлевался патриархальный идеал настоящей женщины. Теперь сексуальная свобода распространялась не только на мужчин, но и на женщин. Идеолог разврата, давший свое имя отвратительнейшему пороку, маркиз де Сад (1740–1814 гг.) писал в своей «Философии в будуаре»: «Женщины, теперь вы, подобно мужчинам, оказались свободны, так что поприще сражений Венеры открыто всем одинаково... Ныне вам не придется краснеть при совершении прелестных поступков, напротив, мы увенчаем вас миртами и розами, оказывая наибольшее уважение той, которая превзойдет всех прочих в распущенности» [14, с. 191–192]. Впрочем, против тех, кто не пожелает распутничать, маркиз предлагал принять специальный закон, принуждающий их к разврату. Женщины, вернее, их интимные части объявлялись общественной собственностью; каждый мужчина получал право, согласно «философии» де Сада, насильно брать любую приглянувшуюся ему особу. Такой оказалась гримаса революции равенства и свободы по отношению к женщине.

Источник заразы равенства распутства искали и находили во Франции, точнее в Париже, еще точнее – в «высшем свете», Версале. И не без оснований. Семьи вельмож, покинутые социально и сексуально активными женщинами, являли собой арену пирующего порока; они распадались сами и разлагали подрастающие поколения. Государственный механизм, лишенный твердости мужской руки, уже не мог защитить даже самого себя.

В 1789 г. еще не утратившая здоровой мужественности французская буржуазия смела феминизированную аристократию, а вместе с ней и женскую эмансипацию. Парадокс состоял в том, что эмансипированные парижанки сыграли немаловажную роль в раскручивании красного колеса революции, совершив так напугавший короля марш на Версаль [15, с. 154–182]. Но когда француженки, принявшие на свой счет один из трех главных лозунгов революции, потребовали предоставления им равных с мужчинами прав, Конвент ответил решительным и единодушным отказом. Революционные события во Франции повергли Европу в длительный период войн. От мужчин снова потребовалось мужество, чтобы убивать и умирать. Повышенный спрос на мужественность укрепил патриархальные образы «настоящих мужчин» и «настоящих женщин». Женщина была вынуждена искать защиты за широкой мужской спиной и на время забыла о своих притязаниях на социальное равенство. Традиционное разделение полов было восстановлено во всех сферах жизни в полном объеме. Между прочим, «женский вопрос» и революция часто будут встречаться на перекрестках истории, в том числе и на нашей, славянской почве в 1905 г., в феврале и октябре 1917 г. Женщины, вкусив социальных и иных свобод, еще не раз соблазнят мужчин сладостью бунта. Но все революции, даже победившие, всегда надевали на женщин еще более тяжкие «пояса верности» мужчинам.

Эпоха наполеоновских войн закончилась. Европа снова окунулась в сытое благополучие. И вновь в мирной тишине громче стали слышны голоса феминисток. На этот раз ареал распространения идеологии равенства полов включал в себя не только Европу, но и Америку. Правда, уровень притязаний тогдашних борцов за половую справедливость по современным меркам поначалу был очень умеренным. Так, эталон эмансипированной женщины XIX в. – Жорж Санд – отнюдь не требовала для женщин политических прав избирать и быть избранными в государственные органы. Ее интересовало прежде всего равенство в сфере чувств. «В любви с женщинами обращаются, как с куртизанками, – писала она, – в супружеской жизни – как со служанками» [16, с. 294]. Женщина должна иметь свободу отказа мужчине и ухода к другому, считала Жорж Санд, что фактически означало требование права женщины на развод. Другой пункт её программы эмансипации включал в себя право женщины распоряжаться собственными доходами. Все эти тезисы, как видим, ничем практически не отличались от требований жеманниц. Однако волна женской эмансипации конца XIX – начала XX вв. уже отличалась от шумной, но во многом поверхностной (в первую очередь в социальном смысле) кампании XVIII в. вовлечением в общественно-экономический процесс широких масс женщин-работниц из «низов». Это было начало качественно нового этапа в формировании социальных образов мужчины и женщины.

Социальное равенство полов как тенденция исторического развития

XX в. ввел в широкую социальную практику понятие равенства классов, наций и полов. В самом его начале появились труды, где доказывалось наличие в каждом индивиде мужского и женского начал одновременно [17, с. 183]. Принцип относительности времени и пространства Альберта Эйнштейна появился на свет примерно в то же время, что и принцип относительности половых различий. Если работа великого физика возвестила начало научно-технической революции, то книги физиологов, психологов и философов, посвященные проблемам пола, стали отправной точкой массовой эмансипации женщин. Оба эти явления оказали огромное влияние на судьбы XX в. Хотя, разумеется, дело здесь не в книгах: лучшие из них лишь формулируют потребности исторической тенденции. А историческая тенденция состояла в экспансии массового капиталистического производства, что привело к господству европоцентристской модели общественного устройства индустриального типа.

Квинтэссенцыяй савременнай еўропэцэнтрыстскай цывілізацыі выступае Капітал, котарый, падобна богу Саваофу, лепіт па образу і падобію свому новаму чалавека, закладывае ў яго сазнанне фавулу паведення, адвечашую яго, Капітала, нудам і патрэбнасцям. Прыменітэльна к нашэй тэме можна сказаць, што глыбіннай прычынай, вызвавшэй жанцін к актывнай ащественнай жыці, явлэаеця патрэбнасць індустрыяльнага ащества ў дешэвой рабочэй сіле, котарая для него не абладает паловымі прызнакамі. Капітал, неважно дажэ, частны ілі государствэный, ігнорыруа паловыя разлічя людэй, прудуцыруе рабочую сілу, абладашую функцыанальнай універсальнасцю, спосабнасцю бэстро «перетэкаць» із адной сфэры труда ў друаую, а тажэ дастаточным патрэбніцкім патэнцыялам для абеспэчэння пастаяннага сбыта прудуцыраванай прудуцыі.

Історычэскі новыя трэбаваня на рынку труда сталі стрэмітэльна разрушаць традыцыйныя образы так называемых «насташых мужчін» і «насташых жанцін», сформіраваныя ў срэдневэковую доіндустрэяльную эпоху. Практычэскі с зары ХХ в. начался прэцэс массавой нівеліроўкы сацыяльных статусов індывідов с разлічнай паловай прынаадлежнасцю. Апологітэруащая Капіталу ідэалогія прэпагандіруе эту тэндэнцыю как прэгрэссывное дэло устанавленя сацыяльнага равенства жанціны с мужчынай. Прэцэс нівеліроўкы, «уравненя» палов прудуцыруе, так сказаць, на встрэчных курсах: мужчіны ў условяях псыхалогыі пасьсывнага патрэбленя все большэ і большэ фэмінізэруаюць, а жанціны, овладэвая «мужскымі» сфэрамі ащественнай дэятэльнасці, пастэпенна маскулінізэруаюць.

Жанціны сталі посягаць на важнэйшыя сфэры мужскай самарэалізацыі: науку, філасофію, дажэ палітыку і государствэннае управленя. Мужчіны перэжывалі жанскаую экспансію чрэзвычайна болэзненна. Чтобы убэдзіцца ў гэтом, дастаточна пазнакоміцца с высказыванямі на эту тэму Фрыдрыха Ніцше ілі Отто Вейнінгера. Однак і жанцінам – прэвпроходцам ў мір мужскых цэннасцей – гэто стоіло ащэнь дэрого. Показатэльныя ў гэтой связі пасьледныя, малоізнэствэныя старыцы жыці Софьы Ковалэвскай, яркая научная і ащественная судьба котарой стала эталонам для міліянаов эмансіпываных жанцін во все міре. Своымі вэспомінанямі о С. Ковалэвскай подэлілся Ілья Ільыч Мэчніков, блізка знавшы ілі на протяжэнні болэе двадцаты лэты. «В молодосты, – пісал он, – когда она так увлэкалась матэматыкай і тэатром і когда она сама была ащэнь увлэкатэльна, любовная сторона жыці была ілі сощэрэнна чужда». Дабывшысь вэршыны почэты і славы на мужском попрыщэ, она, однак, чувствэвала себя ащэнь несчастаной, і ў дэнь прудуцыруащэй ілі прэміі Парыжскай Акадэмыі наук она пісала адному із друзэй: «Со всех сторон я получаю поздравітэльныя пісьма, но в сілу непонятной іроніі судьбы я ащэнь нікогда не чувствэвала себя столь несчастаной». Прычыну гэтого она व्यразіла в словах, абращэнных к ілі лущшэму друау: «Отчэго, отчэго нікто не можэт мэня полюбты?» – повтэруа она» [18, с. 197]. Дэло, стало быць, дажэ не ў неудовлэтворенной патрэбности матэрынаства (Ковалэвская была матэрыу), а ў упущенной возмозможности полюбты і быць любымой. Отказ жанціны от своэго прыроднаго і ащественнаго прэдназначеня, как оказалось, в концэ концов, мстыт ілі жэстоком разочарованіем дажэ в столь удачной, на первыі взгляд, жыці. Как гэто ні парадоксально, но жанскаая эмансіпация, вылівшаяся в погоню за «мужскымі» стандартамі, болэнее всего ударіла іменно по «дэловым» жанцінам, лшыв іх прэамушэств жанствэнности, но так і не одарыв неуязвымой самодостаточнасцю мужчін. Гэто заметіл злой крытык еўропэйскай цывілізацыі Ф. Ніцше. Благодаря эмансіпации, пісал он, «жанціна вырождаэтся; ...в то врэмя как она, таым образом, завладэвает новымі правамі, стрэмітся к “господству” і व्यставляэт жанскыі “прэгрэсс” на своих знаменах і флажках, с ужасающэй отчэтлівосцю прудуцыруе обратное:

женщина идет назад. Со времен французской революции влияние женщины в Европе умалилось в той мере, в какой увеличились ее права и притязания» [19, с. 357].

Набравший силу капитализм востребовал женскую рабочую силу, более дешёвую, аккуратную и лояльную, к тому же зачастую не уступающую мужской по производительности труда. Именно эта экономически обусловленная эмансипация женщины стала необратимой, постепенно охватывающей все слои общества. Негативные последствия такого переворота в традиционной системе распределения половых ролей сразу же проявились во всей своей остроте. Массовое вовлечение в производственный процесс женщин привело к повсеместно отмечаемой катастрофе пролетарской семьи, нравственной деградации целого социального класса в конце XIX – начале XX вв. Этот фактор нельзя сбрасывать со счетов при анализе причин революционных цунами, захлестнувших в то время Европу.

Наиболее сильно декадентское разложение коснулось среднего класса и аристократии. Но причина разложения среди них заключалась скорее не в эмансипации женщин, а в феминизации всего образа жизни этих социальных классов, что особенно бросалось в глаза в отношении мужского пола. Теперь в отличие от феминизированных мужчин XVIII в. обошлось без париков и «мушек», но распад духа и идеологии мужественности был более глубоким и социально более масштабным. «Мужеподобность страшно понизилась в Европе», – констатировал русский философ В.В. Розанов [20, с. 200]. Освальд Шпенглер, выражая общие настроения, заговорил о закате Европы. Ф. Ницше предрек скорую гибель всей женственной европейской цивилизации, расслабленной в сытом прозябании, лишенной творчества и твердости героического мужского духа.

Европа и на самом деле едва не погибла. Правда, не от женского «сосуда гревовного и мерзостного», а как раз от ничем не сдерживаемого агрессивного мужского начала. Две Мировые войны показали самоубийственность возврата к идеологии фашизма, порожденного крепким мужским духом римских *fascis* и тевтонских отрядов, дружин викингов и самураев. Гипертрофированная мужественность опасна не только для отдельного индивида (средняя продолжительность жизни мужчин даже сегодня в среднем на 10 лет меньше, чем у женщин), но и для всей человеческой цивилизации. Как закономерная реакция на разгул мужской стихии с середины XX в. поднимается третья волна женской эмансипации. На этот раз это настоящий «девятый вал», вобравший в себя практически все социальные слои человечества почти на всей территории Земли. Ныне феминистские движения захлестывают мир. Враждовавшие общественно-политические системы оспаривали друг у друга пальму первенства в решении «женского вопроса». Созданы всемирные женские организации, собирающие делегатов со всех концов мира. Центр феминизма переместился из Европы за океан. В Америке еще Т. Рузвельтом была узаконена так называемая «положительная дискриминация», обеспечивающая женщинам и афроамериканцам преимущества при поступлении на работу и в учебные заведения.

Однако остережемся усматривать в этом бескорыстное желание политиков освободить несчастных женщин от тяжелых семейно-брачных оков. Дорогостоящей филантропией не могут страдать идеологи и чиновники государств, экономической основой которых является Капитал. В этом обществе всё должно окупаться, и если женщин всеми средствами выманивают из семьи в сферу общественного производства, то, значит, это кому-то очень выгодно. Меркантильный интерес проповедников женской эмансипации не всегда афишируется, однако и она имеет свою стоимость. По оценкам правительства Швеции, национальный доход даже этой экономически сверхразвитой страны мог бы быть увеличен еще на четверть, если бы полностью были использованы возможности привлечения женщин к труду в общественном производстве [9, с. 16]. Ясно, что столь высокодоходные ресурсы стали подвергаться усиленной разработке. В пери-

од послевоенного восстановления Европы, когда Капитал нуждался в рабочей силе, привлечение женщин в общественное производство достигло пика. Всего за 20 лет (с 1950 г. по 1970 г.) доля работающих по найму женщин увеличилась в той же Швеции с 29,3% до 39,4%; в США – с 31% до 38,8%; в Японии – с 25,7% до 31,9%. Государственный Капитал социалистического общества достиг еще более высоких темпов извлечения женщин из темной рутины семейного быта в сферу просветляющего общественно полезного труда. По идеологическим и экономическим причинам доля женщин в общей численности рабочих и служащих в Советском Союзе увеличилась с 23% в 1926 г. до 51% в 1970 г. Правда, к 2000 г. доля женского труда в общественном производстве, например, России снизилась до 48% [21, с. 128].

Сегодня уже не осталось сферы труда, где бы ни работали женщины, составляющие более половины совокупной рабочей силы в нашей стране. Даже в космосе доля женщин составляет уже треть всех побывавших там (у американцев). Женщины-полицейские, женщины-военные, летчики и капитаны океанских лайнеров. К концу XX в. уже всё, казалось бы, сделано для устранения первой, по словам Ф. Энгельса, в истории человечества формы неравенства между мужчиной и женщиной. Но вот тут-то и возникла проблема, указывающая на необходимость серьезной коррекции всей гендерной политики. Процесс социального уравнивания женщины с мужчиной зашел так далеко, что на сегодняшний день уже фактически осуществлен переход к социальной относительности полов. Решающее влияние на этот процесс оказала система производства. Как современное массовое производство «требует стандартизации изделий, – пишет, в частности, Э. Фромм, – так и социальный процесс требует стандартизации людей. И их стандартизация называется равенством». В современном «капиталистическом мире понятие равенства изменилось, – продолжает он. – Равенство сегодня означает «тождество» в большей степени, чем «единство». Это тождество ...людей, которые работают на одних и тех же работах, имеют похожие развлечения, читают одни и те же газеты, имеют одни и те же чувства и идеи... Женщина становится равной, потому что она больше не отличается от мужчины... Мужчина и женщина стали похожими, а не равными, как противоположные полюса» [22, с. 12–13].

Дело усугубляет тот факт, что навстречу процессу эмансипации женщин на всех парах движется феминизация мужчин. Ведь производству нужны работники, гармонично сочетающие в себе мужской творческий потенциал с женской исполнительностью и послушанием. В итоге нынешняя экономическая система в массовом порядке воспроизводит совершенно новый подвид Homo sapiens – человека двуполого. Или бесполого, что одно и то же. Речь пока идет о бесполости не в биологическом, а в социальном и психологическом смыслах. Хотя еще Платон, говоря о мифических андрогинах («муже-женщинах»), упоминал три их породы: мужчин, порожденных Солнцем, женщин – от Земли, а также – обоеполых детей Луны [23, с. 98–100]. Миф мифом, однако в начале XX в. В.В. Розанов был вынужден констатировать, что европейская цивилизация «вышла не из головы Зевса и не из бедер Афродиты, а как отсвет природы Паллады и Ганимеда» [20, с. 200]. Паллада Афина, как известно, была непобедимой воительницей, а Ганимед прославился в роли нежного любовника.

Неслучайно, что именно в конце XIX в. появился термин «бисексуальность», который немного позже З. Фрейд своими талантливыми трудами сделал популярным. Современные исследователи двуполость именуют «вершиной процесса». «Двупололая сущность, – пишет, например, французская исследовательница Э. Бадентер, – подразумевает взаимодополнение, мозаику мужских и женских свойств, сила проявлений которых сугубо индивидуальна» [24, с. 268, 270–271], то есть уже больше не зависит ни от биологического, ни тем более от социального полового статуса. Социально-статусно бесполые мужчины и женщины будут вести себя в каждой конкретной ситуации в со-

ответствии с различными поло-ролевыми нормами. Собственно говоря, и норм-то никаких по половому признаку не будет; стиль индивидуального поведения вне зависимости от пола определит производственная или служебная инструкция. А между полами останутся лишь «тонкие различия»: в строении тела, тембре голоса и т.д.

Заключение

Историческая логика неумолима. Вероятно, к двуполости дело и идет. Возможно даже, что пользы от этого для экономики будет больше, чем вреда. Однако скепсис на этот счёт более чем обоснован, учитывая те процессы, которые происходят в современной семье. Институт семьи и брака в результате кардинальных изменений в структуре социального образа женщины оказался на грани распада. Самое яркое свидетельство тому – депопуляция в наиболее гендерно «продвинутых» странах мира. В той же Швеции – лидере гендерного движения – младенцев рождается меньше, чем умирает стариков. И это несмотря на высочайший уровень медицины и чрезвычайно щедрые льготы для родителей. Так что резонно возникает уже почти риторический вопрос: «А для кого же строится современная цивилизация?».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социологический словарь / Сост.: А.Н. Елсуков, К.В. Шульга ; науч. ред.: Г.Н. Соколова, И.Я. Писаренко ; отв. ред.: Г.П. Давидюк. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Университетское, 1991. – 528 с.
2. Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина ; сост. Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова. – М. : Политиздат, 1988. – 479 с.
3. Быт великорусских крестьян-землепашцев // Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). – СПб. : Изд-во Европейского Дома, 1993. – 472 с.
4. Бернштам, Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв. Половозрастной аспект традиционной культуры / Т.А. Бернштам. – Л. : Наука, 1988. – 275 с.
5. Древние цивилизации / С.С. Аверинцев, В.П. Алексеев [и др.] ; под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. – М. : Мысль, 1989. – 479 с.
6. Вардиман, Е. Женщина в древнем мире / Е. Вардиман. – М. : Наука, 1990. – 335 с.
7. Крамер, С.Н. История начинается в Шумере / С.Н. Крамер. – М. : Наука. Глав. ред. восточ. лит., 1991. – 235 с.
8. Морган, Л.Г. Древнее общество. Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Л.Г. Морган. – Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. – 350 с.
9. Юк, З.М. Труд женщины и семья / З.М. Юк. – Минск : Беларусь, 1975. – 238 с.
10. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. – М. : Наука, 1993. – 379 с.
11. Райцес, В.И. Жанна д'Арк. Факты, легенды, гипотезы / В.И. Райцес. – Л. : Наука, 1982. – 199 с.
12. Вигасин, А.А. Женщина в древней Индии (Вместо послесловия) / А.А. Вигасин // Е. Вардиман. Женщина в древнем мире. – М. : Наука. Глав. ред. восточ. лит., 1990. – 335 с.
13. Монтень, М. Опыты : в 3 кн. / М. Монтень. – М. : ТЕРРА, 1991. – Кн. 2. – 715 с.
14. Маркиз де Сад. Философия в будуаре. Тереза-философ / Маркиз де Сад. – Минск : Белфакс, 1992. – 286 с.
15. Карлейль, Т. История Французской революции / Т. Карлейль. – М. : Мысль, 1991. – 575 с.

16. Моруа, А. Превратности любви. Три новеллы. Письма незнакомке / А. Моруа. – Минск : Маст. літ., 1988. – 352 с.
17. Фрейд, З. Психология бессознательного : собрание произведений / З. Фрейд ; сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. – М. : Просвещение, 1989. – 448 с.
18. Мечников, И.И. Этюды оптимизма / И.И. Мечников. – М. : Наука, 1988. – 327 с.
19. Ницше, Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – 829 с.
20. Розанов, В.В. Люди лунного света. Метафизика христианства / В.В. Розанов. – М. : Дружба народов, 1990. – 304 с.
21. Введение в гендерные исследования : учеб. пособие для студ. вузов / И.В. Костикова [и др.] ; под общ. ред. И.В. Костиковой. – М. : Аспект Пресс, 2005. – 235 с.
22. Фромм, Э. Искусство любви. Исследование природы любви / Э. Фромм. – Минск, 1990. – 78 с.
23. Платон. Собр. соч. : в 4 т. / Платон. – М. : Мысль, 1993. – Т. 2. – 528 с.
24. Баденгер, Э. Мужская сущность / Э. Баденгер. – М. : Новости, 1995. – 304 с.

Bubnov Yu.M. Social Images of Men and Women

The historical logic of changing of social images of men and women is highlighted in the article. Social conditionality of sex-role structure of the individual is shown. The causes of feminization of men and of women's emancipation are determined.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.09.2014

УДК 338.48:316 (035.3)

Т.И. Яковук**ОТДЫХ И ТУРИЗМ КАК НАИБОЛЕЕ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ
ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ**

Туризм создает возможности самопознания, пересмотра и обновления структуры важнейших жизненных ценностей, а также понимания культурных различий, что приобретает непреходящее значение в эпоху нарастающей глобализации и связанного с ней роста темпа социокультурных перемен. При этом отдых может иметь различные трактовки, в том числе не всегда связанные с туристической активностью человека. Однако в любом случае он представляет собой благо, а в сочетании с туристическими выездами отдых приобретает способность расширять жизненные горизонты и перспективы, становится неотъемлемой частью жизни и образцом для подражания наиболее мобильных членов общества. Современный темп жизни способствует тому, что в настоящее время культивируется новая ценность – отсутствие свободного времени, что напрямую связывается с профессиональной деятельностью человека. В этой ситуации осмысление способа и качества организации свободного времени представляется нам весьма актуальным и значимым.

Современный мир выдвигает перед человеком все новые вызовы, на которые необходимо давать своевременные и адекватные ответы, что, в свою очередь, ведет к росту требований, выдвигаемых человеком по отношению к самому себе. С одной стороны, наступило повсеместное расширение зоны свободного времени, связанное прежде всего с ростом технологий производства товаров и услуг, а с другой стороны, характерной чертой современности является взлет требований, предъявляемых человеку не только в профессионально-трудовой деятельности, но и не относящихся, на первый взгляд, к «обязательным» для выполнения правил организации его повседневной жизни. Здесь на первый план выходят жесткие требования, предъявляемые к внешнему виду человека и прежде всего к антропологическим его параметрам, отождествляющим, например, невозможность руководства собственным весом с невозможностью руководства подчиненным трудовым коллективом. Эпоха видеокультуры жизненный успех человека напрямую связывает с эстетикой его тела, способность к выполнению служебных обязанностей со способностью поддерживать свой внешний вид в состоянии «вечной» молодости. Поддержание высоких антропологических стандартов требует дополнительных затрат, что, в свою очередь, вызывает необходимость поиска дополнительных заработков. Тотальное и демонстративное потребление в обществе повсеместного расширенного потребления также является неотъемлемым доказательством «состоявшейся» личности, способной обеспечивать удобный жизненный старт детям и испытывать финансовый комфорт при совершении покупок или путешествий.

Ускорение темпа современной жизни приводит к преждевременному угасанию жизненной энергии человека, который уже к 30–35 годам испытывает на себе все цивилизационные симптомы: синдром хронической усталости, депрессия, стремление взбодриться алкоголем, наркотиками, разного рода энергетическими напитками и прочими атрибутами, являющимися своеобразными субститутами полноценного отдыха.

Туризм и путешествия являют собой широкое поле психологического, экономического, социокультурного и даже философского анализа. Их можно представить в определенном смысле как феномен переживания свободного времени, особенно в контексте общества потребления, в котором ценность этого времени постоянно меняет свою значимость. Примером здесь может служить культурный туризм как великолепная платформа для реализации различных форм отдыха. Он связан с социокультурным наследием и является одним из важнейших элементов инфраструктуры туристического движения. Это давно известный, но, к сожалению, недооцененный факт. Туризм и культу-

ра тесно взаимосвязаны, поскольку туризм является одной из функций культуры, ее транслятором, позволяющим расширять культурные горизонты, способствующие культурному диалогу и усвоению новых культурных канонов, обуславливающих перемены в собственном социокультурном пространстве. В то же время путешествия способствуют не только изменениям в мировосприятии. Важнейшим их элементом в процессе социокультурных изменений являются уже ранее упоминавшиеся нами возможности дистанцирования от собственного Я с целью его оценки в новых культурных реалиях, оценка компетенций и действий товарищей по путешествию, а также населения посещаемых привлекательных с туристической точки зрения мест. Такая переоценка позволяет по-новому взглянуть на проблемы морали, добра и зла, на границы допустимого, в том числе «отпускного» поведения.

Туризм – это широчайшие возможности культурных встреч, позволяющих пересмотреть многие суждения и факты из области истории, культуры, политики. То, куда направляются туристы, с какими целями и в чьем обществе, определяет отпускное поведение личности и в значительной мере влияет на население посещаемых территорий. С точки зрения пользы, вытекающей из обслуживания туристических потоков, туристической активности, проявляемой во время выезда, оказывается, что это способствуют улучшению физического здоровья, моральному прогрессу, повышению уровня общей культуры, чувству социальной ответственности и развитию личных способностей. При этом, однако, оказывается, что в действительности существует множество примеров, о которых трудно сказать, что в них проявляются такие ценности, как достоинство, уважение, человечность и т.д.

Отсюда вытекает появление такой важнейшей задачи в практике обслуживания туристического движения, как «правильный» отдых. За этим определением скрывается забота о собственном психо-физическом здоровье, правильное развитие и широко понимаемая культура. Отдых, опирающийся на туристическую активность, как нельзя лучше способствует самореализации человека. Свободное время является временем свободы не только от работы, обязанностей, повседневных забот. Иными словами, это время свободы, вольницы, освобождения, в том числе и от моральных норм. Такая свобода может сопровождаться употреблением алкоголя, наркотиков и фармакологических препаратов галлюцигенного действия. Но свободное время призвано способствовать восстановлению физических и психических сил человека. Именно в свободное время возможно, покинув место постоянного проживания, дистанцируясь от повседневных забот и обязанностей, взглянуть на собственную жизнь, наполненную борьбой за существование, конкуренцией за деньги, власть и жизненный успех. Оторвавшись от времяпровождения в торговых центрах, человек может сосредоточиться на переосмыслении собственной жизни, многих ранее незыблемых ценностей. Поэтому всегда желательны поездки, которые ориентированы не только на восстановление физических сил человека, но и на духовное возрождение.

Несмотря на то, что туризм – это экономический феномен, обусловленный спросом и предложением, вызванные им изменения не сводятся лишь к экономическим последствиям. Изменениям подвергаются стиль жизни, местные обычаи, традиции и культура. Демонстративная свобода во время туристических выездов не обязательно должна демонстрировать и предлагать к заимствованию не самые лучшие поведенческие шаблоны, присущие западной культуре.

Правильно организованное свободное время находит свое отражение в иерархической структуре ценностей. Туризм является незаменимым шансом восстановления физических и психических сил человека. Благодаря туризму и отдыху у человека появляется возможность креации новой структуры ценностей, которыми он может руководствоваться в повседневной жизни. Человек во время путешествия ощущает мощнейшие

интеллектуальное и эмоциональное переживания. Собирая сувениры, фотографируя и снимая на камеру посещаемые места и события, путешественник намеревается вновь пережить эти эмоции после возвращения домой. Путешествие требует определенного социокультурного и экономического поведения, вводит в новые социальные роли. В процессе отдыха и рекреации раскрываются его увлечения и склонности, о существовании которых он сам мог не иметь понятия. Здесь важным является то, чтобы выезд не превратился в побег в «никуда», в пустоту.

В настоящее время люди сталкиваются с нарастающей проблемой отдыха, поскольку не в состоянии правильно отдыхать. Такое неумение ведет к бессмысленному подражанию другим, следованию образцам, навязываемым средствами массовой информации, поиску острых впечатлений, выбросу адреналина, которые в результате могут явиться фактором возникновения фрустрации. Отсюда так важным представляется умение человека организовать свой отдых, с одной стороны, в полном соответствии с собственной индивидуальностью, предпочтениями и увлечениями, но, с другой стороны, иначе, чем в повседневной жизни. Людям, ведущим малоподвижный образ жизни в условиях современного города, необходим активный отдых на свежем воздухе в горах или на море, отдых, связанный с длительными пешими прогулками, велосипедными и байдарочными походами и иными подобными им видами физической рекреации. Туристам, активным и подвижным в повседневной жизни, наоборот, рекомендован пассивный отдых на солнце и в воде, позволяющий расслабиться и отдохнуть от повседневных дел и забот.

Нет абсолютно универсальных сценариев полноценного отдыха, поскольку у каждого человека собственное представление о себе, своих духовных и физических потребностях, материальных возможностях при том что современная массовая культура формирует и предлагает обществу стандарты организации свободного времени. Несмотря на то, что в двигательной рекреации сегодня принят стандарт тридцатиминутного движения трижды в неделю с пульсом 130 ударов в минуту, это отнюдь не означает, что он становится общепринятой нормой: определяющим фактором все же является индивидуальное начало человека. Невозможно принудить человека даже к минимальной активности, если он предпочитает, например, отдыхать с газетой в руках. Пассивный отдых может быть для многих туристов настолько привлекательным, что они отказываются от интереснейших культурно-познавательных экскурсий в пользу лежания под зонтиком и потягивания пива, что легко наблюдать в отелях Турции, Египта, Объединенных Арабских Эмиратов, Туниса и других привлекательных с точки зрения курортного туризма стран, предлагающих одновременно all inclusive, привлекающий огромным количеством практически круглосуточной еды и питья. К сожалению, побеждает пищевая наркомания. Рекреационная активность сводится иногда к простому лежанию у бассейна, если отель находится в удалении от морского побережья и поход к нему затруднен в виду высоких летних температур. Культурно-познавательная деятельность в этом случае проявляется в посещении многочисленных торговых центров, присылающих за туристами комфортный автотранспорт и гидов, сопровождающих их по магазинам и аутлетам. Отсюда невозможность определить качество отдыха. Единственным показателем в этом случае является самочувствие туриста, его готовность приступить к трудовой и учебной деятельности. Немаловажное значение на качество отдыха оказывают время года, климат, темперамент, интересы, коллектив туристов, в котором приходится проводить значительное количество времени, особенно в культурно-познавательных автобусных турах, продолжающихся порой до 19 дней.

В настоящее время повсеместно принято говорить о современном обществе как об обществе свободного времени. Отсюда качество и количество организованного свободного времени могут служить определенным показателем социального статуса, куль-

турного уровня, материального достатка, жизненного успеха человека. Жизненный успех во многом определяет качество отдыха, с одной стороны, а с другой – комфортный и полезный, правильно организованный отдых способствует быстрому восстановлению сил человека, расширению его знакомств, компетенций и культурного потенциала, что, в свою очередь, напрямую определяют этот успех.

Туризм предлагает обширный спектр возможностей организации отдыха при условии уважения к природе и культуре. Относительно новые виды туризма: экотуризм, агротуризм, культурный туризм – ведут к расширению жизненного пространства человека, лучшему пониманию окружающей природы и людей. Это, в свою очередь, ведет к росту ответственности и уважения не только к природному и культурному богатству своей страны. Повсеместно внедряемые правила посещения иных стран, знакомства с их традициями и культурно-историческими ценностями повышают уровень морального сознания, что способствуют росту уважения к себе и своей родной культуре.

Подводя итог вышесказанному, мы можем выделить следующие принципы, которым должен соответствовать правильно организованный отдых человека:

- 1) соответствие моральным и традиционным нормам;
- 2) удовольствие, получаемое от отдыха;
- 3) обдуманная организация выезда;
- 4) реализация большого спектра целей, связанных с рекреацией, расширением культурных горизонтов, знакомств и т.д.;
- 5) соответствие предлагаемого отдыха потребностям человека;
- 6) ценность;
- 7) добровольность и временность;
- 8) индивидуализация.

При этом следует принимать во внимание тот факт, что ввиду глобализации мира, позволяющей отдыхать в любое удобное время в любой точке мира, нельзя забывать о столкновении культур, при котором важнейшим правилом и отдыхающих, и организаторов туризма, и местного населения становится уважение к чужому языку, чужому образу жизни, иным традициям и культурным нормам, иной природе и ее богатству.

Yakavuk T.I. Recreation and Tourism as the Most Attractive Forms of Leisure Organization

Tourism creates opportunities for self-knowledge, revision and renewal of the structure of the most important life values, as well as for understanding of cultural differences, which has a very essential importance due to globalization and acceleration in the social and cultural changes related to globalization. Moreover, recreation may have various interpretations, including those which are not necessarily related to the human tourist activity. Anyway it is rather a beneficial phenomenon; however, in combination with tourist trips the recreation makes it possible to widen the life horizon and perspectives, it becomes an integral part of life and a model for the most mobile members of society. The modern tempo of life brings up the new value – the lack of free time, which is immediately related to the human professional activity. In this situation the sensible choice of the way and quality of leisure organization turns to be quite actual and important.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.09.2014

УДК 322+338.48

*А.И. Лысюк, М.Г. Соколовская***ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ
СОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНАЛЬНОМУ И МЕСТНОМУ РАЗВИТИЮ**

В данной статье анализируется воздействие на региональное и местное развитие созданных в Беларуси Общественных советов. Определяется содержание, структура и функциональные характеристики Общественных советов. Изучается их связь с проблематикой устойчивого развития. Показана их роль в институционализации локальных общественных инициатив и формировании сетевых отношений. Исследован зарубежный опыт в этой сфере сквозь призму его возможного использования в Беларуси. Разработаны рекомендации по оптимизации деятельности в Беларуси Общественных советов.

Введение

В условиях современной Беларуси решение вопросов, связанных с региональным развитием, находится преимущественно в компетенции органов государственной власти. Наряду с этим колоссальный резерв (и потенциал) заключен в пробуждении и развитии социальных инициатив на местном уровне. К тому же Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2020 г. обращает внимание на местные сообщества как на заинтересованную сторону и активного участника ее реализации, и отмечает, что создание экономических, социальных и экологических основ для устойчивого развития страны невозможны без участия в этом процессе местных сообществ, призванных осуществлять поиск путей и средств обеспечения устойчивого развития в конкретных регионах, городских и сельских поселениях. Очевидно также, что задачи развития местных сообществ и решаемые ими проблемы невозможно, как правило, вместить в рамки деятельности отраслевых министерств и отдельных учреждений – необходимо также гражданское участие.

В Республике Беларусь осуществление общественных инициатив в секторе регионального развития осуществляется главным образом посредством деятельности неправительственных и некоммерческих общественных организаций (объединений) (далее – НКО и НГО). Известно, что рамочные условия их деятельности достаточно сложны: многие из них сталкиваются с существенными трудностями, вызванными административными и правовыми ограничениями, очевидной нехваткой финансовых и материальных ресурсов, уменьшением количества международных фондов и организаций, работающих в Беларуси, трудностями их регистрации и перерегистрации, высокой степенью социальной пассивности населения Беларуси, ростом арендных платежей за офисы, неподъемных для многих НКО, снижением уровня социального капитала в сегменте третьего сектора и др. Тем не менее, несмотря на эти ограничения, происходит медленное, но поступательное появление новых общественных организаций, нацеленных именно на региональное развитие. К их числу относятся не только некоторая часть традиционных белорусских НКО, в особенности экологических, но и такие новые общественные структуры, как Фонды местного развития, Информационные центры по устойчивому развитию, инициативные группы по формированию и развитию Местных повесток–21 (МП–21), Советы по управлению агроэкотуристическими кластерами и дестинациями и др. Этот социальный сегмент можно отнести к числу постоянно растущего и имеющего однозначно позитивную динамику. Однако, с одной стороны, число подобных структур в масштабах страны по-прежнему невелико, а с другой – они жестко локализованы в определенной географической точке, чаще всего, в сельском совете (районе, небольшом городе).

В современной Беларуси существует и пространство социальной активности в регионах, что называется, «под государственным контролем». Речь идет, с одной стороны, о наличии различного рода координационных советов при органах государственной власти, куда входят наряду с государственными чиновниками также представители структур гражданского общества. Однако сама повестка дня подобных заседаний, проекты соответствующих решений разрабатываются и осуществляются органами государственной власти, а деятельность общественных структур и социальных инициатив носит в этих рамках преимущественно консультативный характер и сводится главным образом к артикуляции проблем, экспертным рекомендациям и ретрансляции уже принятых органами государственной власти решений. К тому же в этих советах наблюдается чрезмерное доминирование представителей госструктур, что, если использовать терминологию О. Смоляно и Ю. Чаусова, заставляет отнести их не к Общественным советам, а к советам государственно-общественным.

С другой стороны, общественная деятельность на локальном уровне может осуществляться определенными прогосударственными общественными организациями при безусловном согласовании и серьезной финансовой и административной поддержке соответствующих государственных структур. Спектр этих организаций достаточно стабилен и опирается в своей основе на интерпретацию гражданского общества Беларуси, данную Президентом Республики Беларусь А. Лукашенко: профсоюзы (ФПБ), молодежные (БРСМ), ветеранские организации, а также РОО «Белая Русь» и РОО «Белорусский союз женщин» и др. Однако эти организации сфокусированы, как правило, на проведении отдельных мероприятий и не ставят перед собой целей, связанных непосредственно с реализацией идей регионального развития. Безусловно, все эти структуры участвуют в решении отдельных региональных проблем. Однако коэффициент полезного действия осуществляемой ими деятельности существенным образом снижает их способность к созданию социальных сетей и сетевых отношений, действующих в конкретной местности и в конкретном социуме. В этом отношении эталонными сетевыми характеристиками (в том числе применительно к проблематике регионального устойчивого развития) обладают Общественные советы, создающиеся чаще всего при органах государственной власти и либо иных влиятельных (негосударственных) организаций и являющиеся в современной Беларуси сравнительно новой формой интеграции социальных инициатив. Эта форма общественной самоорганизации тем более важна, что, по мнению белорусского аналитика А. Касьяненко, именно слабость сетевых отношений в современной Беларуси приводит к существенному снижению социального капитала и, соответственно, эффективности социальных практик [1, с. 24–25].

Первоначально отметим, что в последние годы к тематике Общественных советов было привлечено внимание ряда белорусских экспертов, что объясняется достаточно интенсивным их развитием, не только количественным (их число по стране превысило 1 500), но и качественным (фокусировки их деятельности на проблематике устойчивого развития, в особенности на региональном уровне). В этом отношении следует выделить исследование О. Смоляно и Ю. Чаусова «Общественные советы в Беларуси: правовое регулирование и практика» (2011 г.), в котором была предпринята одна из первых (и успешная) попыток дать анализ этого сектора с акцентом (но не только) на правовые условия их функционирования. Применительно к нашему исследованию принципиально важным является сделанный авторами по результатам этого исследования вывод, что именно на региональном уровне Общественные советы выявили гораздо большую эффективность, нежели на общенациональном уровне [2, с. 12].

В 2010 г. одним из авторов данного материала была опубликована аналитическая статья «Общественные Советы как институциональная форма продвижения идей устойчивого развития», в которой была исследована деятельность уже существующих

в Республике Беларусь Общественных советов по агроэкотуризму и социальной защите населения в контексте устойчивого развития отдельных территорий [3].

Содержание и функции общественных советов

В целом мы согласны с определением Общественного совета, сформулированным О. Смолянко и Ю. Чаусовым, которые под этим феноменом понимают «образование с участием представителей общественности, которые имеют внутреннюю формализованную структуру, за которыми государственные органы закрепляют определенные полномочия и с которыми консультируются по вопросам принятия и исполнения государственных решений». При этом общественный совет должен быть формально создан на основании публично-властного предписания (нормативного акта), независимо от того, инициировано ли его создание государственным органом, либо общественностью. Важной его характеристикой является и то, что в нем «представительство общественности должно преобладать» [2, с. 6]. Одновременно отметим, что, как показала практика, Общественные советы существуют не только при органах государственной власти, но и других социальных институтах, что должно быть отражено в указанной дефиниции соответствующим дополнением.

Разумеется, ряд экспертов справедливо указывают на то, что число формально существующих Общественных советов велико, равно как и неэффективных в своей деятельности. Однако очевидно, что немалая часть из них достаточно успешна, несмотря на доминанту патерналистских настроений в белорусском обществе. Как известно, в современной Беларуси немногие структуры гражданского общества обладают собственной историей успеха. Подобная успешность обусловлена как самим форматом Общественных советов, так и выполняемыми функциями.

В первую очередь, очевиден их прикладной характер, поскольку они достаточно сфокусированы на решении конкретных проблем в определенной местности. Более того, можно констатировать, что Общественные советы и должны создаваться исходя из актуальных проблем, реальной общественной заинтересованности и активности. Например, в последние годы в г. Бресте возникла острая проблема деградации природной городской среды, и, как следствие этого, по инициативе общественности был создан Координационный совет по вопросам озеленения городских территорий при Брестском городском исполнительном комитете.

В этом отношении также нагляден и убедителен пример Общественных советов по агроэкотуризму, созданных уже во всех областях и многих районах Беларуси. Действительно, развитие сельского туризма не является первоочередной задачей для местных властей, но одновременно никто не отменял ответственность ее (власти) за реализацию программ по развитию данного сегмента туризма. В этой ситуации реальные политико-экономические интересы власти совпали с социальной потребностью и общественной заинтересованностью в развитии сельского туризма, что привело в конечном счете к созданию в этом сегменте тематических Общественных советов.

Кроме этого, местная власть должна увидеть в Общественном совете важный ресурс решения конкретной проблемы, серьезного партнера, обладающего социально значимыми (не обязательно материальными) ресурсами. Известно, например, что управления (отделы) исполкомов, отвечающие за спорт и туризм, загружены текущей рутинной работой (отчетами, справками, необходимостью выполнять указания вышестоящих органов и т.п.) и одновременно имеют перед собой задачу увеличения числа агротуристических усадеб, для решения которой они не обладают необходимыми знаниями, умениями и ресурсами. В этой ситуации областные и районные Общественные советы по агроэкотуризму смогли обеспечить экспертное сопровождение этого процесса, повысить компетенцию его субъектов и привлечь материальные ресурсы международной техни-

ческой помощи (в 2013–2014 гг. было выделено почти 2 млн долл. США для развития экотуризма в Брестской и Гродненской областях в рамках проекта USAID/ПРООН «Местное предпринимательство и экономическое развитие»). Кроме этого, Общественные советы содействовали включению в международные коммуникации белорусских субъектов агротуризма и взяли на себя миссию по представлению их интересов.

В свою очередь, деятельность Пинского Общественного совета по социальной защите населения позволила выделить несколько приоритетных сфер деятельности:

- 1) развитие волонтерского движения и волонтерских отрядов;
- 2) поиск новых форм работы с пожилыми людьми;
- 3) повышение компетентности работников сферы социальной защиты, особенно в сфере социальных инноваций;
- 4) усиление экспертной составляющей этого процесса;
- 5) укрепление вектора международного сотрудничества.

Практически за всеми Общественными советами закрепляется функция создания коммуникативной площадки для взаимодействия с властью. Как отмечают О. Смолянок и Ю. Чаусов, ссылаясь на результаты социологического опроса, многие респонденты отметили важность неформальной коммуникации и налаживания контактов в рамках советов, даже в случае их в целом неэффективной работы [2, с. 24].

Несмотря на привязку к органам государственной власти, существенную роль играют в Общественных советах структуры гражданского общества, представители социальных инициатив. Это тот редкий случай, когда местная власть, участвуя в создании общественной структуры, изначально занимает в ней позицию не руководителя и основного творца социальных изменений, а только одного из его активных участников, в целом следуя императиву партнерства. С одной стороны, в самом составе преобладают не представители госструктур, а с другой (что принципиально) – сама инициатива исходит от других социальных агентов. Так, процесс создания Общественного совета по разработке Стратегии устойчивого развития г. Жодино инициировали местные общественные организации, в особенности, Местный благотворительный фонд «Будущее для молодежи».

Конечно, существует риск, что в рамках Совета может быть сформирована система неравноправного партнерства и государственный орган власти может видеть в Совете только источник получения ресурсов, а не равноправного партнера, но практика показывает, что в силу преобладания в Советах структур гражданского общества подобный риск можно локализовать. К тому же в большинстве из них представители власти занимают адекватную позицию, выступая равноправным партнером, а не доминирующим игроком. Кроме этого, поскольку его участниками отдельные личности и организации становятся на добровольной основе, то наблюдается высокий уровень социального капитала. По этой причине Общественный совет предполагает небюрократический, неформальный и одновременно креативный стиль социальной деятельности. Поэтому совершенно логично, представители гражданского общества в Общественных советах чаще выполняют лидирующую роль и выступают инициаторами новых креативных предложений и ответственными исполнителями, нежели представители государственных органов.

Сами Общественные советы, осознавая ценность сетевых отношений, стремятся вступить в социальные сети с родственными структурами. В этом отношении наглядным примером выступают областные Общественные советы по агротуризму, которые активно взаимодействуют под патронажем БОО «Отдых в деревне» и Программы поддержки Беларуси Федерального правительства Германии. Подобные сети могут иметь как свое горизонтальное (территориальное), так и вертикальное деление: национальные/областные/районные советы. Так, например, в июне 2011 г. образован также Республиканский общественно-координационный совет по развитию агротуризма

ма при Департаменте по туризму Министерства спорта и туризма Республики Беларусь, в состав которого вошли председатели областных и некоторых районных Общественных советов. В ближайшее время логично его пополнение членами Советов по управлению межрайонными экотуристическими дестинациями и кластерами.

При анализе работы Общественных советов необходимо учитывать воздействие на них лидерского фактора, что совершенно логично, поскольку Беларусь относится к числу лидерских стран, в которых развитие отдельных сегментов общества как на общенациональном, так и на локальном уровнях решающим образом зависит не только от качества и количества соответствующих социальных институтов, но и от активности, креативности отдельных властвующих персон. Практика формирования и развития Общественных советов отчетливо продемонстрировала, что их успешность напрямую связана с деятельностью их руководителей. В этом отношении можно отметить, например, председателя Общественного Совета по социальной защите населения при Кобрынском ТЦСОНе Т.Н. Бойко, удачно сочетающую в себе практическую компетентность, видение перспективы, коммуникативный дар и авторитет во властных и общественных структурах.

Принципиальное значение имеет и то, чтобы основные субъекты Общественных советов обладали бы достаточно высокой степенью экономической и социальной автономии, равно как и имели в своем распоряжении ресурсы, значимые для других и способные усилить друг друга. Кроме этого, для Советов важным представляется отсутствие доминирующих игроков, что стимулирует достаточно высокую степень ориентированности друг на друга его членов и избавляет тем самым от коммуникативного когнитивного диссонанса, т.е. от дискомфорта, вызванного несовпадением отношений разных людей к предмету их коммуникаций, а следовательно, и друг к другу.

Успешность работы Общественных советов достаточно сильно связана с тем, чтобы ее субъекты не выступали в повседневности в качестве конкурентов, тем более социально-экономических антиподов, а, наоборот, являлись бы партнерами, связанными не только едиными ценностями, но (что принципиально) общими интересами. В этом отношении образцовая ситуация сложилась в Советах по агроэкотуризму, в которых общий интерес обнаружился в виде получения его участниками социально-экономических дивидендов, поскольку сельские агроэкотуристические маршруты и продукты составляют единую цепь, требующую предоставления местным населением разнообразных туристических услуг.

Социальная востребованность и своего рода «мода» на Общественные советы обусловлена и важностью ими выполняемых общественных функций. Естественно, в зависимости от направления деятельности Совета существенным образом будет варьироваться и его функциональная составляющая. Многие исследователи указывают на то, что основной задачей Общественных советов должно стать создание эффективного общественного контроля в сфере государственного управления. Но очевидно, что в «белорусских обстоятельствах» государственная власть по своей природе нацелена на локализацию подобных устремлений. Она поддерживает, как правило, только те Советы, которые не вторгаются в сферу непосредственно политических отношений. Но в любом случае при множестве функций Общественного совета ключевой является функция оказания влияния на процесс подготовки, принятия и реализации управленческих решений в интересах групп населения. В этом плане позитивно выделяются национальные и региональные Общественные советы по развитию предпринимательства, активно и поступательно лоббирующие через них собственные интересы. Но одновременно, как показали результаты социологического опроса, «степень воздействия общественных советов и принимаемых общественными советами решений на государственную политику, в том числе в части расходования бюджетных средств, респонденты чаще оцени-

вали как невысокую» [2, с. 25]. Это происходит отчасти потому, что решения, принимаемые Общественными советами, носят в Беларуси рекомендательный характер, что существенно образом понижает их КПД.

Важным представляется также организационный вопрос: при каких же государственных или общественных структурах должны создаваться Общественные Советы? Думается, что, учитывая этатистский и патерналистский характер белорусского общества, целесообразно создавать их при отраслевых управлениях (отделах) местных исполкомов. Тем более что тематика и проблематика регионального развития для органов государственной власти становится все более актуальной, понятной и входит в зону ее непосредственных интересов и ответственности. Например, 23 февраля 2010 г. был создан Общественный совет по содействию развития системы управления совместными домовладениями при управлении ЖКХ Витебского облисполкома. По такому же формату создавались в 2010 г. Общественный совет жилищно-строительных потребительских кооперативов и товариществ собственников в Мозырском районе (при районном отделе ЖКХ) и Общественный совет по развитию самоуправления в жилищной сфере (при администрации Фрунзенского района г. Минска) [4]. Возможен и вариант создания Советов при крупных, влиятельных и экономически самостоятельных и самостоятельных Союзах предпринимателей, но только в том случае, когда речь идет о предпринимательской деятельности, например, связанной с областью туризма или же предпринимательства. Думается, что «брестский вариант», основанный на организационной «сцепке» Совета первоначально с областным ОО «Союз предпринимателей Брестской области», а потом с Брестским областным агропромышленным Союзом, достаточно продуктивен, поскольку позволяет избавиться от чрезмерной опеки местной власти при одновременном сохранении с ней тесных и конструктивных отношений.

Из всего разнообразия Общественных советов в современной Республике Беларусь на региональном уровне действуют, как правило, чисто «тематические» Общественные советы с преобладанием представителей гражданского общества, поскольку Экспертные (консультативные) советы отсутствуют, в Координационных советах очевидна доминанта государства, в Межведомственных (межотраслевых) советах наблюдается подобная же картина. Если же брать так называемые независимые Общественные советы, т.е. существующие по-за пределами государственных структур и без государственного представительства, то они в регионах отсутствуют.

Зарубежный опыт функционирования общественных советов

Наиболее интересным и прагматичным является опыт стран с родственными социальными и политико-культурными обстоятельствами, особенно России, а также государств-соседей – Польши и Украины.

Как правило, в Российской Федерации Общественные советы соответствуют белорусским координационным советам, созданным при местных органах государственной власти с доминированием их представителей и призванным работать по наиболее значимым в регионе социальным вопросам: по делам ветеранов и инвалидов, по экологии и сохранению объектов культурного наследия, развитию агропромышленного комплекса и т.п. Они выполняют представительские функции и способствуют развитию общественной инициативы в регионах. Однако анализ состава этих Советов при государственных и муниципальных органах власти российских областей в своем большинстве свидетельствует о формальном представительстве в них НКО. Существование подобного формата Общественных советов при местных администрациях и органах местного самоуправления было бы целесообразным и в Республике Беларусь, поскольку в настоящее время отсутствуют легальные институционализированные каналы сообщения этим структурам на постоянной основе «голоса общественности».

Представляется целесообразным и использование «польского опыта», заключающего в том, что в рамках реализации определенного социального закона формируется Общественный совет по его реализации. Так, например, в этой стране на основании Закона «Об общественно полезной деятельности и волонтерстве» был создан Общественный совет по общественно полезной деятельности, задачей которого является осуществление контроля за его выполнением. По причине того, что для Беларуси чрезвычайно актуальным является внедрение Государственного социального заказа, введенного Законом Республики Беларусь «О социальном обслуживании» (в редакции 2012 г.) и Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2012 г. «О некоторых вопросах государственного социального заказа»; одним из вариантов его оптимального решения является создание на региональном уровне соответствующих Общественных советов по их реализации.

В силу того, что создание различных Общественных советов в стране нуждается в правовой определенности и стандартизации, представляется также важным использование опыта Украины, где Постановлением Кабинета Министров Украины от 3 ноября 2010 г. № 996 утверждено Типовое положение об Общественном совете при органах государственной власти. Украинский опыт представляет ценность и относительно характера директивности решений, принимаемых Общественными советами, для государственных организаций. Напомним, что их решения в Республике Беларусь носят рекомендательный характер, а украинское законодательство предусматривает, что они являются обязательными к рассмотрению при подготовке проектов нормативно-правовых актов по вопросам формирования и реализации государственной политики в соответствующей сфере, что существенным образом усиливает их (Советов) влияние на государственную политику.

Что касается компенсации расходов, понесенных в связи с участием в деятельности советов, то мировой опыт, в частности, немецкий и итальянский, свидетельствует о том, что их несут, как правило, структуры, при которых существует Совет. В наших условиях это чаще всего органы государственной власти. В реальности же в Беларуси, поскольку в бюджете отсутствуют статьи на подобные расходы, их финансирование осуществляется за счет либо международных фондов, либо отдельных бизнесструктур, заинтересованных в его деятельности. В качестве позитивного примера можно назвать Программу поддержки Беларуси Федерального правительства Германии, которая стремилась финансово поддержать мероприятия тех Общественных советов, созданию которых она содействовала.

Считаем возможным позаимствовать некоторый международный опыт, касающийся формирования Общественных советов, а именно практику предоставления возможности для самовыдвижения любым желающим своей кандидатуры для участия в Общественном совете, широко распространенную в США, либо избрание членов Общественного совета по представительству отдельной организации. В Беларуси первый вариант представляется нецелесообразным по причине представленности в Советах наиболее авторитетных представителей определенного сектора. Второй уже используется в том варианте, когда происходит корректировка членами уже существующего Совета своего состава посредством осуществления соответствующей процедуры голосования (отставка старых и избрание новых членов).

Индикаторы эффективности деятельности Общественных советов

Поскольку существующие в современной Беларуси Общественные советы в своем большинстве ориентированы на реализацию идей устойчивого развития, то и индикаторы их деятельности логически будут связаны с подобной проблематикой. В соответствии с этим мы будем опираться на рекомендуемый набор индикаторов устойчивого

развития и МП–21, разработанный О. Сивограковым [5], наполняя их специфическим содержанием, связанным с деятельностью именно Общественных советов. В контексте рассматриваемой нами проблемы можно выделить следующие индикаторы:

- 1) Количество и динамика Общественных советов, реализующих цели регионального развития.
- 2) Количество Общественных советов, входящих в сетевые отношения горизонтального и вертикального уровней в контексте регионального развития.
- 3) Объем финансовых ресурсов, привлеченных Общественными советами для реализации задач регионального развития.
- 4) Устойчивость Общественного совета во времени и пространстве (продолжительность существования Общественных советов и стабильность их кадрового состава).
- 5) Количество акций и социальных инициатив по реализации целей регионального развития, осуществленных Общественным советом.
- 6) Количество волонтеров, привлеченных Советом, для реализации целей регионального развития.
- 7) Количество заседаний Общественного совета, посвященных проблемам регионального развития.
- 8) Количество сообщений СМИ, включая и интернет-сообщения, посвященных деятельности Общественного совета.
- 9) Количество государственных, общественных и церковных организаций, входящих в состав Общественных советов.
- 10) Количество МП–21, инициированных Общественным советом.
- 11) Количество научной, учебно-методической и рекламной продукции, созданной Общественным советом либо по его инициативе, по проблемам регионального развития.
- 12) Количество предложений, разработанных Общественными советами и вошедших в Государственные общенациональные и региональные программы устойчивого социально-экономического развития.
- 13) Число Советов, ориентированных на задачи и принципы устойчивого развития.

Результаты и рекомендации

Очевидно, что в последние годы наблюдался своеобразный ренессанс по созданию новых Общественных советов, выходящих за пределы традиционных координационных советов при органах государственной власти, что обусловлено как прагматичными интересами (получение допуска к новым интеллектуальным и материальным ресурсам), так и активностью и системностью работы в этой сфере международных фондов и организаций. В частности, тот факт, что Общественные советы оказались гораздо более продуктивными на региональном уровне, чем на уровне национальном, опять-таки объясняется их не формально-символическим, а прагматическим характером. Для того, чтобы деятельность Общественных советов стала более продуктивной и обрела новую позитивную динамику по решению региональных проблем, целесообразно предпринять следующие шаги:

- 1) Придание юридической определенности статусу и формату Общественных советов, включая разработку их базового концепта.
- 2) Создание на уровне региона консорциума Общественных советов различной тематики и проблематики, занимающихся региональным развитием.
- 3) Обеспечение информационной компетентности региональных Общественных советов, что, с одной стороны, предполагает их обязательное присутствие и позиционирование в интернет-сетях, а с другой – создание общей информационно-коммуникативной площадки.

4) Стремление к максимальной прозрачности и демократизации деятельности Общественных советов, что достигается соблюдением принципов выборности, публичных дискуссий и информационной открытости.

5) Формирование вертикальных и горизонтальных сетей в тематическом отношении «кровнородственных» Общественных советов.

6) Создание Общественного совета по устойчивому развитию региона, в который должны войти представители местной власти, МП–21, Инфоцентров по устойчивому развитию, Фондов местного развития, Общественных советов по проблематике устойчивого развития и т.п.

7) Обеспечение финансовой безопасности Общественных советов посредством обязательного включения в их состав представителей социально ответственного местного бизнеса.

8) Обязательное создание Общественных советов при местных администрациях с целью выражения ими консолидированного мнения местных сообществ по тем или иным вопросам.

9) Несмотря на нынешний «совещательный» характер решений Общественных советов, целесообразно внести в белорусское законодательство положение об обязательности их рассмотрения местными администрациями.

10) Обязательность экспертной оценки (обсуждения) местных стратегий устойчивого социально-экономического развития профильными Общественными советами.

11) Необходимость формирования на местном уровне Общественного совета по развитию региональных НПО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Касьяненко, А.П. Белорусские НГО: развитие или выживание / А.П. Касьяненко // Аналитический бюллетень Белорусских Фабрик мысли. – 2001. – № 2. – С. 22–31.

2. Общественные советы в Беларуси: правовое регулирование и практика / О. Смоляноко, Ю. Чаусов. – Минск : Медисонт, 2011. – 64 с.

3. Лысюк, А.И. Общественные Советы как институциональная форма продвижения идей устойчивого развития / А.И. Лысюк // Методология разработки и реализации стратегий устойчивого развития территорий (Местных повесток – 21). – Минск : Пропилеи, 2010. – С. 115–125.

4. Кравчук, О.Г. Общественные советы в сфере ЖКХ в вопросах и ответах / О.Г. Кравчук, С.Н. Галкин, Ю.А. Голубева. – Витебск : ППБ, 2013. – 23 с.

5. Сивограков, О.В. Индикаторы устойчивого развития местного сообщества (Как оценить результаты Местной повестки – 21) / О.В. Сивограков. – Минск : Пропилеи, 2008. – 92 с.

Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Civic Councils as an Instrument of Helping Regional and Local Development

In a given article analyzed is the impact of Civic Councils, created in Belarus, on regional and local development. Defined are the content, structure, and functional characteristics of Civic Councils. Studied is their connection to the problems of sustainable development. Showed is their role in the institutionalization of local civic initiatives, as well as in the network relations forming. Studied is the foreign experience in this field through the prism of its possible application in Belarus. Elaborated is the totality of recommendations concerning optimization of Civic Councils' work in Belarus.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 28.08.2014

УДК 316.47+316.647+316.77

А.А. Широканова

ДИНАМИКА ГОРИЗОНТАЛЬНОГО И ВЕРТИКАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В БЕЛАРУСИ (ПО МАТЕРИАЛАМ WV5)

В статье рассматриваются показатели горизонтального и вертикального доверия в Беларуси, Польше, России и Украине, полученные в Мировом и Европейском исследованиях ценностей за 1990–2012 гг. На основе двух индикаторов горизонтального доверия и пяти индикаторов доверия социальным институтам показано, что в 2011–2012 гг. в четырех странах наблюдался примерно одинаковый уровень доверия знакомым (84%) и впервые встреченным (24%) людям. Обобщенное доверия людям росло во всех странах с середины 1990-х гг., достигло пика в 2008 г. и в 2011 г. в Беларуси составило 33%. Вертикальное доверие по четырем странам выше всего по отношению к церкви (68%), вооруженным силам (65%). В Беларуси уровни вертикального доверия выше, чем в трех остальных странах. Доверие правительству составило 56% в 2011 г., а доверие милиции выросло с 40% в 2000 г. до 55% в 2011 г.

Введение

Доверие является одним из важнейших показателей социального самочувствия и состояния социальной интеграции в обществе. Являясь основой социального капитала – совокупности социальных связей индивида или группы и связанных с этим ресурсов – доверие выступает одной из наиболее востребованных категорий в количественных исследованиях ценностей [1, с. 452; 2, с. 553–555]. Доверие «привычно и естественно, и, пока не наступит кризис, оно влияет на наше поведение неуловимо и неосознано» [3]. Кризис 2008 г. и снижение уровня жизни в наиболее пострадавших от него Южной Европе, Ирландии, Исландии стимулировал интерес к изучению доверия как к социальным институтам, так и между людьми. Так, Европейское социальное исследование (ESS) позволяет увидеть, что этот кризис вызвал снижение вертикального доверия к правительству, однако уровень обобщенного горизонтального доверия остался высоким.

В посткоммунистической Восточной Европы доверие является постоянной темой в исследованиях. Начиная с 1990-х гг. во всех странах бывшего соцблока и Югославии, включая нынешних стран – членов Европейского союза, наблюдаются паттерны доверия и социального капитала, которые значительным образом отличаются от западноевропейских. Так, для Северной Европы и Нидерландов характерны высокие уровни формального (участие в организациях) и неформального социального капитала (поддержка семьи и друзей). В Южной Европе основную роль в структуре социального капитала играют сети семейных связей, а в Восточной Европе – семейные, дружеские и другие связи, относящиеся к неформальному социальному капиталу [4, р. 423].

Цель данной статьи – осветить новейшие доступные данные по различным видам доверия в Беларуси в сравнении с соседними странами в контексте продолжающихся постсоветских социальных трансформаций. Хотя развитие постсоветских стран отметило торжественный 20-летний рубеж в 2011 г. и хотя общественно-политические процессы в этих странах свидетельствуют о «расходящихся путях развития» [5, с. 3], на межстрановом региональном уровне в «славянском треугольнике» Беларуси, России, Украины продолжают общие долговременные тенденции, такие как смешанность нормативных ориентаций, низкий уровень религиозной социализации и рост религиозного сознания [6, с. 533; 7, р. 244–245], высокая ориентация на сильного лидера [8].

В фокусе данной работы находятся, во-первых, уровни горизонтального доверия (доверия между людьми) с его подразделением на доверие знакомым и незнакомым людям. Основываясь на социальнопсихологических теориях о «мы-группах» и «они-группах», исследователи обосновали важность индикатора доверия незнакомцам как показателя уровня общественного доверия, усиливающего социальное благопо-

лучие [9, р. 8]. Во-вторых, в данной статье рассматриваются уровни вертикального доверия социальным институтам. Исследователи отмечают, что для трансформирующихся постсоветских обществ характерным является высокое доверие «иерархическим» социальным институтам (исполнительная власть, церковь, армия) и низкое доверие «институтам повседневного окружения» – здравоохранению, школе, милиции (А. Левинсон), а также низкое доверие к незнакомым людям (К. Вельцель) [8].

Показатели доверия в международных опросах

Основой данного анализа выступают данные 6-й волны Мирового исследования ценностей (World Values Survey), опубликованные в апреле 2014 г. и доступные на сайте проекта. Беларусь участвует в опросах WVS и ранее связанного с ним Европейского исследования ценностей (EVS) с 1990 г. За это время опросы в Беларуси проводились в 1990, 1996, 2008, 2011 гг. Данные являются репрезентативными по странам для всего населения старше 16 лет. Опрос в Беларуси, России и Украине проводился в 2011 г., в Польше – в 2012 г.

В 6-м раунде WVS по Беларуси использовались 7 показателей горизонтального доверия:

1. Традиционный для WVS вопрос: «В целом считаете ли вы, что большинству людей можно доверять, или, напротив, нужно быть осторожными, имея дело с людьми?» (дихотомия «Большинству людей можно доверять» или «Нужно быть очень осторожными с людьми»).

2. Блок из 6 вопросов о доверии различным группам (введен в 5-м раунде): «Скажите, пожалуйста, насколько Вы доверяете разным категориям людей? (полностью, в некоторой степени, скорее нет, совсем нет; Вашей семье, Вашим соседям, людям, с которыми Вы лично знакомы, людям, с которыми Вы впервые встретились, людям другой религии/веры, людям другой национальности)» [10].

Доверие незнакомым и доверие людям другой национальности/религии имеет различную природу, причем «незнакомцам» доверяют реже независимо от географического расположения страны [1, с. 456]. Опираясь на индексы доверия К. Вельцеля, А. Алмакаева предлагает сравнивать индикаторы доверия знакомым и незнакомым людям как наиболее информативные [1, с. 456]. Во все предыдущие опросы WVS и EVS, в которых участвовала Беларусь, был включен только первый вопрос, поэтому он используется для анализа динамики доверия. Доверие знакомым и незнакомым людям анализируется на материале опроса WVS 2011–2012 гг.

Относительно вертикального доверия работе институтов («confidence» в корневом опроснике), то во всех волнах этот показатель измеряется 4-балльной шкалой и списком из более чем 10 позиций, куда включены органы госуправления, церковь, СМИ, профсоюзы, различные виды организаций и надгосударственные объединения. В связи с изменением некоторых формулировок в исследовании 2011–2012 гг. (например, «система образования» в опроснике заменена «университет») здесь анализируется доверие таким институтам, как армия, полиция (милиция), пресса, церковь.

Горизонтальное доверие

Сравнительные показатели доверия знакомым и незнакомым людям в 2011–2012 гг. по Беларуси и соседним странам, участвовавшим в 6-й волне WVS, такие (таблица 1):

Таблица 1 – Доверие знакомым и незнакомцам в Беларуси и соседних странах, % [10]

Люди, с которыми Вы лично знакомы*	Беларусь	Польша	Россия	Украина	Итого
Полностью доверяю	17	8	20	18	17
В некоторой степени доверяю	65	79	62	67	67

Продолжение таблицы 1

Не очень доверяю	14	11	15	13	14
Совсем не доверяю	3	1	2	2	2
Люди, с которыми Вы впервые встретились *	Беларусь	Польша	Россия	Украина	Итого
Полностью доверяю	2	0	2	1	1
В некоторой степени доверяю	20	24	19	27	22
Не очень доверяю	48	54	43	52	48
Совсем не доверяю	30	17	32	20	27

*Не показаны варианты «Не знаю», «Нет ответа», поэтому сумма по столбцу равна менее 100%.

В среднем по четырем странам «полностью» и «в некоторой степени» доверяют личным знакомым 84% респондентов. Значения по Беларуси, России и Украине почти совпадают. В Польше контрастно меньше тех, кто «доверяет полностью», и больше тех, кто доверяет отчасти, но общий уровень данного вида доверия почти такой же (в Швеции, относящейся к наиболее благополучным в Европе странам, в 2011 г. этот показатель составил 97%). Доверие незнакомым людям декларируется значительно реже доверия знакомым: 23% в целом в четырех посткоммунистических странах «полностью» и «в некоторой степени» доверяют людям, которых видят впервые (в Швеции в 2011 г. этот показатель составил 57%, из которых 52% доверяют «в некоторой степени»). В свою очередь, «совсем не доверяет» людям при первой встрече почти каждый третий житель Беларуси и России; в Польше и Украине – каждый пятый.

Для сравнения динамики горизонтального доверия во времени проанализируем данные по вопросу-дихотомии «большинству можно доверять» – «нужно быть осторожными с людьми». Данный показатель доступен для Беларуси за 5 волн WVS и EVS, начиная с 1990 г. (Украина в исследование еще не вошла) (таблица 2).

Таблица 2 – Динамика общего доверия в Беларуси и соседних странах, % [10; 11]

	Беларусь	Польша	Россия	Украина	Итого
	2011*	2012*	2011*	2011*	
Большинству людей можно доверять	33	22	28	23	27
Нужно быть очень осторожными с людьми	60	76	66	70	67
	2008				
Большинству людей можно доверять	45	28	29	28	33
Нужно быть очень осторожными с людьми	55	72	71	72	67
	2000				
Большинству людей можно доверять	42	19	24	27	27
Нужно быть очень осторожными с людьми	58	81	76	73	73
	1996*				
Большинству людей можно доверять	23	17	23	29	24
Нужно быть очень осторожными с людьми	73	78	74	64	71
	1990*				
Большинству людей можно доверять	25	31	35	–	–
Нужно быть очень осторожными с людьми	73	60	58	–	–

*Не показаны варианты «Не знаю», «Нет ответа», поэтому сумма по столбцу равна менее 100%.

По состоянию на 2011 г. каждый четвертый житель Беларуси и соседних стран утверждал, что большинству людей скорее можно доверять. Начиная с 1995 г. этот показатель по 4 странам колебался в пределах 10%: с 24% в 1995 г. до 33% в 2008 г. Показатель 2008 г. является самым высоким; его снижение в 2011 г. можно связать с общемировым финансовым кризисом 2008 г. и кризисом 2011 г. в Беларуси.

В 2011–2012 гг. в Беларуси несколько больший, чем в соседних странах, процент людей были готовы доверять людям (33%). В Польше, России, Украине этот показатель несколько ниже (22–28%). Начиная с 2000 г. в Беларуси фиксируется большая, чем в соседних странах, доля людей, готовых доверять другим. В 1990-е гг. более высокий уровень горизонтального доверия наблюдался в России и Украине. Учитывая разные стартовые позиции, в Польше и России уровень доверия 1989–1990 гг. до сих пор не достигнут. В Беларуси, напротив, за время наблюдений пик пришелся на 2000–2008 гг., когда окружающим людям хотели доверять более 40%, а количество недоверяющих стало менее 60% (в Швеции в 2011 г. ответы распределились так: 60%/40%, и это соотношение остается примерно постоянным с 1981 г.). По сравнению с наиболее низкими значениями горизонтального доверия в 1995–1997 гг. во всех посткоммунистических странах доверие возросло, достигнув пика к 2008 г. и снизившись после наступления общеевропейского финансового кризиса.

Вертикальное доверие

Доверие работе социальных институтов рассматривалось в сравнительной динамике. Сравним ранжированные по 4 странам уровни «полностью доверяющих» и «в некоторой степени доверяющих» за 1999–2000 гг. и 2011–2012 гг. (таблица 3).

Таблица 3 – Доверие социальным институтам в Беларуси и соседних странах, % [10; 11]

	Беларусь	Польша	Россия	Украина	Итого
	2011–2012				
Церковь	72	58	63	75	68
Вооруженные силы	74	63	63	59	65
Правительство страны	56	16	47	26	40
Полиция (милиция)	55	50	32	31	40
Пресса	39	27	34	53	39
1999–2000					
Вооруженные силы	70	68	67	69	68
Церковь	71	69	61	66	65
Правительство страны	67	23	60	24	43
Пресса	41	47	30	47	38
Полиция (милиция)	40	55	29	32	37

Наибольшим доверием среди данных институтов в Беларуси и соседних странах пользуются церковь и вооруженные силы (более 70% в Беларуси). Правительство и милиция занимают второе место (55% в Беларуси). На третьем – пресса (39%). В четырех рассматриваемых странах показатели значительно различаются. Так, наибольшим доверием церковь пользуется в Беларуси и Украине (72% и 75%), вооруженные силы и правительство (в Беларуси – 74% и 56% соответственно), полиция (в Беларуси и Польше – 55% и 50% соответственно), пресса (в Украине – 53%) (в Швеции выше всего доверие полиции (79%) и правительству (60%)).

По сравнению с 1999–2000 гг. общая иерархия доверия данным институтам сохраняется: армия и церковь лидируют; правительство, пресса, полиция идут следом со значительным отрывом. Тем не менее следует отметить, что за данный период в Польше снизилось доверие к церкви (с 69% до 58%), прессе (с 47% до 27%), правительству (с 23% до 16%); в Беларуси снизилось доверие правительству (с 67% до 56%), но возросло доверие милиции (с 40% до 55%). В России доверие правительству также снизилось (с 60% до 47%); в Украине возросло доверие церкви (с 66% до 75%), снизилось доверие армии (с 69% до 59%); остальные показатели остались прежними.

Таким образом, по сравнению с соседними странами Беларусь характеризуется более высоким уровнем доверия к таким институтам, как церковь, армия, правительство и милиция, причем наблюдается рост доверия милиции, что может говорить о повышении субъективной безопасности и одобрении работы данного института.

Обсуждение результатов

Высокое доверие социальным институтам само по себе не является достаточным фактором для того, чтобы делать выводы о состоянии доверия в стране. В некоторых странах доверие государственным органам сочетается с развитой самоорганизацией граждан; в других – государство принимает на себя практически все функции. Отсутствие горизонтального доверия при высоких уровнях вертикального доверия свидетельствует о неполной системе социальных связей в обществе, где гипертрофированная нагрузка приходится, с одной стороны, на государственные механизмы социального обеспечения, а с другой – на неформальные социальные связи.

Беларусь характеризуется высоким уровнем горизонтального и вертикального доверия по сравнению с соседними странами (на фоне других европейских стран посткоммунистические государства все еще образуют кластер относительно низкого горизонтального и высокого вертикального доверия). Несмотря на снижение горизонтального доверия в связи с финансовым кризисом, за 2000-е гг. в Беларуси доверие милиции стало выше, что важно для ощущения безопасности в обществе. Как отмечает С. Сальникова, доминирование государства во всех сферах общественной жизни приостановило дезорганизацию белорусского общества, которое после утраты коммунистических идеалов находилось в крайней неопределенности [12, с. 130].

Одна из основных причин воспроизводства высоких уровней вертикального доверия в постсоветских странах в целом – интенсивная дифференциация общества в постсоветский период: «Нация переживает дифференциацию в связи с резко изменившимся характером жизни – люди становятся очень разными на протяжении жизни одного поколения, а не нескольких, что рождает стремление символическим образом объединиться вокруг одной фигуры, одного события, такого как Победа в ВОВ» [8]. Действительно, «коллективная память уменьшает сложность и снижает неопределенность социальной среды, упрощает взаимопонимание и облегчает взаимодействие с окружающими» [3]. В этом смысле она действует наряду с другими механизмами снижения неопределенности, такими как этнические символы, маркирующие большой объем информации о «человеке, с которым вы раньше никогда не встречались» [3]. В то же время доверие «первым встречным» в Беларуси и соседних странах остается достаточно низким, что ограничивает возможности взаимодействия в рамках формальных социальных институтов, которые реализуются в странах с высоким уровнем благосостояния. Опасность такого состояния состоит в следующем. Приоритетная значимость неформальных социальных связей имеет тенденцию к самовоспроизводству и легитимизации, когда на уровне общественного дискурса утверждается, что «можно доверять только своим». Феномен «своих» является двойственным для социального благосостояния, поскольку, хотя он и открывает доступ к искомым ресурсам, одновременно легитимирует непрозрачность социальных институтов. Как отмечает А. Левинсон, «работа через “своих” – один из элементов системы коррупции, покрывающей все отношения» в современном российском обществе [8], той же «тотальной коррумпированности» постсоветского общества (Ю. Левада) [12, с. 102]. Кроме этого, воспроизводство полуофициальных неформальных институтов способствует «двойной институционализации» (Е. Головаха, Н. Панина) – укоренению старых, «временных» институтов в ущерб новым формальным институтам и их легитимности [12, с. 103], что было особенно характерно на пике постсоветского снижения доверия в конце 1990-х гг.

Таким образом, результаты 6-й волны WVS относительно горизонтального и вертикального доверия в Беларуси достаточно четко показали воздействие финансового кризиса, с одной стороны, и продолжение паттерна относительно высокого уровня горизонтального и вертикального доверия в обществе. Результаты данного исследования в целом согласуются с другими данными. Так, по материалам репрезентативного национального опроса «Левада-центра» (август 2014 г.), в России 54% доверяют религиозным институтам, 53% – армии, 46% – правительству [8]. Вывод о росте горизонтального доверия отчасти подкрепляется данными сравнительного проекта по здоровью в странах СНГ (НИТТ-CIS, 2010), согласно которым 9 из 10 белорусов, украинцев, россиян имеют поддержку близких людей [13, с. 289–290].

Каковы перспективы развития доверия в постсоветских странах? П. Штомпка сформулировал «четыре условия культуры доверия»:

- 1) нормативная последовательность, при которой наличие доверия является общей презумпцией коммуникации;
- 2) стабильность норм, их постепенные и предсказуемые изменения;
- 3) открытость структур социума и власти, позволяющая людям получать информацию об их функционировании и высказывать мнения и оценки на их счет;
- 4) подотчетность социальных институтов и чиновников как гарантия ответственности и уважения принятых обязательств [3].

На сегодняшний день достижение этих условий пока является далекой перспективой для постсоветских обществ.

Заключение

Доверие, особенно доверие между незнакомыми людьми, – это ресурс экономического развития и социального благосостояния. Развитие данного вида доверия связано с ощущением экономической безопасности на протяжении продолжительного периода времени: неслучайно, что наиболее высокие показатели по данному индикатору характерны для скандинавских стран. Для посткоммунистических стран до сих пор основной проблемой социальных взаимоотношений является низкий уровень горизонтального доверия и повсеместность неформальных социальных структур на фоне высокого доверия иерархическим социальным институтам. Поиски ощущения безопасности и надежности социальных норм в быстро изменяющихся посткоммунистических обществах стимулировали закрепление «неформальных» социальных институтов, которые отчасти затрудняют формирование и легитимизацию формальных институтов и обобщенного доверия в обществе. Учитывая рост ощущения безопасности в Беларуси и относительно высокие уровни горизонтального доверия, на следующем этапе развития следует стимулировать образование не просто горизонтальных связей между людьми, но и повышение доверия незнакомым людям, что связано с улучшением качества и прозрачности формальных социальных институтов, не «завязанных» на личных связях и неформальном социальном капитале участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмакаева, А. Методические подходы к измерению обобщенного и межличностного доверия / А. Алмакаева // Современная социология – современной России : сб. ст. памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского. – М. : НИУ ВШЭ, 2012. – С. 452–459.
2. Татарко, А.Н. Капитал социальный и социально-психологический: в чем различия? / А.Н. Татарко // XIV апрельская междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / Отв. ред. Е.Г. Ясин [Электронный ресурс]. – 2014. – С. 549–

564. – Режим доступа : <http://www.hse.ru/data/2014/03/21/1318421862/Конф.Кн.3-текст.pdf>. – Дата доступа : 11.09.2014.

3. Хоскинг, Дж. Доверие и недоверие в СССР: общий обзор / Дж. Хоскинг // Неприкосновенный запас [Электронный ресурс]. – 2013. – № 6. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nz/2013/6/7h.html>. – Дата доступа : 01.09.2014.

4. Pichler, F. Patterns of Formal and Informal Social Capital in Europe / F. Pichler, C. Wallace // *European Sociological Review*. – 2007. – Vol. 23, № 4. – P. 423–435.

5. Куценко, О.Д. Расходящиеся общества: особенности системной трансформации в России и Украине / О.Д. Куценко [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа : http://ecsocman.hse.ru/data/686/769/1223/03_Kuz_3_2006.pdf. – Дата доступа : 01.09.2014.

6. Пруцкова, Е.В. Влияние религиозности на базовые ценности населения европейских стран: эффект первичной религиозной социализации / Е.В. Пруцкова // XIV апрельская междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / Отв. ред. Е.Г. Ясин [Электронный ресурс]. – 2014. – С. 527–536. – Режим доступа : <http://www.hse.ru/data/2014/03/21/1318421862/Конф.Кн.3-текст.pdf>. – Дата доступа : 11.09.2014.

7. Titarenko, L. On the Shifting Nature of Religion during the Ongoing Post-Communist Transformation in Russia, Belarus and Ukraine / L. Titarenko // *Social Compass*. – 2008. – Vol. 55, № 2. – P. 237–254.

8. Почему россияне несчастны? (и что об этом знают исследователи ценностей) / Гайдар-клуб [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : <http://club.gaidarfund.ru/articles/2088>. – Дата доступа : 02.10.2014.

9. Almakaeva, A. Human Empowerment and Paradoxes of Trust: A Multilevel Analysis / A. Almakaeva, E Ponarin, C. Welzel [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access : http://iippe.org/wp/wp-content/uploads/2013/06/AlmakaevaAnnaHuman_Empowerment_trust_text.pdf. – Date of access : 15.09.2014.

10. World Values Survey Wave 6: 2010–2014 Official Aggregate v. 20140429 // World Values Survey Association [Electronic resource]. – Madrid, 2014. – Mode of access : www.worldvaluessurvey.org.

11. European Values Study 2008: Integrated Dataset (EVS 2008) // GESIS Data Archive, ZA4800. – Data file Version 3.0.0, doi:10.4232/1.11004. – Cologne, 2011.

12. Сальникова, С. Особенности нормативной регуляции в украинском и белорусском социумах / С. Сальникова // Динамика ценностно-нормативной системы и жизненные шансы: опыт постсоветской трансформации в Пограничье / Е.С. Мурадян [и др.]. – Вильнюс : ЕГУ, 2014. – С. 91–193.

13. Мурадян, Е. Жизненные шансы и возможности в условиях Пограничья: социокультурные измерения // Динамика ценностно-нормативной системы и жизненные шансы: опыт постсоветской трансформации в Пограничье / Е.С. Мурадян [и др.]. – Вильнюс : ЕГУ, 2014. – С. 253–327.

Shirokanova A.A. Dynamics of Horizontal and Vertical Trust in Belarus (WVS Materials)

The article deals with indicators of horizontal and vertical trust in Belarus, Poland, Russia and Ukraine as reflected in the data of World Values Survey and European Values Study in 1990–2012. Two indicators for horizontal trust and 5 indicators for the confidence in institutions are used. The results of the 6th WVS wave (2010–2014) show the same levels of trust to the people known personally (84 per cent) and to the people met for the first time (24 per cent) across 4 countries. General trust to people has been growing in post-communist societies since the mid-1990s, reaching its high in 2008 and equals 33 per cent in Belarus (2011). Vertical trust is strongest across the four countries towards the church (68 per cent) and the armed forces (65 per cent). In Belarus, the levels of vertical trust are higher than in other three countries. Confidence in national government equaled to 56 per cent in 2011, while confidence in the police grew from 40 cent in 2000 to 55 per cent in 2011.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.10.2014

УДК 316 (253 +3),

С.Т. Кавецкий**СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ
НА РУБЕЖЕ XX И XXI вв.**

В статье раскрываются многогранные аспекты свободного времени через призму аномического развития общества. Анализируются трансформационные процессы в сфере свободного времени. Исследуются объем, структура и содержание свободного времени. Раскрывается нерациональное использование свободного времени через спектр современных девиаций.

Время, наряду с пространством, является всеобщей формой существования материи. Различным формам движения материи соответствуют свои специфические формы времени. Движению общественной материи соответствуют формы социального времени. Социальное время занятого в производстве населения можно представить следующим образом: рабочее время, вне рабочее время, которое включает в себя время поездок на работу и обратно, время на хозяйственно-бытовые нужды, время на физиологические потребности и, наконец, свободное время.

Процесс научного осмысления многогранных аспектов свободного времени, начавшийся в 20-е гг. XX в. в СССР, был продолжен в конце 1950-х – начале 1960-х гг. и связан с трудами С.Г. Струмилина, Г.А. Пруденского, В.Д. Патрушева, которые, основываясь на научных положениях К. Маркса о свободном времени, показали его общественную и индивидуальную значимость, поставили вопрос о необходимости его рационального использования с целью повышения эффективности производства.

В период 70–80-х гг. XX в. расширилась география конкретно-социологических исследований, проблематики свободного времени, заметно повысился интерес к ней со стороны социологов, философов, экономистов. Интерес к проблемам социального времени, в том числе свободного, проявили белорусские ученые Е.М. Бабосов, Н.А. Барановский, Т.И. Матюшкова, С.А. Шавель, А.Б. Мискевич, С.Т. Кавецкий и др. Исследования, проведенные автором в 1970–80-е гг. на промышленных предприятиях республики, раскрывали формы использования и пути совершенствования рабочими, ИТР и служащими свободного времени.

Трансформация белорусского общества в конце XX – начале XXI вв. привела к изменениям и в понимании рабочего, вне рабочего (в том числе свободного) времени, и в их структуре и содержании. Если в социалистическом измерении пропагандировался лозунг К. Маркса «Свободное время – общественное богатство», то современная действительность диктует гражданам Республики Беларусь иную ценность: «Время, которое у нас есть, это деньги, которых у нас нет».

Структура свободного времени включает более 500 видов деятельности, которые по содержанию можно разделить на три группы: 1) досуг во всех проявлениях (туризм, посещение зрелищ, выставок, музеев, отдых в свое удовольствие и т.д.); 2) свободное время, совпадающее с социально-профессиональной деятельностью человека (моделирование, изобретательство, разнообразное творчество, заочная и вечерняя учеба, общественная выборная организационная работа и т.д.); 3) нерациональное использование свободного времени: с одной стороны, пассивный отдых, с другой – девиантное (отклоняющееся) поведение в свободное время.

С конца 1980-х гг. в Беларуси стали возможны поездки за границу. Вот что представляют собой данные о поездках за рубеж согласно конкретно-социологическим исследованиям (таблица 1).

Таблица 1 – Были ли Вы в течение последних 3-х лет за рубежом?, %

Регион	Да	Нет
Витебская область	26,6	73,4
Гродненская область	33,7	67,3
Гомельская область	27,2	23,8
г. Минск	36	61
Минская область	10,9	89,1
Могилевская область	16,7	83,3
Брестская область	40,1	59,9
г. Брест	62,5	37,5
г. Пинск	52,8	47,2
г. Кобрин	55,2	44,8
г. Ивацевичи	35,7	44,3
Республика Беларусь	34,1	65,9

Национальное социологическое исследование 1997 г. более подробно раскрывает этот аспект. Сравнительное социологическое исследование, проведенное в феврале 2005 г. в г. Бресте, дает возможность рассмотреть причины и следствия поездок за границу. Если в 1997 г. в течение 3-х последних лет за границей было 62,5% опрошенных брестчан, то в 2005 г. – 34,4%. Для тех, кто бывал за рубежом, вопрос конкретизировался: «Если бывали, то с какой целью?»: 1) по работе – (1997 г. – 7,5%; 2005 г. – 19,4%); 2) туризм (1997 г. – 17,5%; 2005 г. – 34,4%); 3) бизнес во всех проявлениях (1997 г. – 72,5%; 2005 г. – 45,2%); 4) с другими целями (1997 г. – 7,5%; 2005 г. – 2%). Еще один дополнительный вопрос предлагался для тех, кто бывал за границей: «Если Вы бывали, приходилось ли Вам вольно или невольно нарушать таможенные правила?» (в 1997 г. нарушали 75% туристов; в 2005 г. – 57%). Таким образом, структура поездок практически не изменилась, зато произошли процентные трансформации целей зарубежных поездок, а именно: увеличилось на 11,9% количество пересечений по работе, т.е. расширились деловые связи, научные контакты, культурное и спортивное сотрудничество. Число туристических поездок и путешествий увеличились на 16,9%; по утверждениям респондентов, на 18% уменьшилось количество таможенных нарушений при пересечении границы. При этом, однако, данное нарушение в процентном отношении (57) весьма велико. Это, в первую очередь, связано с тем, что «экономический туризм» хотя и снизился на 27,3%, но существует, поскольку г. Брест и область имеют границы с Польшей и Украиной. Во-вторых, экономический фактор по-прежнему довлеет над брестчанами. В-третьих, за восемь лет, прошедших с момента национально-социологического исследования, неоднократно менялись правовые, визовые, таможенные правила, часто противоречащие друг другу. Таким образом, на данном социологическом срезе можно видеть, с одной стороны, такое состояние общества, в котором заметная часть его членов, зная о существовании обязывающих их норм, относится к ним негативно или равнодушно; с другой стороны, можно вести речь о неустойчивости, расплывчатости и противоречивости нормативных предписаний, и не только таможенных. Люди приспосабливаются к состоянию аномии разными индивидуальными способами: либо конформизм, т.е. подчиняющееся поведение, что характерно для нашей пресловутой «толерантности», либо отклоняющееся поведение (наркомания во всех ее проявлениях, бюрократия, уход от мира, забастовки, голодовки, мелкое воровство, экономический туризм). При этом выявляется психологический парадокс: человек чувствует себя более защищенным и свободным в жесткой закрытой системе с малым выбором занятий и ограниченными возможностями социального продвижения, чем в условиях неопределенности, в подвижной открытой системе с универсальными нормами, формально равными для всех.

Наличие свободного времени диктует человеку мыслящему задачу рационального использования этого времени для развития интеллектуального потенциала, отдыха, физического совершенствования и т.д. Факторами, способствующими рациональному использованию свободного времени, являются:

1. Влияние трудового коллектива, повышение производительности труда и, соответственно, сокращение рабочего времени.

2. Улучшение сервиса, бытового и торгового обслуживания, системы общественного питания. (Интересно, кстати, отметить, что, по данным социологических исследований, нормальный человек может стоять в очереди не более 7 минут, после чего он начинает нервничать. Всплеск дефицита, введение талонной системы, практика постоянных очередей выпадает на конец 1980-х – начало 1990-х гг., хотя и сейчас есть очереди: долгосрочные (на квартиру), многочасовые (на проезд через границу), эпизодические, возникающие как реакция на появление «дефицита»).

3. Повышение жизненного уровня, дохода на душу населения.

4. Появление у граждан собственного жилья (правда, очереди на квартиру сохраняются и в наши дни).

5. На организацию досуга оказывают влияние пол, возраст, семейное положение (у лиц, не имеющих семьи, естественно, больше свободного времени, чем у семейных). Половые различия также влияют на вне рабочее и свободное время: например, большинство женщин устает в пятницу на работе, в субботу – при домашней работе, а большинство мужчин – в понедельник после «отдыха» в выходные дни.

Таблица 2 – В какой день недели Вы больше всего устаете?, %

День недели	РБ	г. Минск	г. Брест
Понедельник	30,8	29,3	12,5
Вторник	4,1	1,4	1,6
Среда	5,7	4,3	6,3
Четверг	5,3	5	6,3
Пятница	23,2	32	31,3
Суббота	16,6	12	18,8
Воскресенье	9,2	6	17,2

6. Занятия спортом и физической культурой. Сравнительный социологический анализ опросов 1997–2005 гг. раскрывает картину использования свободного времени брестчанами для занятий спортом (таблица 3):

Таблица 3 – Занимаетесь ли Вы физической культурой, спортом, утренней гимнастикой, аэробикой и т.д.?, %

	1997 г.	2005 г.
Регулярно	7,9	15
Фрагментарно	26,2	33,6
Не занимаюсь	65,9	51,4

Социальные проблемы (в том числе проблемы рационального использования свободного времени) волнуют брестчан. Согласно данным конкретно-социологического опроса, проведенного в феврале 2005 г., наиболее злободневные из которых представлены в таблице 4 (постановка вопроса предполагала возможность нескольких вариантов ответов).

Таблица 4 – Какие проблемы городской жизни Вы считаете наиболее злободневными?, %

1. Возможность проведения свободного времени детьми и подростками	10,7	9. Медицинское обслуживание	41,4
2. Недостаточная помощь малообеспеченным	30,7	10. Ремонт жилого фонда	32,1
3. Бытовое обслуживание	20,7	11. Благоустройство дворов	22,1
4. Возможности для отдыха взрослых	10	12. Состояние подъездов в жилых домах	26,4
5. Возможности для занятия физической культурой и спортом	17,1	13. Состояние улиц и дорог	22,9
6. Организация общественного питания, в частности, экспресс-питания	15,7	14. Освещенность улиц и дворов	7,1
7. Экология окружающей среды	41,4	15. Работа ЖЭСов	29,2
8. Работа общественного транспорта	39	16. Охрана общественного порядка	15

XX в. – это время научно-технической революции, поэтому ее воздействие на все сферы общества, в том числе на сферу свободного времени велико. 84,2% респондентов имеют в пользовании телевизор. 64% брестчан назвали любимым занятием просмотр телепередач. В 1990-е гг. возросло количество каналов телевидения благодаря расширению сети кабельного телевидения, приобретению спутниковых антенн и т.д. Семья из 4-х человек, имеющая трехкомнатную и более квартиру, стремится иметь более одного телевизора. Удовлетворены интересы (при наличии денег) желающих иметь аудио- и видеотехнику. ТВ-каналы завладели аудиторией, особенно молодежной. Компьютерная революция и особенно Интернет продолжают победное шествие по стране и в регионе. По данным конкретно-социологических исследований, проведенных под руководством автора в 2005 г., 33,5% респондентов имели персональный компьютер, 17,8% использовали Интернет. К 2013 г. эти цифры удвоились. За прошедшие годы произошли серьезные сдвиги в области телефонизации. Владельцами домашних телефонов являются 75,7% опрошенных, 41,4% (в 2013 г. более 80%) имеют мобильные телефоны. Свободное время человека, однако, не должно перейти границу и оказаться в техногенной зоне: человек должен оставаться человеком. *Homo sum, humani nihil, a me alienum puto* (Я человек, ничто человеческое мне не чуждо).

Таким образом, проблемы вне рабочего (включая свободное время) реально существуют и влияют как на рабочее время (кто не умеет отдыхать, тот не умеет работать), так и на физическое и психологическое состояние личности. Беречь человека, создавать условия для совершенствования его духовного и интеллектуального потенциала – в этом должно быть заинтересовано общество. Рациональное использование свободного времени обществом, коллективом, личностью должно этому способствовать.

В трансформационный период проявляется широкий спектр девиации, т.е. массового отклонения от существующих в обществе норм, что характерно для аномического развития. «Во всем мире произошло гигантское накопление эмпирических сведений о многочисленных проявлениях негативной девиантности (хуже с позитивной – творчеством): различных видах преступности, наркотизме, алкоголизации населения, коррупции, торговле людьми, суицидальном поведении, сексуальных перверсиях и др. Развитие девиантологической теории и эмпирической базы закономерно привело к формированию относительно самостоятельных научных направлений внутри девиантологии. Диверсификация – нормальный путь развития науки (вспомним физику, биологию и др.)» [2, с. 71]. Заявила о себе криминология – социология преступности, которая

и прежде была наиболее развитой наукой девиантологического цикла. Оформилась суицидология – социология суицида, начало которой было положено хорошо известным классическим трудом Э. Дюркгейма «Самоубийство. Социологический этюд» (1897 г.). Менее известна работа П. Сорокина «Самоубийство как общественное явление» (1913 г.). Уровень самоубийств, по мнению большинства авторов, является относительно устойчивым национальным показателем. Высокий уровень самоубийств сохраняется в ряде современных государств: Венгрии, ФРГ, Австрии, Дании, Швейцарии. Низкий уровень самоубийств – в Испании, Италии, Израиле, в странах Латинской Америки. Например, в Никарагуа на 100 тыс. жителей приходится 3,2 случая. С 1994 г. первые места в мире заняли Литва (45,8), Россия (41,8), Эстония (40,9), Латвия (40,6), Венгрия (35,3) [2, с. 74]. Наиболее высок уровень самоубийств в городах с числом жителей от 500 тыс. до 1 млн. Низкий уровень суицидов в сельской местности объясняется относительно более высокой долей детей среди населения, национально-религиозными традициями, более тесными межличностными отношениями и привычным укладом жизни.

В Беларуси высокий уровень показателей суицида зафиксирован на рубеже XX и XXI вв.: в 1996 г. уровень самоубийств составил 35,1 случая на 100 тыс. населения, в 2000 г. – 30, в 2006 г. – 32,3, в 2010 г. – 26,1, в 2012 г. – 20,6. Отметим, что максимальное количество суицидов в Беларуси зафиксировано в 1995 г. – 3 562, а минимальное – в 1988 г. Согласно критериям ВОЗ, уровень суицида до 10 считается низким, от 10 до 20 – средним, от 20 до 35 – высоким, свыше 35 – критическим [3, с. 134].

Уровень самоубийств тесно связан с полом, возрастом, семейным положением. Среди мужчин уровень суицидов в 6 раз выше, чем среди женщин: смертность от самоубийства среди мужчин в 1990 г. составила 34,5 случая на 100 тыс. населения, среди женщин – 8,0; в 1995 г. среди мужчин – 56,4, среди женщин – 9,5; в 2000 г. – соответственно 63,6 и 9,5; в 2003 г. – 63,3 и 10,3; в 2004 г. – 60,7 и 9,2 [4, с. 727]. Максимальное количество самоубийств среди мужчин совершается в возрасте 40–59 лет, среди женщин – 70 лет и старше. Чаще самоубийство совершает тот, кто не состоит в браке, разведен, вдов, одинок.

Ежегодно специалисты психиатрической службы страны ставят на учет более 50 тыс. человек. Число людей с впервые поставленным диагнозом психического или поведенческого расстройства каждый год увеличивается на 2–2,5%. Специалисты утверждают также, что 70% самоубийств совершается под воздействием алкоголя.

Постепенно складывается аддиктология – социология зависимостей (алкогольной, наркотической, игровой, компьютерной). Аддикции – проблемная тема для большинства современных стран, и если в отношении социальных проблем пьянства и наркотизма имеются многочисленные разработки, то социологическое исследование игровой и компьютерной зависимостей только начинается. Аддиктивное поведение определяется как поведение, связанное с психологической или физиологической зависимостью от употребления какого-либо вещества или специфической активности с целью изменения психического состояния. Различного рода химические зависимости (наркомания, алкоголизм) достаточно хорошо изучены современной наукой и медициной, но т.н. нехимические зависимости привлекли внимание социальных наук сравнительно недавно. (Исключение составляет только игровая зависимость, которую большинство специалистов уже давно приравнивают к наркомании). На наш взгляд, проблема теоретического осмысления этого феномена осложняется несколькими факторами, а именно тем, что конкретных форм и видов зависимостей с каждым днём становится всё больше (количественный аспект), что создаёт определённые трудности в их классификации, и тем, что не всегда сегодня можно с уверенностью сказать, что то или иное явление патологично по своей природе (смысловой аспект). Последнее относится преимущественно к

венно к отмеченному сравнительно недавно феномену сетевой, или Интернет-зависимости.

Структура нехимических поведенческих пристрастий имеет примерно такой вид:

I. Непосредственно нехимические пристрастия: 1) азартные игры (гемблинг); 2) зависимость от Интернета; 3) аддикция отношений: сексуальная, любовная; 4) аддикция к трате денег; 5) трудоголизм; 6) «состояние перманентной войны»; 7) синдром Тоада, или зависимость от «весёлого автовождения».

II. Промежуточные аддикции: 1) аддикция к еде; 2) аддикция к физическому самосовершенствованию.

Из приведённого перечня встречающихся сегодня проблем можно сделать вывод, что зависимое поведение не только имеет базу для юридического и педагогического осмысления, что самоочевидно, но также ставит серьёзные проблемы для осмысления перед психологами, культурологами и социологами [1, с. 94].

Сексология как медико-психологическая дисциплина активно дополняется социологическим подходом. И хотя сексология в целом – наука о «нормальном» поведении, все большее место в ней начинают занимать исследования сексуальных «отклонений».

За последнее десятилетие появились такие направления (подсистемы) девиантологии, как военная, пенитенциарная, экономическая. «Диверсификация девиантологии сопровождается ее интеграцией с другими науками и их взаимовлиянием. Так, объяснение генезиса девиантности и ее отдельных проявлений невозможно без анализа структурных изменений общества, исследования роли социально-экономического неравенства и процессов включения/исключения, как девиантогенных факторов. Отметим только, что идеи К. Маркса, А. Кетле, Ф. Турати, Р. Мертона, Я. Тэйлора о роли социально-экономического неравенства в генезисе преступности и иных девиантных проявлений подтверждаются современными эмпирическими исследованиями. Социологический анализ девиантности и ее разновидностей как социальных феноменов на поведенческом уровне дополняется психологией девиантного поведения» [1, с. 71].

Таким образом, свободное время на рубеже XX и XXI вв. отражает трансформационные изменения в обществе. Степень аномичности постсоветского и современного белорусского общества остается высокой. Элементы аномии можно обнаружить в экономике, социально-политической, социокультурной областях, в том числе и в сфере свободного времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ботух, Л.М. Нехимические поведенческие пристрастия / Л.М. Ботух // Социология: традиции и современность : сб. материалов междунар. науч.-теорет. конф., посвященной 150-летию со дня рождения Э. Дюркгейма / редкол.: Е.В. Скакун, С.Т. Кавецкий. – Брест : БрГУ имени А.С. Пушкина, 2008. – 93–96 с.
2. Гишинский, Я.И. Социология девиантности / Я.И. Гишинский // Социс. – 2009. – № 8. – С.70–76.
3. Мицкевич, В.В. Словарь основных терминов, понятий и определений юридической психологии / В.В. Мицкевич ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – 162 с.
4. Энциклопедический справочник. Современная Беларусь. – Минск : Беларус. думка, 2006. – Т. 1. – 865 с.

Kavetski S.T. Free Time in the Belarusian Society at a turn of XX and XXI centuries

The article discusses multisided aspects of free time that are viewed against the background of social anomaly. The scope, structure and content of free time are studied. Irrational use of free time is analyzed, including a broad spectrum of deviations.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.10.2014

УДК 316.334.55/56(476)

Т.В. Кузьменко**ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВА
ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ МАЛЫХ ГОРОДОВ И СЕЛ**

В статье обосновывается идея от том, что территориальная идентичность выступает предпосылкой формирования местного сообщества малых городов и сел. Территориальная идентичность рассматривается в единстве когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов. На основе проведенных социологических исследований делается сравнительный анализ выраженности социально-эмоционального, познавательного и деятельностного отношений с местной общностью в малых городах и селах. Дается характеристика местных сообществ современных малых городов и сел по таким критериям, как отношение к своему населенному пункту, чувство общности, миграционные настроения, вовлеченность в процессы сетевых взаимодействий, процессы получения информации о местной жизни, а также включенность населения в процессы управления своей территорией.

Модернизация социально-экономической жизни, изменения в социальной, демографической, профессиональной структурах местных сообществ, реорганизация поселенческой структуры (формирование новых типов населенных пунктов – агрогородков) приводят к изменению традиционного уклада жизни в малых городах и сельских населенных пунктах. В этой ситуации основным предметом научного поиска становится ответ на вопрос: «В какой степени данные процессы сказались на социальной идентификации людей с местом их проживания, какие факторы ее определяют и какие типы социальной идентификации соответствуют происходящим изменениям в настоящее время?».

Идентификация с территорией проживания является важнейшим фактором формирования местного сообщества. Именно идентификация социального и культурного плана представляет собой довольно значимый ресурс местного развития. Ведь чем большее количество людей увязывает свою судьбу, судьбу своих детей и свои жизненные успехи с проживанием в данном месте, тем большим энергетическим потенциалом и соответствующими ресурсами для претворения в жизнь программ дальнейшего развития эта территория обладает. Только связывая собственную судьбу и судьбу своей семьи со своим селом, агрогородком, городом, человек будет проявлять активность, направленную на улучшение жизни на данной территории.

Социологическое направление исследований социальной идентификации, несмотря на различия в подходах к данной проблеме, исходит из того, что потребность включения в социальные связи является основным свойством человеческой личности, а общество задает индивиду социально-культурные рамки солидаризации. Обращаясь к анализу территориальной идентификации, необходимо прояснить смысл категорий «идентификация» и «идентичность». Понятие «идентификация» является первичным по отношению к понятию «идентичность» и представляет собой не что иное, как психологический механизм, благодаря которому реализуется отождествление, тогда как «идентичность» – это результат действия механизма идентификации [1, с. 28]. Территориальная идентификация (или идентификация с территорией, местом проживания) является частью социальной идентификации личности и представляет собой эмоционально-когнитивный процесс отождествления с территориальной общностью и ее типичными представителями («Я член территориальной общности»). Территориальная идентичность выступает в форме своеобразной самопрезентации, в рамках которой один человек или общность людей оценивают свое положение по отношению к внешнему миру [2, с. 95]. Таким образом, под территориальной идентичностью понимается восприятие индивидом себя как представителя определенной общности, основывающейся на единстве территории проживания, истории и традиций, социокультурного опыта,

ценностных ориентаций и образа жизни [3, с. 110]. Использование термина «территориальная идентичность» позволяет охватить широкий круг концептуальных взглядов на проблему отождествления людьми себя с разнообразными территориально определенными общностями, поскольку территориальная идентичность может касаться объектов разного масштаба и содержания, таких как место жительства, микрорайон, район, локальная община, территориальная община, поселок, город, регион, страна, субконтинент или континент в целом и даже земной шар. В зарубежной литературе для обозначения территориальной идентичности используют разнообразные определения: идентичность с местом (place identity), локальная идентичность (local identity), региональная идентичность (regional identity), идентичность со средой (environmental identity), городская идентичность (city identity, urban-related identity, social urban identity), идентичность с местом проживания (settlement identity).

В структуре социальной идентичности обычно выделяют два основных компонента: когнитивный (знания, представления об особенностях собственной группы и осознания себя её членом) и аффективный (оценка качеств собственной группы, значимость членства в ней) [4]. Некоторые ученые предлагают трехкомпонентную структуру идентичности, объединяющую когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты [5; 6]. В исследование территориальной идентичности местных сообществ в малых городах и селах целесообразно включить те же три компонента и рассматривать данную категорию в трех аспектах: с точки зрения социально-эмоционального, познавательного и деятельностного отношений с определенной местной общностью.

Эмпирической базой для социологического анализа территориальной идентичности жителей малых городов и сел послужили данные республиканских социологических опросов жителей малых городов и сел, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в 2011, 2012 и 2014 гг. под руководством Р.А. Смирновой. Для более наглядного представления результатов и обеспечения возможности сравнения степени выраженности каждого из компонентов территориальной идентичности по каждому из представленных показателей были построены индексы, вычисляемые на основе результатов анкетного опроса, в котором респонденты выражали степень своего согласия/несогласия с предлагаемыми ответами по шкале от определенно позитивного (максимальный балл) до четко негативного (1 балл). Итоговое количественное значение определялось как взвешенная средняя арифметическая: каждый балл умножался на процент респондентов, поставивших такой балл, произведения суммировались и усреднялись (сумма делилась на число баллов и общее число ответивших). Данные о позициях «не знаю» и «отказ от ответа» находятся за пределами шкалы оценок, поэтому они не учитывались при подсчете баллов. Итоговые индексы рассчитывались как средние от суммы промежуточных индексов.

Оценить состояние эмоционального отношения к месту проживания в исследовании позволили такие эмпирические индикаторы, как отношение к своему населенному пункту, оценка жизни в нем и дальнейших перспектив (связь своего будущего и будущего своих детей с местом проживания), а также чувство общности с жителями поселения. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о преобладании позитивного отношения большинства жителей малых городов и сел к своему населенному пункту: более четверти (26,4% в малых городах и 31,1% – в сельской местности) рады, что живут в нем; половина опрошенных (53,2% в малых городах, 49,9% – в селах) в целом довольны, хотя многое их все-таки не устраивает; ответы каждого седьмого жителя малых городов и сел (13,2% и 14,4% соответственно) свидетельствуют о безразличном отношении к своему населенному пункту, и лишь 5% респондентов из малых городов и 3,3% из сел утверждают, что им не нравится здесь жить. В основном недовольство по поводу своего места жительства высказывают молодые люди: среди мо-

лодежи до 30 лет в малых городах их в 3 раза больше по сравнению с респондентами старшего возраста (9,9% в возрасте от 16–30 лет и 3,7% – старше 30 лет); тех, кто рад, что живет в своем городе, среди молодых людей значительно меньше, чем в старшей возрастной группе (21,1% молодых людей в возрасте от 16–30 лет; 23,8% респондентов в возрасте 31–45 лет; 25,5% – в возрасте 46–60 лет; 42,3% – старше 60 лет).

Представители малых городов несколько оптимистичнее, чем сельчане, оценивают изменения в жизни своего населенного пункта за последние годы. О ее улучшении говорят ответы 49% жителей малых городов и 41,1% жителей сел; ничего не изменилось для пятой части горожан (22,9%) и трети сельчан (32,1%), а каждый шестой житель села (17,9%) и каждый седьмой представитель малого города (13,8%) отмечают ухудшение жизни в своем населенном пункте.

Своеобразными маркерами социальной идентификации выступают ответы на вопросы о миграционных настроениях респондентов и желании, чтобы в данном месте жили их дети и внуки. На вопрос «Хотели бы Вы переехать в другой населенный пункт?» более половины жителей малых городов и сел (54,3% и 55,7% соответственно) не высказали такого желания; не задумывались над этим 21,5% респондентов в малых городах и 25,2% в селах. А вот среди тех, кто хотел бы уехать, несколько больше представителей малых городов, чем сел (23,1% и 18% соответственно). Это во многом обусловлено более низкими показателями удовлетворенности населения малых городов качеством жизнеобеспечения и уровнем дохода в сравнении с сельскими жителями. Например, среди жителей малых городов в 2 раза больше, чем в селе, тех, кто плохо оценивает качество медицинского обслуживания (37,7% в городе и 14,3% в селе). И хотя объективно эти характеристики в малых городах несколько выше, чем в сельской местности, близость к большим городам, а также формирующиеся в нашей культуре образцы поведения и потребления горожанина и, соответственно, уровень запросов и притязаний, диктуемых городским образом жизни, оказывается более высоким именно в малых городах. Отсюда и желание уехать (в ответах наших респондентов это чаще всего Минск или областной центр).

Демонстрируя в целом позитивное отношение к своему населенному пункту, 42,1% опрошенных жителей малых городов и 67,5% сельчан, тем не менее, не хотят, чтобы их дети жили и работали в их городке, селе. Будущее своих детей респонденты связывают в основном с получением высшего образования (84,6% в малых городах и 73,7% – в селах) и жизнью в крупном городе. С одной стороны, это следствие более низкого социально-экономического развития малых городов и сел относительно крупных областных центров и столицы. А с другой – результат рассогласованности между социальными ожиданиями и социальной повседневностью, когда под воздействием западной массовой культуры, навязывающей через средства массовой информации чуждые, не обеспеченные ни объективными социально-экономическими условиями, ни культурными традициями нормативные образы, у людей (особенно у молодежи) формируется установка на недостижимый в условиях своего села, городка образ жизни и потребления. Такая тенденция несет в себе значительные социальные риски для сохранения человеческого потенциала малых городов и сел да и общества в целом.

Оценка эмоционально-психологических связей между индивидом и территорией включает изучение групп – соседей, жителей района и т.п., – с которыми ощущается наибольшая связь. Как показывают данные, большинство населения малых городов (76,9%) испытывает чувство общности с жителями своего поселения, хотя у сельских респондентов эмоциональная связь с односельчанами выражена в несколько большей степени (82,7%). Практически одинаковые значения для села и малого города имеет такой показатель, как чувство общности с жителями района (64%). Это является еще одним аргументом в пользу предположения о том, что малый город, чаще всего являясь

районным центром, выступает и в качестве ядра социальной, культурной, экономической жизни по отношению к окружающим селам, функционирует «в единой связке» с ними, а район воспринимается его жителями как единое территориальное образование не только с точки зрения административного деления, но и с точки зрения критериев выделения местного сообщества.

Вместе с тем при анализе выявилось, что жители малых городов практически в равной степени испытывают чувство общности как с городскими (64,1%), так и с сельскими жителями (57,6%), что обусловлено существованием прочных связей между селом и малым городом (обмен ресурсами, трудовая миграция, родственники и дети в городе и т.п.) (среди опрошенных сельчан чувствуют общность с сельскими жителями 79,5%, а с городскими – 51,8%). С другой стороны, это свидетельствует о своего рода «промежуточном», «маргинальном» положении малых городов между городом и селом и о неопределенности самоидентификации их жителей.

Важным показателем включенности населения в местное сообщество выступают социальные сети, неформальные институты поддержки – семейная и соседская взаимопомощь. Их роль в жизнедеятельности местных сообществ и в сельской местности, и в малых городах достаточно значительна. Только 7% среди опрошенного населения малых городов и сел указали, что в их населенном пункте нет людей, которым они доверяют и к которым можно обратиться за помощью в трудную минуту (7,7% в малых городах, 7,2% – в селах). Доверие наряду с включенностью в сети социальной поддержки выступает важнейшей характеристикой качества социальных отношений, показателем многих норм и ценностей, которые лежат в основе социального сотрудничества. Являясь одновременно источником и результатом социального капитала, доверие позволяет нейтрализовать неопределенность, минимизировать риски, что способствует более эффективному решению возникающих коллективных проблем в местном сообществе. Дефицит доверия обуславливает отказ от сотрудничества вследствие отсутствия у участников взаимодействия уверенности в адекватном ожидаемом поведении других. Высока степень включенности населения малых городов и сел в процессы сетевых взаимодействий – устойчивых неформальных контактов между домохозяйствами на родственной или дружественной основе в форме обмена ресурсами (более 70% опрошенных участвуют в оказании/получении помощи со стороны родственников, друзей, соседей).

Обобщая рассмотренные результаты, можно говорить о том, что степень эмоциональной составляющей территориальной идентификации жителей малых городов и сел в целом довольно высока. Индекс аффективно-оценочного отношения к своей территории проживания как среднее значение рассмотренных выше показателей и для малых городов, и для села оказался равен 0,79. Респонденты демонстрируют в основном положительное отношение к своим населенным пунктам и происходящим в них изменениям. Большинство жителей малых городов и сел испытывает чувство общности с жителями своего поселения, хотя у сельских респондентов эмоциональная связь с односельчанами выражена в несколько большей степени. Включенность в неформальные сети общения также достаточно высока как в сельской местности, так и в малых городах. Вместе с тем пятая часть опрошенных хотела бы уехать из своего населенного пункта, еще большая часть респондентов не связывает будущего своих детей со своим селом, агрогородком, малым городом. Реализация подобных планов на будущее значительно снизит человеческий капитал местных сообществ малых городов и сел и приведет (и уже приводит) к региональной разбалансированности в кадровых, социальных, экономических и культурных аспектах.

Вторым важным компонентом территориальной идентичности и включенности населения в местное сообщество выступает степень сознательного, осознанного отно-

шения сельчан к делам своей территории. Референтами, позволяющими судить о степени познавательного отношения к месту проживания, о знании респондентами проблем местной жизни, служат вопросы о заинтересованности жителей в информации о событиях, происходящих в их населенном пункте.

Социологические данные показывают, что жители малых городов и сел не безучастны к жизни своего населенного пункта. Большинство постоянно интересуется новостями о событиях в своем городе, отражаемых в местных средствах массовой информации (76,9% в малых городах и 67,6% в селах), делают это время от времени 19,8% жителей малых городов и 29,4% проживающих в сельской местности и лишь около 2% (1,7% в малых городах и 2,3% в селах) не проявляют интереса к местной жизни. Как видно, городские жители заинтересованы в подобной информации в несколько большей степени. Это может быть связано, во-первых, с меньшей доступностью (или отсутствием) в некоторых селах таких средств информации (региональных газет), а также с тем, что в силу большей выраженности личных связей и большей тесноты взаимодействий в селе любая местная информация быстрее передается и проще воспринимается посредством неформальных сетей, через живое общение, нежели через СМИ.

В целом же индекс, позволяющий количественно представить когнитивную компоненту территориальной идентичности жителей малых городов, оказался довольно высоким: 0,92 для малых городов и 0,89 для сел. Степень интереса к текущим делам территории достаточно высока, однако надо отметить, что в исследование не были включены вопросы о знании жителей места жительства, их истории, культуры. Более подробный анализ познавательного аспекта территориальной идентичности в местных сообществах представляется полем для дальнейшего исследовательского поиска.

Говоря о познавательном отношении к делам своей территории, о культурных рамках формирования территориальной идентичности следует обратить внимание на каналы получения и обмена информацией, посредством которых эти процессы осуществляются. Социологические данные свидетельствуют о том, что жители малых городов и сел не изолированы от вошедших в нашу жизнь технических средств получения и обмена информацией. Так, большинство представителей малых городов (93,1%) и сел (94%) используют мобильные телефоны. А вот компьютером и сетью Интернет пользуется большее число горожан, чем сельчан (таблица).

Таблица – Распределение ответов на вопрос: «Какими современными компьютерными и информационными средствами Вы пользуетесь?», %

	Малый город	Село
Мобильный телефон	93,1	94,0
Компьютер	63,9	49,8
Интернет	51,5	35,5

Важно подчеркнуть, что и эмоциональное, и познавательное отношение к территории реализуется прежде всего в активных действиях, т.е. в поведенческом аспекте. Именно поэтому для более полного анализа была выбрана трехкомпонентная структура территориальной идентичности. Оценить степень выраженности деятельностного аспекта позволили данные об участии в инициативах по улучшению жизни в своем населенном пункте, а также в различных формах местного самоуправления.

Данные опроса показывают, что четверть жителей малых городов и сел (малые города – 23,7%, села – 25,1%) принимают участие в инициативах по благоустройству, улучшению жизни в своем городе, оказанию помощи нуждающимся и т.п. Участие

в подобных инициативах воспринимается окружающими в основном позитивно: по словам 21,8% респондентов в малом городе и 16,7% в селе, их действия встретили поддержку со стороны местных жителей.

Вместе с тем социологические данные фиксируют слабую степень включенности населения в процессы управления своей территорией. Так, только 46% опрошенных жителей малых городов и 52,3% сел ответили, что в их населенном пункте существуют те или иные формы местного самоуправления (собрание, сход граждан, публичные слушания и т.п.). Что касается распространенности участия тех или иных форм местного самоуправления, то участвуют в них, по мнению респондентов, лишь наиболее активные граждане (так ответили 33,6% жителей малых городов и 34,9% сел). Среди причин отсутствия мотивации участия населения в местном самоуправлении чаще всего указываются следующие:

- 1) не видят пользы для себя от такого участия (малые города – 29,2%, села – 30,3%);
- 2) не уверены в успешности общего дела (малые города – 19%, села – 17,8%);
- 3) не знают, как это сделать (6,6% и 6,2%);
- 4) встречают настороженное отношение со стороны местных властей и чиновников (5,8% и 4,3%).

Если говорить о количественном представлении описанных выше показателей деятельности компоненты территориальной идентичности, то данный индекс оказался самым низким – 0,7 и для малых городов, и для сел.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в целом территориальная идентичность жителей малых городов и сел является достаточно сильной. Наиболее ярко выраженным ее компонентом является когнитивный: степень интереса к текущим делам территории достаточно высока. Несколько ниже оказался уровень эмоционального отношения к месту жительства. С одной стороны, позитивное отношение к месту своего проживания, чувство общности и сильные эмоциональные связи с территорией и соседской общиной, распространенные сетевые взаимодействия служат предпосылками для укрепления местных сообществ. С другой стороны, в силу более низкого уровня жизни, слабой удовлетворенности социальной и культурной инфраструктурой многие жители малых городов и сел не связывают своего будущего и будущего своих детей со своим населенным пунктом, что в принципе снижает саму вероятность дискурса о развитии местных сообществ в малых городах и селах в будущем. В этой связи можно предположить, что первичной предпосылкой, укрепляющей связь с территорией и местные общинные связи, является качество работы местных органов власти. Чем больше их деятельность отвечает социальным ожиданиям, тем вероятнее, что социальные связи жителей с общиной (не только как с местом рождения и проживания, но и как с главным пространством гражданского самосознания и деятельности) будут укрепляться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Науменко, Л.И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика / Л.И. Науменко. – Минск : Беларуская навука, 2012. – 205 с.
2. Шматко, Н.А. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования / Н.А. Шматко, Ю.Л. Качанов // Социологические исследования. – 1998. – № 4. – С. 94–98.
3. Коржов, Г. Территориальные идентичности: концептуальные интерпретации в современной зарубежной социологической мысли / Г. Коржов // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2010. – № 1. – С. 107–124.

4. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – М. : Ин-т психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.

5. Дробижева, Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность / Л.М. Дробижева // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России ; Отв. ред. В.С. Магун. – М. : Изд-во ИС РАН, 2006. – С. 10–29.

6. Павленко, В.Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии / В.Н. Павленко // Вопросы психологии. – 2000. – № 1. – С. 135–141.

Kuzmenko T.V. Territorial Identity as the Basis for the Formation of Local Communities of Small Towns and Villages

The article substantiates the idea that territorial identity is a prerequisite for the formation of the local community of small towns and villages. Territorial identity is considered together with cognitive, affective and behavioral components. Based on the conducted sociological research is a comparative analysis of the severity of the socio-emotional, cognitive and active relations with the local community in small towns and villages. The characteristics of local communities of modern small towns and villages according to criteria such as the attitude to the settlement, a sense of community, migration intentions, and involvement in the network of interactions, processes, and information on local life as well as the involvement of the population in the processes of managing their own territory are represented in the article.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 01.07.2014

УДК 94 (476) «18/19»

А.Д. Кузьмин

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ЧИНОВНИКОВ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В 1864–1914 ГГ.

В статье рассматриваются социальный состав и уровень образования служащих белорусских губерний в 1864–1914 гг. на основе анализа формулярных послужных списков чиновников, а также Памятных книжек. Автор изучил источники комплектования местной бюрократии, определил степень участия представителей различных слоёв населения в управлении обществом посредством государственной службы. Практическая значимость работы определяется возможностью использования её материалов в исследовании социальной и культурной истории Беларуси, истории государства и права, а также в исторической антропологии.

Введение

Основным видом источников для характеристики состава чиновничества белорусских губерний являются формулярные списки. Конечно, использование одного вида источников неизбежно вызывает вопрос о его репрезентативности. Формулярные списки являлись официальными документами, подтасовка или искажение информации в которых были практически невозможны. Для того чтобы выявить динамику изменений в составе бюрократии белорусских губерний в течение рассматриваемого периода, нами были проанализированы списки служащих губернских и уездных учреждений за 1864–1876 гг., а затем сделано то же самое за 1900–1914 гг. Естественно, в архивах сохранились не все документы такого рода. По первому периоду удалось изучить 263 формулярных списка, а по второму – 118. Т.е. пришлось иметь дело с так называемой естественной выборкой. Она по определению не может дать точных сведений о составе бюрократии, однако достаточно чётко свидетельствует о тенденциях, имевшихся в рассматриваемый период.

Социальный состав и уровень образования чиновников белорусских губерний в 1864–1914 гг.

Прежде всего обратимся к социальному составу чиновничества белорусских губерний в 1864–1914 гг. Изучение данного вопроса представляет первостепенный интерес с точки зрения выявления источников комплектования местной бюрократии. Установление круга этих источников, а также изучение эволюции чиновничества за определённый временной промежуток позволяет не только представить социальный облик бюрократии того времени, но и охарактеризовать процессы социальной мобильности, определить степень участия представителей различных слоёв населения в управлении обществом посредством государственной службы.

Под социальным составом чиновничества будет пониматься дифференциация служащих на социальные группы и слои в зависимости от их происхождения (дети потомственных дворян, церковнослужителей, обер-офицеров, чиновников, личных почётных граждан и т.д.), а не по формальной их принадлежности к тому или иному сословию или группе, которая в значительной степени определялась служебным статусом служащего, в частности его рангом, наличием особых заслуг и знаков отличия.

Анализ формулярных списков белорусских чиновников позволил составить две таблицы, в которых систематизированы полученные данные. В них все служащие разделены на несколько групп. В первую включены чиновники, в формулярных списках которых сказано, что они выходцы «из дворян». Остальные группы представлены чиновниками недворянского происхождения: дети духовенства, обер-офицерские дети

(сыновья солдат, дослужившихся до первого офицерского чина), потомки чиновников, выходцы из купечества, мещан и крестьян. Результаты исследования послужных списков 1864–1876 гг. приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Социальный состав чиновников белорусских губерний в 1864–1876 гг.

Класс	Всего служащих	Происхождение							
		Дворяне	Церковно-служители	Обер-офицеры	Чиновники	Купцы	Мещане	Крестьяне	Прочие
III	–	–	–	–	–	–	–	–	–
IV	5	5	–	–	–	–	–	–	–
V	5	2	3	–	–	–	–	–	–
VI	5	2	1	1	–	–	1	–	–
VII	17	11	2	4	–	–	–	–	–
VIII	29	17	6	4	1	–	–	–	1
IX	36	23	5	4	3	–	1	–	–
X	37	17	9	9	2	–	–	–	–
XII	48	24	14	6	2	–	1	1	–
XIV	31	12	10	6	1	–	–	–	2
Без чина	50	18	17	11	3	–	–	–	1
Всего	263	131	67	45	12	–	3	1	4
%	100	50	25,6	17,1	4,6	–	1,1	0,4	1,5

Материалы таблицы показывают, что в 1864–1876 гг. на государственной службе преобладало дворянство. Выходцы из этого сословия составляли примерно 50% чиновников канцелярий губернаторов, губернских правлений, губернских и уездных полицейских управлений, дворянских опеков, уездных судов. Впрочем, с другой стороны, необходимо обратить внимание, что дворянское доминирование в бюрократической среде не было абсолютным. Приведённые цифры убедительно свидетельствуют о том, что государство, испытывая недостаток в кадрах для своего аппарата, вынуждено было принимать на службу не только выходцев из высшего сословия, но и значительное число лиц из других слоёв населения. Так, выходцы из духовенства составляли 25,6%, сыновья обер-офицеров – 16,8%, потомственные чиновники – 4,6%. Все остальные социальные группы дали в сумме только 3% чиновников [1–5]. Низкий удельный вес купцов, мещан, крестьян и прочих разночинцев в данной среде объясняется господствовавшей в стране системой сословных отношений, при которой переход из одного состояния в другое был чрезвычайно затруднён.

Анализ социального состава белорусских государственных служащих свидетельствует, что вторым по значимости источником пополнения местной бюрократии была среда священнослужителей. Судя по архивным материалам и отзывам современников, кадры из данного сословия отличались не только большим количеством, но и неплохим качеством подготовки службы. Обращаясь к причинам большого представительства духовного сословия в среде чиновничества белорусских губерний, надо отметить, что, согласно действовавшему тогда закону, дети священнослужителей имели приоритетное право поступать на коронную службу наряду с дворянами, сыновьями купцов 1-й гильдии, детьми чиновников, художников и учёных. Однако не только закон способствовал устройству детей священников в государственный аппарат на службу. Лица, вышедшие из духовенства, были наиболее образованными (после дворянства) среди представителей разночинной среды и составляли в качественном отношении неплохую часть провинциального чиновничества. Кроме того, идти на государственную службу их заставляла сама жизнь. Семьи священников были традиционно многодетными, поэтому не все дети могли получить приход по наследству и выходили из своего сословия, где единственным способом прокормить себя была государственная служба. Сохранившиеся ар-

живные материалы дают немало примеров успешного карьерного роста выходцев из духовенства. Например, одним из образцовых чиновников был сын священника Каллистрат Александрович Костко, который в 1886 г. был старшим чиновником особых поручений при могилёвском губернаторе. Окончив Могилёвскую духовную семинарию с аттестатом 1-го разряда, он в возрасте 20 лет был определён в штат Могилёвского губернского правления и утверждён в чине коллежского регистратора. Далее Каллистрат Александрович продвинулся по служебной лестнице, приобретая не только чины, но и награды за «отлично усердную службу». В 1876 г. он получил орден «Св. Станислава 3-й степени», а в 1882 г. был награждён орденом «Св. Анны 3-й степени» [6, л. 32–35].

Дети церковнослужителей, вошедшие в состав бюрократии, обучались преимущественно в духовных уездных училищах и семинариях. Духовные семинарии обеспечивали своим учащимся разностороннее образование, что позволяло последним занимать ряд должностей, требующих наличия специфических знаний. Именно поэтому нередко дети священников, дьяконов, причетников и т.п., а также учащиеся из других социальных слоёв в духовные учебные заведения шли ради образования, а не ради будущей духовной профессии.

В 1900–1914 гг. социальный состав чиновников белорусских губерний выглядел иначе. Об этом свидетельствуют данные таблицы 2.

Таблица 2 – Социальный состав чиновников белорусских губерний в 1900–1914 гг.

Класс	Всего служащих	Происхождение							
		Дворян	Церковнослужители	Оберофицеры	Чиновники	Купцы	Мещане	Крестьяне	Прочие
III	–	–	–	–	–	–	–	–	–
IV	5	4	–	–	1	–	–	–	–
V	6	2	1	–	–	1	1	1	–
VI	1	1	–	–	–	–	–	–	–
VII	9	3	3	2	1	–	–	–	–
VIII	5	2	–	2	1	–	–	–	–
IX	5	–	–	–	1	–	2	1	1
X	14	3	1	–	3	–	2	3	2
XII	21	2	3	1	4	–	7	3	1
XIV	20	2	3	–	1	–	7	6	1
Без чина	32	–	6	–	4	–	13	8	1
Всего	118	19	17	5	16	1	32	22	6
%	100	16,1	14,4	4,2	13,6	0,8	27,1	18,6	5,1%

В 1900–1914 гг. дворянство потеряло свою прежнюю роль основного поставщика кадров. Удельный вес чиновников из духовного сословия значительно снизился, что было связано с появившейся конкуренцией со стороны представителей низших сословий. Свою роль здесь сыграл указ от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний», по которому сословный ценз чиновничества был фактически отменён [7]. Тем не менее духовенство по-прежнему предоставляло местной администрации трудолюбивых и исполнительных мелких и средних чиновников.

Резко выросло на государственной службе представительство мещан, потомственных чиновников и крестьян. Если в 1864–1876 гг. они составляли лишь 6,1% чиновников, то теперь выходцы из этих сословий составили 59,3% служащих местного государственного аппарата. Выходцы из крестьянства обогнали детей дворян по числу своих представителей в органах государственной власти. Они были движимы желанием несколько улучшить свое материальное положение и подняться чуть выше по социальной лестнице. Правда, как следует из таблицы, и крестьянские, и мещанские отпрыски

занимали низшие должности в государственных учреждениях. Тем не менее само их появление на государственной службе стало весьма знаменательным явлением.

В 1864–1876 гг. на третьем месте по численности среди провинциальных чиновников, как видно из таблицы 1, находились обер-офицерские дети, однако в течение рассматриваемого периода их удельный вес серьёзно снизился (до 4,2%).

Резюмируя сравнительный анализ данных, относящихся к началу и к концу рассматриваемого периода, можно сказать, что в конце XIX – начале XX вв. шёл процесс «раздворянивания» государственной службы, выражавшийся в вытеснении дворян разночинцами. Можно сказать, что фактически реализовывался принцип рекрутирования служащих для бюрократического аппарата из всех слоёв населения.

Советские историки обычно пытались принизить значимость раздворянивания чиновничества. Во-первых, они обращали внимание на то, что самодержавие, принимая на службу лиц недворянского происхождения, делало всё возможное, чтобы сохранить в руках дворянства господствующие позиции в государственном аппарате. Во-вторых, как писал Н.П. Ерошкин, попав в привилегированную среду табельного чиновничества, представитель иного сословия становился дворянином или стремился выслужиться в дворяне, полностью усваивал взгляды и мораль, всю идеологию дворянской бюрократии, абсолютистского государства. Этот постоянный приток в дворянскую бюрократию свежих сил из других сословий укреплял самодержавную государственность, содействовал консервации абсолютизма и самой дворянской бюрократии [8, с. 195]. Если с первым аргументом можно согласиться (в белорусских губерниях высшие должности на протяжении всего рассматриваемого периода оставались в руках дворян), то со вторым можно поспорить. Тезис Н.П. Ерошкина, возможно, справедлив для второй половины XIX в., когда дворяне составляли 50% государственных служащих. Попадая на службу, разночинец действительно должен был усваивать взгляды и мораль большинства, иначе его работа была бы тяжёлой с психологической точки зрения. В начале XX в., когда дворяне перестали быть основной частью государственного аппарата, разночинцам не было никакой необходимости кардинально менять свои устоявшиеся принципы и нормы. Соответственно, чиновничья служба должна была потерять сословный характер не только на уровне закона, но и на уровне социально-психологических особенностей своих представителей.

Существенные изменения произошли в составе чиновничества белорусских губерний с точки зрения уровня образования его представителей. Для установления этого уровня, а также динамики его изменения нами были проанализированы те же формулярные списки за 1864–1876 гг. и 1900–1914 гг. [1–5]. Их данные позволили составить таблицы, характеризующие показатели образованности местной бюрократии. Данные в таблицах распределены по следующим рубрикам: 1) высшее; 2) незаконченное высшее; 3) среднее; 4) неполное среднее; 5) начальное; 6) домашнее. К имевшим «домашнее образование», помимо служащих, у которых в послужных списках имеется соответствующая запись, были отнесены чиновники с отсутствующими данными об образовании. Следует отметить, что формулярные списки с пустой графой, предназначенной для фиксации образовательного уровня чиновника, периодически встречаются. Отсутствие конкретных данных об образовании вряд ли стоит связывать с упущениями составителей формуляров. Образовательный ценз был одним из важнейших условий, принимавшихся во внимание при поступлении на службу. Следовательно, графа об образовании считалась одной из главных в послужном списке. Скорее всего, лица, в формулярных списках которых отсутствуют сведения об образовании, попросту не закончили никакого учебного заведения, получив «домашнее образование». Этот факт составители документов в силу его распространённости просто специально не оговаривали.

Согласно полученным данным, образовательный уровень чиновников белорусских губерний в 1864–1876 гг. выглядел следующим образом.

Таблица 3 – Образовательный уровень чиновников белорусских губерний в 1864–1876 гг.

Класс	Всего служащих	Образование					
		Высшее	Незаконченное высшее	Среднее	Неполное среднее	Начальное	Домашнее
III	–	–	–	–	–	–	–
IV	5	3	–	2	–	–	–
V	5	2	–	3	–	–	–
VI	5	2	–	3	–	–	–
VII	17	5	–	7	–	4	1
VIII	29	2	–	6	4	13	4
IX	36	–	1	4	4	19	8
X	37	1	–	9	6	19	2
XII	48	2	1	6	3	29	7
XIV	31	–	1	5	6	19	–
Без чина	50	–	–	6	4	30	10
Всего	263	17	3	51	27	133	32
%	100	6,5	1,1	19,4	10,3	50,6	12,2

Как видно из таблицы, в рассматриваемый период чиновники белорусских губерний не отличались высоким уровнем образованности. Служащих с высшим и незаконченным высшим образованием было 7,6%. Лиц со средним и неполным средним образованием имелось около 30% (в основном это были дворяне и выходцы из духовенства, закончившие гимназии, а также выпускники семинарий). Более половины рассматриваемых чиновников имели лишь начальное образование (в соответствующих графах чаще всего значится какое-либо уездное училище). Наконец, 12,2% служащих получили образовательную подготовку в доме родителей.

В 1900–1914 гг. картина образованности белорусского чиновничества выглядела несколько иначе (таблица 4).

Таблица 4 – Образовательный уровень чиновников белорусских губерний в 1900–1914 гг.

Класс чинов	Всего служащих	Образование					
		Высшее	Незаконченное высшее	Среднее	Неполное среднее	Начальное	Домашнее
III	–	–	–	–	–	–	–
IV	5	5	–	–	–	–	–
V	6	5	–	1	–	–	–
VI	1	–	–	1	–	–	–
VII	9	1	1	3	1	3	–
VIII	5	2	1	–	–	2	–
IX	5	–	–	1	1	2	1
X	14	–	–	2	2	10	–
XII	21	2	–	–	1	18	–
XIV	20	–	–	2	2	15	1
Без чина	32	–	–	1	5	20	6
Всего	118	15	2	11	12	70	8
%	100	12,7	1,7	9,3	10,2	59,3	6,8

Первое, что сразу обращает на себя внимание, – это значительный рост удельного веса чиновников, имеющих только начальное образование. После издания циркуляра «о кухаркиных детях» 1 июля 1887 г. среднее образование для большинства выходцев из крестьянского и мещанского сословия стало просто недоступным из-за значительного повышения стоимости обучения в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах.

Поэтому в 1900–1914 гг. почти 60% служащих имели лишь начальное образование, которое в этот период часто было профессиональным: землемерно-таксаторские классы, техническое железнодорожное училище, кондукторская школа и др.

Заметно выросло (с 7,6% до 14,4%) количество чиновников, получивших высшее и незаконченное высшее образование, зато снизилось число лиц (с 12,2% до 6,8%), получивших образовательную подготовку дома.

Заклучение

Таким образом, в составе чиновничества белорусских губерний в течение второй половины XIX – начала XX вв. произошли существенные изменения. Изменилась социальная структура бюрократии: дворянство перестало составлять большинство губернской и уездной администрации, представителей благородного сословия существенно потеснили разночинцы. Совершенно новым явлением стало присутствие в бюрократическом аппарате (пусть и на низших должностях) выходцев из крестьянства, которое после 1906 г. стало весьма значительным. Местная бюрократия потеряла свой прежний сословный облик, о котором в начале XX в. напоминала только сохранившаяся дворянская монополия на высшие должности. Также в рассматриваемый период существенно изменился уровень образованности местной бюрократии. Заметно выросло количество чиновников (с 7,6% до 14,4%), получивших высшее и незаконченное высшее образование. Однако после издания циркуляра «о кухаркиных детях» 1 июля 1887 г. среднее образование для большинства выходцев из крестьян и мещанского сословия стало просто недоступным из-за значительного повышения стоимости обучения в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах. Поэтому в 1900 – 1914 гг. почти 60 % служащих имели лишь начальное образование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Формулярные списки о службе чиновников Могилёвской губернии // НИАБ. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 940, 966, 1006, 1034, 1035, 1048, 1050, 1063, 2144.
2. Формулярные списки о службе чиновников Минской губернии // НИАБ. – Фонд 299. – Оп. 7. – Д. 226, 227, 235, 236, 238, 242, 254, 255, 265, 281–283, 293–296, 302–307, 312–315, 403, 404, 416, 419.
3. Формулярные списки о службе чиновников Витебской губернии // НИАБ. – Фонд 1416. – Оп. 2. – Д. 13096, 13099, 15042, 15248, 15255, 15511, 15512, 22784, 23057, 24960, 25219.
4. Формулярные списки о службе чиновников Гродненской губернии // НИАБ (Гродно). – Фонд 2. – Оп. 37. – Д. 2305, 2306, 2308.
5. Формулярные списки членов и чиновников Могилёвского губернского правления за 1914 г. // НИАБ. Фонд 2003. – Оп. 1. – Д. 675.
6. Формулярные списки о службе чиновников канцелярии Могилёвского губернатора за 1888 г. // НИАБ. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 1212.
7. Дело об определении на государственную службу лиц всех сословий // РГИА. – Фонд 1289. – Оп. 8. – Д. 918.
8. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России : учебник для студентов вузов / Н.П. Ерошкин. – М. : Высшая школа, 1983. – 352 с.

Kuzmin A.D. Social Composition and Educational Level of Belarusian Provincial Officials in the 1864–1914 years

The author has studied social composition and an educational level of Belarusian provincial officials in the 1864–1914 years by the analysis of officials' track records, and also Memorable books of the Belarusian provinces. The practical importance of this article is determined by the possibility of use of its materials in research of social and cultural history of Belarus, state and right history, and also in historical anthropology.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 15.09.2014

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Бондар Ю.П. – кандыдат палітычных навук, дацэнт, рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў

Бубноў Ю.М. – доктар сацыялагічных навук, прафесар, загадчык кафедры гуманітарных дысцыплін Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта харчавання, галоўны навуковы супрацоўнік Магілёўскага інстытута рэгіянальных сацыяльна-палітычных даследаванняў

Вакула М.М. – аспірантка кафедры сацыяльнай работы Беларускага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта імя М. Танка

Дашкевіч В.А. – першы намеснік дырэктара Інфармацыйна-аналітычнага цэнтры пры Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь

Евароўскі В.Б. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, загадчык Цэнтры гісторыка-філасофскіх і камапаратыўных даследаванняў Інстытута філасофіі НАН Беларусі

Кавецкі С.Ц. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Коктыш М.Г. – магістр палітычных навук, аспірант кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Кузьменка Т.В. – кандыдат сацыялагічных навук, старшы навуковы супрацоўнік Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Кузьмін А.Д. – магістр гістарычных навук, асістэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта харчавання

Лысюк А.І. – доктар палітычных навук (Украіна), кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ляпешка Б.М. – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Махнач К.М. – аспірантка кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Міхайлава Н.В. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, загадчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Мінскага дзяржаўнага вышэйшага радыётэхнічнага каледжа

Петрушак В.Л. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы

Рашэтнікава Н.С. – аспірант кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Сакалоўская М.Р. – старшы выкладчык кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Севярын Э.М. – выкладчык кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Смірнова Р.А. – доктар філасофскіх навук, дацэнт, загадчык аддзела сацыялогіі рэгіянальнага развіцця Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Цігарэнка Л.Р. – доктар сацыялагічных навук, прафесар, прафесар кафедры сацыялогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Шыраканова Г.А. – кандыдат сацыялагічных навук, старшы выкладчык кафедры сацыяльнай камунікацыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Якавук Т.І. – доктар сацыялагічных навук, кандыдат культуралогіі, прафесар, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Інструкцыі па афармленні дысертацыі, аўтарэферата і публікацыі па тэме дысертацыі, зацверджанай пастановай Прэзідыума Дзяржаўнага вышэйшага атэстацыйнага камітэта Рэспублікі Беларусь ад 24.12.1997 № 178 (у рэдакцыі пастанова Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, ад 15.08.2007 № 4). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылкаў падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па левым краі);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па левым краі);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку, калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасьцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А.В. Дзябёлая, Л.М. Калілец*
Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 03.12.2014. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.
Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 17,90. Ул.-выд. арк. 15,02.

Тыраж 100 экз. Заказ № 393

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013
224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.